АРМЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Зандян Инесса Арменовна

Гродненский государственный медицинский университет, 2 курс, факультет иностранных учащихся

Научный руководитель - Мишонкова Н. А., заместитель декана по воспитательной работе факультета иностранных учащихся, старший преподаватель кафедры русского и белорусского языков

Письменность армянского языка, чрезвычайно важна в лингвистическом отношении и занимает обособленное положение в индоевропейской группе языков. Письменность была создана после того, как в Армению в 369 г. проникло христианство, а армянская церковь достигла независимости (автокефалии).

Около 400 г. н.э. Месроп Маштоц в содружестве с Сааком и греком из Самосаты по имени Руфан создал письменность, в совершенстве соответствующую армянскому языку. Пятый век был золотым веком армянской литературы. Знаменитая школа переводчиков (*т'аргманичк'или сурб т'аргманичк' «святые переводчики*»), основанная Сааком, осуществила переводы Библии на армянский язык с сирийского и греческого, а также переводы шедевров греческой литературы. Сохранившиеся древнеармянские рукописи относятся к X в. н.э. и более позднему времени, но, по сведениям Бэйли, существует также и несколько более ранних рукописей; так, например, в 1899 г. в Москве было опубликовано факсимиле рукописи Евангелия 887 г., а Ф. Маклер опубликовал факсимиле рукописи 989 г.

Об армянском языке Байрон сказал, что это «богатый язык, который с лихвой вознаградит того, кто возьмет на себя труд изучить его». В настоящее время под армянским языком понимают:

1) древний, или классический, армянский, называемый «грабар», то есть «письменный язык», который до сих пор употребляется как язык богослужения, а до XIX в. был языком науки и литературы;

2) «народную» речь — современный армянский язык, употребляемый

примерно с середины настоящего тысячелетия. Этот язык называется «ашхарабар» или «ашхарик» (от ашхар «мир, свет») и является языком современной армянской литературы и СМИ. Имеются два основных диалекта — восточноармянский, на котором говорят армяне, живущие в Иране, и западноармянский, язык армянской диаспоры. Различия между диалектами касаются грамматики и произношения согласных b-p, g-k, d-t. Для классического и для современного армянского языка употребляется армянская письменность.

Армянский язык - индоевропейский язык, выделяемый в отдельную подгруппу, совмещаемый с греческим и фригийским языками. Это один из древнеписьменных. Алфавит создал Месроп Маштоц в 405-406 годах. н. э. Армянская письменность считается одной из самых древнейших в мире. Сохранилось множество образцов и памятников древнеармянской письменности.

Армянский язык - единственный язык в мире, в котором название Библии имеет прямое дословное отношение к Богу. «Библия» п о-армянски звучит как «Аствацашунч» - дословно «Божье Дыхание».Первая книга «Урбатагирк» или «Книга Пятницы», напечатанная армянским шрифтом, вышла в Венеции в 1512 году, благодаря просветительской деятельности Акопа Мегапарта. Именно благодаря этому первопечатнику армянский язык стал первым из языков Азии и СНГ, ставшим языком книгопечатания.

Первый в мире учебник арифметических задач был составлен армянским ученым, математиком VI века Давидом Непобедимым. Экземпляр этого задачника хранится в Ереванском хранилище древних рукописей «матенадаране».

Лингвисты называют армянский алфавит одним из трёх самых совершенных в мире (вместе с грузинским и корейским). Создателем грузинского алфавита, как и албанского (агванского) является Месроп Маштоц, армянский ученый-монах, создавший армянский алфавит.

КАЗАХСКАЯ НАРОДНОСТЬ - ПРЕЕМНИЦА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Койбагарова Айжан Армановна
Гродненский государственный медицинский университет, 4 курс, факультет иностранных учащихся
Научный руководитель - Мишонкова Н. А., заместитель декана по воспитательной работе факультета иностранных учащихся, старший преподаватель кафедры русского и белорусского языков

В статье говорится о казахской народности, прошедшей долгий путь формирования. В этом процессе принимало участие множество племен и народов. Казахская народность занимает важное место в истории Евразии и является одним из древнейших этносов. Она является преемницей культурного наследия всех народов, принявших участие в ее становлении, поэтому казахский народ - один из богатейших народов в культурном плане.

До XX века культура казахов оставалась кочевой. За многие тысячелетия она прошла путь развития сложный и интересный культур других народов. Кочевые казахи выработали свой способ мышления, который является синтезом познавательных форм Запада и Востока. Результатом этого смешения большое развитие получили традиции, обряды и обычаи.

Уже на протяжении долгих лет неуклонно растет интерес, как у казахстанского народа, так и представителей казахской культуры за рубежом, в сфере возрождения культурных традиции и обычаев.

Казахская народность прошла долгий период формирования традиций и обычаев множества племен и народов. Она преемница культурного наследия всех народов, принявших участие в ее становлении. Казахские устои веками складывались из казахского кочевого образа жизни, прошли сквозь время, пространство и преграды, которые ставило перед ними время, и некоторые дошли до наших дней в своем неизменном, а некоторые и несколько деформированном состоянии. Сегодня казахский народ помнит и чтит большинство своих традиционных обрядов. Это является несомненным плюсом и для дальнейшего развития казахской нации.

УДК 821.19

СПЕЦИФИКА АРМЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗОК И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Григорян Югабер Степановна, аспирант кафедры теории языка и англистики
Московский государственный областной университет
(105005, Россия, Москва, улица Радио, 10А, e-mail: office@mgou.ru)

Аннотация. В статье раскрыта специфика армянских литературных сказок и особенности их перевода. Показаны сходства и различия армянских и русских литературных сказок. Выделены общие принципы, которые необходимо соблюдать при переводе литературных сказок: 1) найти и исследовать важнейшие мнемонические формулы исходного текста; 2) сравнить такие формулы в фольклорных традициях языка оригинала и языка перевода, чтобы убедиться в том, что между ними существует некоторое функциональное соответствие; 3) пытаться сделать имена сказочных персонажей понятными для читателей перевода, передать их семантическую и функциональную нагрузку; 4) приложить необходимые усилия для объяснения символических образов и реалий, которые могут быть непонятными для читателей; 5) особое внимание уделить переводу стихотворных элементов сказки, поскольку они играют важную роль. Особое внимание уделено литературной сказке, для которой характерно разнообразие сюжетов, наличие фольклорных источников, отображение национальной художественной фантазии, политический или социальный подтекст, аллегорическое выражение протеста или критики, направленной против определенных явлений реальной действительности; противоречивая природа, построение грамматики, стилистики и образности на принципах, характерных для устного творчества. Доказано, что переводчик, воспринимая и анализируя текст оригинала, выступает в роли интерпретатора, в связи с чем возможны смысловые сдвиги.

Ключевые слова: автор, армянские литературные сказки, быт, жанровые особенности, имена, исходный текст, мнемонические формулы, обычаи, перевод, и реалии, символические образы, сказочные персонажи, традиции, фольклор, художественная литература, цивилизация, юмор, энциклопедия.

SPECIFIC OF ARMENIAN LITERARY FAIRY-TALES AND FEATURE OF THEIR TRANSLATION

Grigoryan Yugaber Stepanovna, postgraduate student of Department
of theory of language and anglistics
Moscow State Regional University
(105005, Russia, Moscow, Radio street, 10A, e-mail: office@mgou.ru)

Abstract. The specific of the Armenian literary fairy-tales and feature of their translation is exposed in the article. Likenesses and distinctions of the Armenian and Russian literary fairy-tales are shown. General principles must be observed during translation of literary fairy-tales are distinguished: 1) find and investigate the major mnemonic formulas of original text; 2) compare such formulas in folklore traditions of language of original and language of translation, to make sure in that between them there is some functional accordance; 3) try to do the names of fairy-tale personages clear for the readers of translation, to pass their semantic and functional loading; 4) attach necessary efforts for explanation of symbolic characters and realities that can be incomprehensible for readers; 5) spare the special attention to translation of the written in verse elements of fairy-tale, as they play an important role. The special attention is spared to the literary fairy-tale, for that the variety of plots, presence of folklore sources, reflection of national artistic fantasy, political or social implication, allegoric expression of protest or criticism directed against the certain phenomena of the real reality, is characteristic; contradictory nature, construction of grammar, стилистики and vividness on principles characteristic for verbal work. It is well-proven that a translator, perceiving and analysing text of original, plays role of interpreter, semantic changes are possible in this connection.

Keywords: author, Armenian literary fairy-tales, way of life, genre features, names, original text, mnemonic formulas, customs, translation, and realities, symbolic characters, fairy-tale personages, traditions, folklore, fiction, civilization, humour, encyclopaedia.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Сказка является одним из древнейших видов фольклора, ее зарождение исследователи связывают с дописьменным периодом развития человеческой цивилизации.

Сказка, лишенная всякой мистики, это пространство, в котором воображение свободно преображает знакомые картины простого народного быта. Знакомство с армянской народной сказкой – это знакомство с армянским народом, это познание древнего и мудрого народа.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Жанр сказки давно привлекал внимание ученых, поскольку сказка является первым литературным произведением, с которым знакомится ребенок и, который оказывает определяющее влияние на всю его дальнейшую жизнь. Если в фольклорных сказках отражается мудрость народа, его традиции и обычаи, быт, то литературная сказка несет на себе отпечаток личности автора, его своеобразие видения мира.

Текст народной сказки постоянно находится в центре литературоведческих, фольклористических, лингвистических исследований. Структурный аспект сказки изучали В.Я. Пропп [1]; стилистический – Д.Я. Адлейба [2].

Армянская сказка представляет собой целое направление в современной художественной литературе. За долгие годы своего становления и развития этот литературный жанр стал универсальным жанром, который охватывает все явления окружающего жизни и природы, достижения науки и техники. Обзор критической литературы свидетельствует о том, что сказка была и остается объектом исследования в литературоведении и лингвистике. Интерес к исследованию особенностей сказочного текста не исчерпывается со временем и объясняется тем, что в литературной сказке отражен весь культурный и социальный контекст, в котором она была создана.

Материал нашего исследования – армянские сказки.

Формирование целей статьи.

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы выявить основные жанровые особенности, присущие литературной сказке и указать на рациональные пути их перевода с учетом жанрового своеобразия.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Сказки разных народов имеют и сходства, и различия, что находит свое отражение при переводе. Сходство касается, прежде всего, самой установки на чудо или хотя бы чудесное допущение (в бытовой сказ-

ке), нравственных идеалов и уроков («Сказка ложь, да в ней намек»), основных конфликтов, как правило, социальных, хотя нередко выступающих в форме внутрисемейных отношений (младший сын и его старшие братья, мачеха и падчерица) и их разрешения (добро всегда побеждает зло). Есть и так называемые бродячие сюжеты: они схожи между собой и встречаются у разных народов. О причинах их появления в науке до сих пор нет единого мнения, однако для читателя тонкости ученых споров не столь уж существенны: ему важен текст. Но и он не может не заметить не только единства принципиальных установок, но и действительного сходства сюжетов (кстати, потому, что хорошо знает свои собственные сказки), какими бы причинами это не вызывалось. Однако если сюжеты порою схожи, то их «ассортимент» и, тем более, сцепление мотивов могут очень различаться. У каждого народа есть также набор излюбленных сюжетов, и эти наборы тоже отличаются. Скажем, сюжеты о Финисте Ясном соколе или Иване-царевиче и сером волке – даже не просто любимые, а знаковые для русской литературы и искусства в целом. Об армянском фольклоре этого не скажешь, но мотивы данных сказок встречаются, и не раз. Возьмем, к примеру, небольшую сказку «Невеста родника». Начало ее напоминает бродячий сюжет о злом волшебнике, который с согласия родителей забирает юношу в ученики, но ремесло оказывается искусством волшебных превращений (такова в сборнике сказка «Водяной Охай»). Однако на этот раз старик из родника не берет в ученики, а похищает, причем девушку, предварительно усыпив бдительность матери обещанием дать девушке новое платье, которое мать забыла купить. Обычно похищенных злодеем девушек спасает затем положительный герой. Но девушка стала женой не самого волшебника, а его сына, и довольна своей судьбой. И когда через пару месяцев мать приходит к роднику в надежде узнать хоть что-нибудь о дочери, ту без опаски отпускают погостить, зная, что она вернется: узы брака для нее святы. Каждому армянину понятно, кроме того, что тем самым продолжается выполнение брачных ритуалов: по национальной традиции после того, как невесту увезли из отчего дома, мать ее не видит и на празднике в доме жениха не присутствует, чтобы не омрачать его своими слезами. Зато через некоторое время молодая жена в сопровождении мужа впервые посещает родительский дом и гостит там (без мужа) определенный по взаимному согласию срок (но не меньше 3 дней), после чего муж снова забирает ее, на этот раз насовсем. Это называется «дарц», то есть возвращение. Наша героиня с согласия матери ночует в отдельной комнате, и муж по ночам прилетает к ней в образе куропатки – это уже мотив Финиста Ясна сокола, – пока завистливые сестры не попытались извести его, как Финиста. Но если Финист просто покинул свою коварную, как он считал, возлюбленную и ей пришлось долго разыскивать его, претерпев много испытаний, то в армянской сказке героиню по приказу мужа казнят без суда и следствия, сбросив из поднебесья в пески пустыни. Чудом оставшись жива, она чудом же (подслушав разговор посвященных – тоже известный мотив) узнает секрет снадобья, исцеляющего бритвенные раны: молоко женщины, родившей мальчика (яркое свидетельство как приоритета мужчины в восточном обществе, так и важной роли в национальной картине мира материнского молока, с которым связано также немало благопожеланий) и высушенная кровь молодой женщины. Исцеляя мужа под видом знахарки, она искупает невольную вину своей кровью, и все кончается хорошо: «И воскресла их любовь». Так в одной сказке совмещаются, как видим, несколько мотивов, порознь уже знакомых читателю, но в сумме они дают новое качество – оригинальный, не встречавшийся ранее сюжет со своим национальным лицом [3].

Армянская народная сказка является ярким образцом фольклорного творчества, которая на протяжении многих тысяч лет была единственным средством общения и передачи культурного опыта между людьми, народами и цивилизациями. Так же, как фольклорное творчество стало основой литературы вообще, базовые принципы народной сказки легли в основу жанра литературного сказочного рассказа, зародившегося в литературе сравнительно недавно.

Юмор выступает одним из отличительных признаков литературной сказки и может носить различный характер. Иногда литературные сказки, написанные для взрослых, становятся любимыми и чрезвычайно популярными среди маленьких читателей, и наоборот, талантливые литературные сказки, предназначенные для детской аудитории, превращаются в ценное достояние как детей, так и взрослых не только потому, что взрослые узнают из них о том, как воспринимает жизнь ребенок, но и потому, что взрослая жизнь, отражена в категориях детского мировоззрения и мировосприятия, приобретает неожиданных юмористических, а порой даже сатирических контуров.

Разнообразие сюжетов литературных сказок не ограничивается фольклорными источниками, хотя их общее строение обусловлено составом национальной художественной фантазии. Наконец, литературная сказка ставит перед собой более сознательные и более определенные задачи, чем народная, и может выполнять более разнообразные функции. В частности, литературная сказка может иметь политический или социальный подтекст, в аллегорической форме выражать протест или критику, направленную против определенных явлений реальной действительности.

Текст литературной сказки имеет достаточно противоречивую природу, поскольку его грамматика, стилистика и образность построены на принципах, более характерных для устного творчества, чем для письменной. Это объясняется тем, что основой и первоэлементом литературной сказки выступает народная сказка, основные закономерности которой рассчитаны на устную форму воспроизведения. Говоря о специфике перевода литературных сказок, необходимо иметь в виду, что в тексте литературной сказки обычно хранятся те же особенности, которые присущи народным сказкам. Поэтому переводческие приемы, применяемые при переводе фольклорного творчества, будут уместными и при переводе определенных элементов литературной сказки.

Перевод всегда играл важную роль в жизни общества, а теоретическими и практическими вопросами, связанными с процессом перевода занимались литературоведы, этнографы, психологи, лингвисты. По определению А. Швейцера, целью перевода является создание на основе первоначального текста, подлежащего целенаправленному (переводческому) анализу, вторичного текста который заменяет первичный в другой языковой и культурной среде [4, с. 75]. Основой перевода любого текста является его интерпретация. Интерпретация текста переводчиком не сводится к пониманию основного содержания текста, поскольку этого не достаточно для создания адекватного перевода, равноценного тексту оригинала. Интерпретация в лингвистическом, прагматическом и когнитивном аспектах является обоснованным вербализированным пониманием текста, аналитической деятельностью, направленной на полное раскрытие содержания текста. При этом, цитируя российского исследователя проблем перевода Д.В. Псурцева, «раскрыть содержание означает не просто выделить содержательную информацию о внешнем мире, но и осознать механизмы ее кодирования, и обосновать правомерность и продуктивность использования определенных приемов и способов декодирования информации» [5, с.20]. Переводчик, воспринимая и анализируя текст оригинала, выступает в роли интерпретатора, в связи с чем возможны смысловые сдвиги, которые читатель, воспринимая текст перевода как данность, не замечает. Отсюда часто возникает спорный вопрос, «того» ли автора мы

читаем в переводе.

Каждый автор имеет свой собственный стиль написания и, сопоставляя различные произведения автора, написанные им в определенный период, можно узнать его оригинальный стиль, а читая различные произведения можно узнать перо определенного автора. Именно в сохранении индивидуального стиля автора и умении вызвать у читателя перевода те же чувства, которые вызывает оригинал у читателей оригинала, и состоит, по нашему мнению, основная задача переводчика. А.И. Домашнев отмечает, что различные читатели выносят из художественного текста не одинаковую по своему объему смысловую и эстетическую информацию. По его словам, восприятие художественной информации, а также интерпретация содержания произведения читателем зависит от его эрудиции, личных вкусов и пожеланий, а интерпретация содержания произведения переводчиком и достоверность его воспроизведения при переводе зависят от глубины понимания и восприятия авторской картины мира, умение почувствовать и передать авторский стиль, понимание восприятия произведения целевой аудиторией [6, с. 23].

Как известно, литературная сказка возникла на основе народной, потому вобрала в себя лучшие черты народной сказки (традиции, обычаи, быт, верования) и своеобразие изложения текста автором, все его мироощущение, переживания, впечатления, наконец его жизненный опыт [7]. В отличие от фольклорной сказки, язык которой прост, форма передачи которой является устной из поколения в поколение, в которой часто отсутствует указание на место и время действия, само действие, место действия и персонажи являются стереотипными (положительными и отрицательными), шаблонные начало и конец (всегда счастливый конец), представленная простая картина мира, авторская сказка написана литературным языком, имеет конкретного автора, место и время действия конкретизированы, действие является оригинальным, персонажам присуща определенная психологизация, они наделены положительными и отрицательными чертами, характеризуются отсутствием шаблонных выражений, конец литературной сказки – частично несчастлив, а картина мира – сложная [8].

Общеизвестно, что подходы к переводу детской литературы несколько отличаются от подходов к переводам художественного текста в целом. Каждый переводчик в зависимости от ощущения мира автора в сказке может выбирать среди двух стратегий перевода сказок: «отчуждение» сказки, то есть приближение ее к языку и культуре оригинала или, наоборот, «одомашнивание» сказки, то есть ее адаптация, приближение к языку и культуре страны перевода.

Достаточно специфичны и показательны иногда и сами чудеса. Так, для русской сказки не характерно желание девушки стать мужчиной, в армянской же, более близкой в этом к Востоку, оно встречается не раз и осуществляется порой достаточно экзотическими способами. В предлагаемый сборник такие сказки, понятно, не вошли, но тема в нем прозвучала: в сказке, которая так и называется «Превращенная в мужчину», мать дэвов проклинает дерзкого смельчака, которого не успела даже рассмотреть, пожелав ему переменить пол. Для мужчины (а она, естественно, полагает, что смельчак именно мужчина) испокон века не было на Востоке ничего ужаснее. Но в сказке это как раз девушка, волею судеб ставшая «царским зятем». Узнав правду, царь с царицей, чтобы избавиться от «зятя», посылают девушку с невыполнимыми поручениями, которые она и выполняет не хуже героя-мужчины. Так что сбывшееся проклятие оборачивается всеобщей радостью, и царевна обретает мужа, а ее родители – надежду на наследника. На Востоке даже есть поверье, что если пройти под радугой, можно переменить пол. Однако жаждущими этого в фольклоре всегда оказывались только женщины, что убедительно свидетельствует о гендерной дискриминации и в патриархальном обществе, и в семье как его ячейке. Интересно, что судьбоносное чудо волшебной сказки не без лукавого юмора обыгрывается в бытовой: в сказке «Дядюшка и племянник» юноша, вынужденно переодетый невестой, пришелся по сердцу будущей золовке, а она ему. Золовка не знает, что перед ней мужчина, зато хорошо знает, что «невесту» выдают за ее брата насильно, да и ее, скорее всего, ждет та же участь. И поэтому когда, якобы вняв мольбам, небо «превратило» невесту в мужчину, молодая пара взяла судьбу в свои руки и спаслась бегством. Показательна концовка: «Жили с честью и умерли с честью» [3] – сказка беглецов отнюдь не осуждает.

Таким образом, при всей кажущейся непритязательности народной сказки, это, действительно, историческая энциклопедия жизни данного народа (и не только материальной). Например, в сказке «Невеста родника» ни героиню, ни сказителей не смущает ее брак с волшебником, потомственным, можно сказать, духом родника (вспомним греческую мифологию), что, строго говоря, противоречит установлениям христианства, рассматривающего духов как нечистую силу. К тому же брак явно не освящен церковью, однако обе стороны считают его законным, и мать девушки неукоснительно именуется тещей, а она сама – женой. В другой сказке это было бы, может быть, в порядке вещей. Однако одновременно подчеркивается, что героиня – верующая христианка; это следует не только из ее мольбы к Богу (заметим – услышанной): «Господи, дай мне искупить вину свою!», но и из предшествующего трагедии комментария рассказчика: муж-волшебник прилетал к ней каждую ночь, и «прощалась с любимым она уже перед утренней молитвой». В средневековой Европе за такое, между прочим, сжигали на костре. Но армянское христианство очень древнее: Армения была первой в мире страной, еще в 301 г. принявшей христианство как государственную религию, переняв его у византийцев, хотя в самой Византии оно стало государственным более чем четверть века спустя, только в 328 г. [9–11]. Бороться с язычеством армянской церкви пришлось в языческом окружении, и она мудро приняла в свое лоно или хотя бы закрыла глаза на то, что не смогла искоренить в умах паствы. И порою обе эти стихии мирно сосуществуют в сознании армянина. Таков, например, сохранившийся со времен язычества обряд жертвоприношения («матах»), описанный в сказке «Азаран Блбул», который существует и по сей день, хотя иерархи и признают, что церковь предпочла бы бескровную жертву [3]. Ту же гибкость и терпимость церкви мы видим и в бытовой сказке «Дад-Бедад»: когда священника спросили, почему герою в свое время дали такое необычное имя, он ответил: «А это наш долг – давать младенцу такое имя, какое отец и мать пожелают» [3]. Надо сказать, что армяне не закрывали глаза и на неблаговидные поступки недостойных служителей Божьих, и в сказках, особенно бытовых, мы не раз встречаемся с такими сюжетами, частыми, впрочем, и у других народов. Однако армянский народ умел отделять проступки таких священнослужителей (они, в конце концов, всего лишь люди) от религии как Божественного откровения [12–14], почитание которого настолько прочно утвердилось в его душе, что, скажем, в сказке «Превращенная в мужчину» среди невыполнимых заданий фигурирует и такое: забрать у матери дэвов похищенные ими родовые четки царя. Казалось бы, на что колдунье-великанше этот предмет религиозного обихода? Но она, похоже, пользуется четками по назначению – каждый час они срываются со столба прямо ей на ладонь. Да и старуха-колдунья, наградившая деликатную и добрую Ареваат/Аревахат (имя которой недаром означает «частичка солнца») и жестоко наказавшая злую и грубую дочь мачехи, напутствует Ареваат словами: «Ступай, дочка, Бог тебе в помощь» [3], что и произошло в дальнейшем [15–17]. Такая приверженность вере имеет свое историческое объяснение: Армения, зажатая

6

в тиски между двумя сверхдержавами древности, Римом и Персией, рано утратила государственность, и лишь две опоры – религия и язык – были гарантами, что не произойдет ассимиляции и исчезновения древнего народа и его древней культуры [18–20].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Литературная сказка полна тонких психологических оттенков, ее герои переживают целую гамму чувств – от любви, доброты, сочувствия к жестокости, пренебрежения, ненависти. При переводе литературных сказок необходимо соблюдать следующие общие принципы:

1. Найти и исследовать важнейшие мнемонические формулы исходного текста.
2. Сравнить такие формулы в фольклорных традициях языка оригинала и языка перевода, чтобы убедиться в том, что между ними существует некоторое функциональное соответствие.
3. Пытаться сделать имена сказочных персонажей понятными для читателей перевода, передать их семантическую и функциональную нагрузку.
4. Приложить необходимые усилия для объяснения символических образов и реалий, которые могут быть непонятными для читателей.
5. Особое внимание уделить переводу стихотворных элементов сказки, поскольку они играют важную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Адлейба Д.Я. Поэтико-композиционная и стилевая система сказки в комплексном освещении: Экспериментальное исследование на абхазском материале. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 435 с.
2. Алемпьев А.А. Языковые средства выражения лингвокультурных феноменов в тексте народной сказки: На материале немецких народных сказок в обработке братьев Гримм : диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. - Саратов, 2002. - 141 с.
3. Армянские народные сказки / сост.: Л.Б. Матевосян. – М.: Arc, 2012 (Tipogr. „Serebia” SRL,). – 160 с.
4. Домашнев А.И., Шишкин И.И., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста. – М.: Просвещение, 2009. – 208 с.
5. Минасян А.А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии: диссертация ... кандидата исторических наук: 24.00.01 / Минасян Арсен Аркадьевич; [Место защиты: Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.]. - Саратов, 2016. - 234 с.
6. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. – 364 с.
7. Псурцев Д.В. К проблеме перевода и интерпретации художественного текста: об одном критерии адекватности / Д.В. Псурцев // Вестник МГЛУ. – М., 2012. – Выпуск 463, Перевод и дискурс. – С. 16–26.
8. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 2016. – 215 с.
9. Armenian apocrypha. Relating to the patriarchs and prophets [Text] / ed. with introd., transl. and commemnt. M. E. Stone. - Jerusalem : The Israel acad. of sci. and humanities, 1982. - XVII, 190 p.
10. Armenian miniatures of the Crimea: [альбом] / Эмма Корхмазян ; Матенадаран, Ин-т древ. рукоп. им. М. Маштоца, Союз армян Украины, Крым. арм. о-во. - Симферополь : Энергия дельта, 2008. - 143 с.
11. Consequences of Armenian aggression against Azerbaijan [Text]. - Baku : Heydar Aliyev Foundation, 2005. - 12 p.
12. Cosma, Flavia. Fairy tales [Text] / F. Cosma; transl. from Romanian D. D. Wilson ; ed. S. Hood ; ill. K.Kennedy. - Toronto : Canadian stage & arts publ., 1990. - 47 p.
13. Galichian, Rouben. The invention of history [Text] : azerbaijan, Armenia and the showcasing of imagination / Rouben Galichian. - 2nd, rev. and expanded ed. - London : Gomitas institute ; Yerevan : Art Books, 2010. - 124 p.
14. Ghenea, Meliné Poladian. Epoca de aur a culturii armene [Text] / M. P. Ghenea. - Bucurest : Holding reporter, 1995. - 238, 26 p.
15. Imanov, Kamran Sultan oghlu. Tall Armenian tales: a guide to the “Art” of heritage thievery [Text] / Kamran Imanov. - Baku : Indigo, 2010. - 295 p.
16. Innovation performance review of Armenia [Text] / United Nations econ. commiss. for Europe. - New York ; Geneva : United Nations, 2014. - XXIV, 130 p.
17. Izdebska-Długosz, Dominika. Armenia [Text]: przewodnik turystyczny / D. Izdebska-Długosz. - Łódź : Księży Młyn, 2008. - 363 s.
18. Jačov, Marco. La questione d’oriente vista attraverso la tragedia Armena (1894-1897) [Text] / Marko Jačov. - Cracovia : Polska Akademia umiejętności, 2011. - 322 p.
19. National library of Armenia [Text] / comp. D. Sargsyan [a.o.]. - Yerevan : [б.в.], 2000. - 23 p.
20. Spaces: cultural public sphere in Armenia, Georgia, Moldova and Ukraine [Text] / ed. by: Nataša Bodrožić, Nini Palavandishvili. - Weitra : Bibliothek der Provinz, 2014. - 208 p.

Статья поступила в редакцию 19.07.2018
Статья принята к публикации 27.08.2018

Международная конференция в Ереване

10-12 мая в Российско-Армянском университете прошла международная конференция «***Анатолия-Кавказ-Иран: этнические и лингвистические контакты***». Мероприятие было организовано Институтом востоковедения РАУ совместно с Институтом эмпирической лингвистики Франкфуртского университета имени И.В. Гёте.

На конференции было представлено около восьми десятков докладов из 14 стран мира: Австрии, Армении, Великобритании, Гертмании, Ирана, Италии, Кипра, Нидерландов, Польши, Росиии, США, Турции, Франции и Швеции. Среди докладчиков из Армении, от имени журнала «РЕГИОН И МИР», 11-го мая Погосян (Хахбакян) Гагик Гайкович представил работу на тему «***Армянские памятники архитектуры и топонимики на Северном Кавказе.*** **(*Республики Северная Осетия-Алания, Ингушетия и Чечня*)**».

Докладчик вкратце рассказал о том, что территория северных предгорий Кавказа была знакома армянам с древнейших времен, на что указывает этимология и семантика топонимов возникших под влиянием проникновения элементов материальной и духовной культур еще со времен Ванского царства Биайнили-Урарту. О достаточно хорошем знакомстве армянских авторов с географией и этнографией Северного Кавказа начиная уже с раннего средневековья, в первую очередь указывают труды таких корифеев армянской науки как: летописцев V в. Мовсеса Хоренаци и VII в. Мовсеса Каганкатваци, мыслителя (географа, математика, историка, философа, космографа) VII в. Анании Ширакаци.

Докладчик также обратил внимание на распространенное топонимическое явление тавтологии возникающее вследствие столкновения разных культур, так, например, в гидрониме Арм-*хи* – *хи* по-ингушски означает *река-вода* или один из правобережных притоков именуется Гай-*хи*, берет начало у горы Гай-*комд*, где *комд* по-ингушски означает *гора-вершина*, т.е. имеем в чистом виде еще один гидроним типа потамонима и ороним Гай. У левобережного притока реки Аргун Гешичу имеется правобережный приток Хачи-*хи*, истоки которого у вершины Хачи-*корт* и притекающей по Хачи-*чу* (*чу* по-чеченски ущелье), а в устье перед развалинами аула Гемарой – в лесу Хач-*ара* (*ара* – поляна). *Хач* по-армянски означает крест. Таким образом в данной локальной местности наблюдаем целую гамму топонимов: 2 оронима и по одному микротопониму и гидрониму типа потамонима с одинаковым наполнением.

Все перечисленные выше топонимы имеющие армянское происхождение сосредоточены близ древнего прохода известного в истории как “Аланские ворота” и имеют, как мы убедились на примере одного, значительно раннее происхождение и могут относится как минимум к раннему средневековью.

На рассматриваемой территории в отличии от армянских памятников топонимики памятники архитектуры, как впрочем и новые памятники топонимики, возникают в Новое время, являясь отражением активной колонизационной деятельности Российской империи на Кавказе в которую были вовлечены представители армянского народа.

Международная конференция в Ростове-на-Дону

30-31 мая в Ростове-на-Дону при участии Федерального исследовательского центра, Южного научного центра Российской академии наук, Ереванского государственного и Южного федерального университетов, при содействии «Армянской национально-культурной автономии "Нор-Нахичеван"» остоялясь III Международная научная конференция "***АРМЯНЕ ЮГА РОССИИ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ: историческая и географическая точность***".



Материалы конференции изданные в сборнике, посвящены различным аспектам истории и деятельности армянской общины Юга России. Рассматриваются история формирования армянской общины и ее современное состояние, роль армянского населения в социально-экономическом и культурном развитии региона, взаимодействие с другими народами, этническое самосознание и социальная адаптация армян Юга России.

На конференции, среди представленых шести десятков докладов из Армении, Белорусии, Болгарии, Молдовы, НКР, Украины, РФ и Японии от имени журнала «РЕГИОН И МИР», Погосян (Хахбакян) Гагик Гайкович представил работу на тему «***К вопросу атрибутировки некоторых портретов представителей армянских родов XVIII-XIX вв. в музеях России***».

На протяжении веков, в силу многих причин, армяне покидали Родину находя пристанище в других странах. Одной из таковых была Российская империя, где наши соотечественники, практически во всех сферах, играли далеко не последние роли. Косвенным свидетельством сказанного служат портреты представителей армянских родов. Портретная живопись всегда была уделом не только имущих власть и богатство, но так же снискавших почет и уважение. В Российской империи таковых было не мало. Многие художники XVIII-XIX вв. почитали за честь писать их портреты. Среди портретов дошедших до наших дней имеются работы принадлежащие кисти таких маститых художников как, например, Айвазовский Иван Константинович (1817-1900), Брюллов Карл Павлович (1799-1852), Рокотов Федор Степанович (1735-1808), Тропинин Василий Андреевич (1776-1857) и др. Естественно имеются портреты и менее известных и даже совсем неизвестных художников.

Как правило, портреты являясь собственностью фамилии хранились в родовых особняках и передавались из поколения в поколение. Однако сильнейшее потрясение в виде революции 1917 года раскидало создаваемые десятилетиями собрания, вследствие чего некоторые картины были утрачены, а для многих – затруднилась атрибутирование авторства, даты, изображенной персоны и т. д. Однако благодаря реалистичности портретов XVIII-XIX вв. используя знания в области фалеристики и просопографии, можно идентифицировать награды изображенные на портрете. В большей степени конечно это относится к мужским портретам. Более того раскрываются возможности по идентификации персонажей, датировке отдельных исторических событий и т. д. И наоборот, имеющиеся конкретные исторические факты позволяют атрибутировать картины, уточнять время написания картин, а в некоторых случаях, выявлять авторские доработки и даже подделки. Хотя в таких случаях, конечно окончательный ответ остается за технико-технологической экспертизой.

В качестве иллюстрации приведены пять примеров. Портрет кисти Карла-Вильгельма Барду из Калужского музея изобразительных искусств, портрет кисти Е. А. Плюшара из Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге, портреты кисти Е. Н. Давиденко из Государственноги музея истории Санкт-Петербурга, картины С. К. Зарянко из Екатеринбургского музея изобразительных искусств и Нижегородского государственного художественного музея.

Сообщения составил ***Гагик Погосян /Хахбакян/***

Издания Института политических исследований



Т-889 Турция: проблемы безопасности и обороны. Аналитические записки Института политических исследований, вып. I. Ереван, 2007. - 180 с. (издано также на армянском языке – 196 с.)

Сборник включает аналитические исследования по вопросам национальной безопасности, военной и военно-политической систем Турции, которые основываются на современной информационно-аналитической базе широкого характера. Детально представлены концепции и стратегические оценки национальной безопасности и обороны Турецкой Республики, структуры обеспечения национальной безопасности страны, вооруженные силы, стратегические планы модернизации военной промышленности и ВС, спецслужбы Турецкой Республики, а также военно-политическое сотрудничество между Турцией и Израилем, перспективы его развития и влияния на проблемы региональной безопасности. Сборник предназначен для специалистов, а также для тех читателей, кто интересуется вопросами, связанными с проблемами безопасности Турции.

В сборник включены следующие работы:

Агаджанян М.В. Национальная безопасность Турции: концепции и принципы.

Агаджанян М.В., Овсепян Л.С. Совет национальной безопасности Турции.

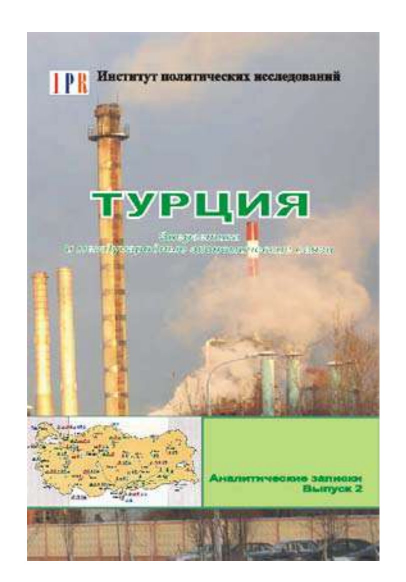
Минасян С.М. Вооруженные силы Турецкой Республики.

Овсепян Л.С. Стратегия модернизации ВС Турции и развитие ее военно-промышленного комплекса.

Минасян С.М. Влияние израильско-турецкого стратегического сотрудничества на проблемы региональной безопасности.

Минасян С.М. Военно-политическое сотрудничество Израиля и Турции: история и перспективы.

Арутюнян А.А. История создания турецких секретных служб и их деятельность на современном этапе.



Т 889 Турция: энергетика и международные экономические связи. Аналитические записки, вып. 2. Ереван, Институт политических исследований 2008. - 200 с. (издано также на армянском языке – 211 с.)

Сборник включает информационно-аналитические материалы по вопросам энергетики и международных экономических связей современной Турции. Детально представлены торгово-экономические отношения Турецкой Республики с Российской Федерацией, Исламской Республикой Иран, Грузией, Китаем, Центральноазиатскими странами и Францией, а также проблемы и перспективы их развития.

Сборник предназначен для специалистов, а также для тех читателей, кто интересуется вопросами, связанными с энергетикой и экономикой Турции.

В сборник включены следующие работы:

Егиазарян А.А. Энергетический сектор Турции: проблемы и перспективы развития.

Агаджанян М.В. Торгово-экономические отношения между Россией и Турцией.

Шакарянц С.Э. Экономическое сотрудничество Ирана и Турции в регионе.

Иванов В.А. Некоторые аспекты турецко-грузинского экономического взаимодействия: экономика, детерминированная политикой.

Овсепян Л.С. По вопросу о торгово-экономических отношениях Турции и Китая.

Демоян Г.А. Установление и углубление торгово-экономических связей между Турцией и тюркоязычными государствами СНГ.

Андриасян Т.Л. Торгово-экономические интересы Франции в Турции и взаимоотношения двух стран.



Мурадян И.М.
М 910 Решиональная политика США и Великобритании: Турция – Иран - Южный Кавказ – Черное море. – Ер. Антарес, 2008, - 744 с. (монография)
Данная работа содержит рассмотрение различных аспектов политической ситуации и тенденций в регионе, политики и интересов различных государств в аспекте новых условий развертывания геополитических и геоэкономических проектов. Работа выполнена в соответствии с исследовательской программой Института политических исследований, во многом на основе изучения материалов, общения и консультаций с аналитиками и экспертами, проведенных в США и Великобритании, в странах Европы и Ближнего Востока, предназначена для политических аналитиков, экспертов, исследователей, военных специалистов.



Мурадян И.М, Егиазарян А.А.
М 910 Украина в политике западного сообщества, Турции и России. – Ер.: Антарес, 2008, - 308 с.
Данная работа содержит рассмотрение политики США, Великобритании, Германии, Франции, Ватикана, Турции и России в отношении Украины, значение политики расширения НАТО и Европейского Союза, создания региональных альянсов, влияние внутренних политических и экономических факторов на внешнюю политику Украины. Работа выполнена в соответствии с исследовательской программой Института политических исследований, во многом на основе изучения материалов, общения и консультаций с аналитиками и экспертами, проведенных в США и Великобритании, Франции, Германии, Турции, России, других стран, предназначена для политических аналитиков, экспертов, исследователей, военных специалистов.



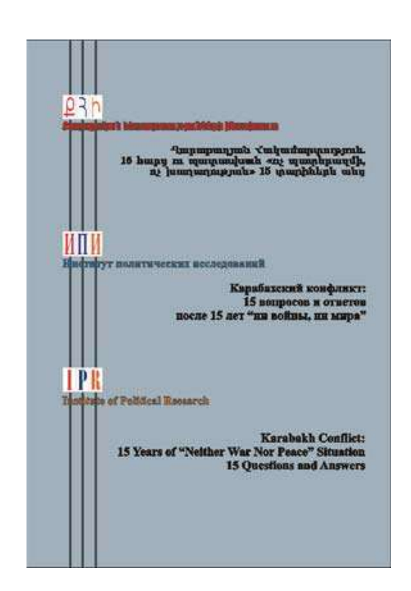
Агаджанян Михаил
А 230 Нагорно-Карабахский Конфликт в свете защиты прав человека: политические и правовые аспекты. – Ер.: Институт политических исследований, 2009. – 202 с. (монография)
В настоящей работе делается попытка системного политико-правового анализа нагорно-карабахского конфликта под углом зрения защиты прав человека.
Исследование представляет научно-теоретический взгляд автора по вопросам идентификации, причинам и гуманитарным последствиям конфликта, одновременно предлагая практический подход к защите коллективных и индивидуальных прав человека, нарушенных на предшествующих этапах конфликта.
Работа предназначена для политологов, конфликтологов и специалистов в сфере международного права, политических деятелей, сопричастных урегулированию нагорно-карабахского конфликта, а также широкому кругу читателей, интересующегося конфликтом.



Н 167 Нагорно-Карабахская Республика: становление государственности на рубеже веков, Институт политических исследований, 2009, - 60 с., (также на армянском – 72 с. и английском – 64 с. языках).
Настоящая работа включает комплексный анализ политических и правовых аспектов построения государственности Нагорно-Карабахской Республики. В работе представлена ретроспектива пройденных этапов государственного строительства в Нагорно-Карабахской Республике, национальная борьба армянского народа Республики за свою независимость и право на безопасную жизнедеятельсность, основные этапы процесса урегулирования карабахского конфликта и современные устои государственности Нагорно-Карабахской Республики. Работа предназначена для экспертов, а также представителей международных структур и должностных лиц государств, вовлеченных в процесс урегулирования карабахского конфликта, может выступать полезным руководством для политических деятелей, занимающихся и интересующихся карабахским конфликтом. Одновременно, работа адресована широкой общественности для реального восприятия пути становления и современного состояния государственности Нагорно-Карабахской Республики.



В 603 Внешнеполитические аспекты карабахского конфликта. Аналитические записки, вып. 3. Ереван, Институт политических исследований 2009. – 255 с. (издано также на армянском языке – 295 с.)
В сборнике представлены аналитические работы, затрагивающие внешнеполитическое измерение карабахского конфликта. Издание охватывает широкий круг вопросов современного этапа карабахского конфликта, политических, правовых, экономических и военных аспектов конфликта в контексте его регионального, международного, геополитического и геоэкономического влияния. Представлены также исследования, посвящённые вопросам процесса урегулирования конфликта, его информационно-пропагандистским аспектам.
Материалы сборника предназначены для специалистов в сфере конфликтологии, аналитиков по вопросам региональной безопасности в Южном Кавказе, экспертов по карабахскому конфликту, а также для широкого круга читателей, интересующегося конфликтом и его урегулированием.
В сборник включены следующие работы:
Агаджанян М.В. Этнополитическая идентификация и причины Карабахского Конфликта: политические, правовые, социально-экономические аспекты.
Агаджанян М.В. Политико-правовые аспекты внутренней и внешней агрессии Азербайджанкой ССР и Азербайджанской Республики в Карабахс-ком Конфликте.
Агаджанян М.В. Военная фаза и гуманитарные последствия Карабахского конфликта: политические и правовые аспекты.
Минасян С.М. Нефтяной фактор и политика Азербайджана в Карабахском Конфликте.
Бояхчян Г. Проблемы национальных меньшинств в современном Азербайджане.
Овсепян Л.С. Тенденции турецко-азербайджанского военного сотрудничества в контексте безопасности Армении и Нагорного Карабаха.
Минасян С.М. Военно-политические аспекты Карабахского Конфликта на современном этапе.
Мурадян И.М. Роль и интересы внешних акторов в актуальной ситуации вокруг Карабахского Конфликта.
Шакарянц С.Э. Переговорный процесс по урегулированию Карабахско-Азербайджанского Конфликта в рамках Минской Группы ОБСЕ.
Иванов В.А. Позиция ГУАМ по отношению к этнополитическим конфликтам (на примере Нагорного Карабаха).
Шакарянц С.Э. Информационно-пропагандистский аспект Карабахско-Азербайджанского противостояния.

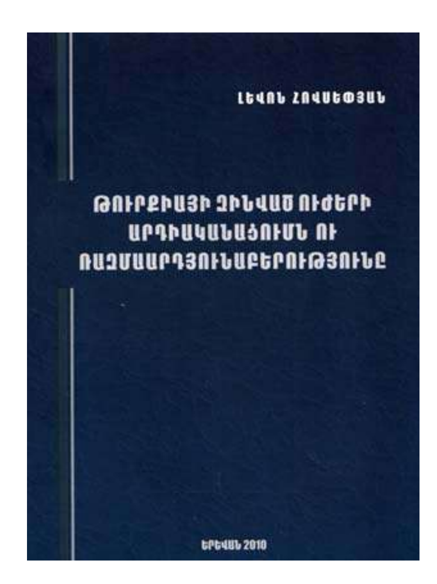


К 461 Карабахский конфликт: 15 вопросов и ответов после 15 лет “ни войны, ни мира”, Институт политических исследований, Ереван, 2009, - 97 с.

Данная работа представлена на основе ответов Постоянного представителя Президента РА С.Саргсяна в Национальном Собрании РА, Председателя Совета Института политических исследований при администрации Президента Республики Армении Гарника Исагуляна на вопросы политических аналитиков Армении и зарубежных стран в рамках круглого стола, прошедшего в ИПИ в середине мая 2009 года.



Н 349 Нахиджеван: некоторые вопросы истории и современности. Аналитические записки, вып. 4. Ереван, Институт политических исследований 2010. – 194 с. (издано также на армянском языке – 186 с.)
Издание охватывает широкий круг вопросов по истории и современности Нахичевана, как составляющей части армянского культурного наследия, а также этнополитические и этнодемографические процессы в крае за последние века, нынешнее состояние экономики, некоторые политические, правовые и геополитические аспекты проблемы Нахичевана в Южном Кавказе.
Материалы сборника предназначены для специалистов в сфере истории, экономики, политологии и социологии, а также аналитиков и экспертов по Нахичевану. Материалы представляют большой интерес также для широкого круга читателей, интересующегося историй и современным состоянием этой прекрасной части исторической Армении.
В сборник включены следующие работы:
Погосян Г.Г. (Хахбакян) Нахиджеванский край как компонента армянского культурного наследия (памятники архитектуры).
Иванов В.А. Этнополитические и этнодемографические процессы в Нахичеване сквозь призму истории (XVII-XX вв.).
Манукян С.Ф. Экономика Нахичеванской Автономной Республики.
Агаджанян М.В. Проблема Нахичевана в Южном Кавказе: политические, правовые, социально-экономические аспекты.
Шакарянц С.Э. Иран – Нахичеван: борьба за влияние, борьба за сдерживание и ближайшие перспективы.



Овсепян Л.С. Модернизация и военная промышленность Вооруженных Сил Турции (на армянском языке)
Հովսեփյան Լ.Ս.
Հ 872 Թուրքիայի Զինված Ուժերի արդիականացումն ու ռազմարդյունաբերությունը. – Եր.: 2010 թ. – 208 էջ /մենագրություն/,
Աշխատության մեջ ներկայացվում են Թուրքիայի պաշտպանական քաղաքականության եվ ռազմավարության հիմնական միտումները, զինված ուժերի բարեփոխումներն ու համալիր արդիականացման ծրագրերը, ռազմական արդյունաբերության հիմնական ձեռքբերումներն ու զարգացման հեռանկարները: Այդ համատեքստում ներկայացվում են նաեվ ռազմատեխնիկական ոլորտում այլ երկրների հետ Թուրքիայի համագործակցության մի շարք հարցեր:
Նախատեսվում է թուրքագետների, քաղաքագետների, զինվորականների ու Թուրքիայի ռազմաքաղաքական խնդիրներով հետաքրքրվողների համար:



Овсепян Л.С., Иванов В.А.
О – 340 Военно-политические аспекты сотрудничества Турции со странами Южного Кавказа (Азербайджан, Грузия) и Центральной Азии. Динамика и основные тенденции развития. - Ер.: Институт политических исследований, 2010 г.-167 стр.

В настоящей работе на основе открытых источников осуществлена попытка системного представления процесса развития военно-политических отношений Турции со странами Южного Кавказа (Азербайджан, Грузия) и тюркоязычными государствами Центральной Азии.

Книга рассчитана на политологов-международников, востоковедов, военных и широкий круг читателей, интересующихся вопросами военно-политического сотрудничества Турции с указанными странами.



Оганесян А. Воздушное противоборство. Противоборство между средствами воздушного нападения и противовоздушной обороны в реактивную эпоху (на армянском языке)

Հովհաննիսյան Ա.
Հ 854 Օդային գերակայություն: Օդային հարձակման միջոցների և հակաօդային պաշտպանության հակամարտությունը ռեակտիվ դարաշրջանում/ Ա. Հովհաննիսյան. - Եր.: Քաղաքական հետազոտությունների ինստիտուտ, 2010 թ. – 372 էջ

Աշխատության մեջ առաջին անգամ հայերեն փորձ է արվել վերլուծել Երկրորդ համաշխարհային պատերազմից հետո ստեղծված բոլոր թռչող սարքերի կիրառության պատմությունը և դրանց դասերը: Աշխատության մեջ ներկայացվում է «օդային գերակայություն» հասկացողությունը, պատերազմում օդային միջոցների տեղն ու նշանակությունը, հակաօդային պաշտպանության ցամաքային և օդային բաղադրիչների կիրառության առանձնահատկությունները: Ամփոփելով այս ոլորտում համաշխարհային զարգացումները՝ ներկայացվում են դրանց դասերն ու հետագա զարգացումները:

Նախատեսված է զինվորականների, պատմաբանների, ինչպես նաև ռազմական գործով հետաքրքրվող լայն շրջանակների համար:

В 2011 году Институтом политических исследований готовятся к изданию следующие книги:

1. *“Нахиджеван: некоторые аспекты истории и архитектуры” - Погосян Г.Г.,*
2. *“Нахиджеван: история деарменизации” - Иванов В.А.,*
3. *“Тифлис – XIX век” – Погосян Г.Г.,*
4. *“Армянские памятники архитектуры и топонимики в мире”, том 1, (“Северная, Центральная и Южная Америка”) – Погосян Г.Г.,*
5. *“Армянские памятники архитектуры и топонимики в мире”, том 2, (“Европа”) – Погосян Г.Г.,*
6. *“Интересы внешних сил вокруг Карабахского конфликта” - Агаджанян М.В.,*
7. *“Этнополитическая процессы на Северном Кавказе” - Шакарянц С.Э.,*
8. *“Севрофобия в общественно-политических, научных и военных обсуждениях в Турции” - Овсепян Л.С.,*
9. *“Националистические движения в среднеземноморских странах Европы” - Андриасян Т.Л.,*
10. *“Экономические тенденции в странах Южного Кавказа” – Манукян С.Ф.*

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА СОВРЕМЕННОЙ АРМЯНСКОЙ ПРОЗЫ

Лилит Суреновна Меликсетян
lilit.meliksetyan@rau.am

К.ф.н., доцент, зав. кафедрой
русской и мировой литературы и культуры РАУ
г. Ереван, РА

АННОТАЦИЯ

Перед армянскими переводчиками, равно как и переводчиками, представляющими культуру других небольших народов, стоит целый ряд специфических задач и трудностей, о некоторых из которых говорится в этой статье.
Ключевые слова: перевод, трудности перевода, импрессивная эквивалентность, постмодернизм, эротический дискурс.

Если вспомнить слова замечательного переводчика и главного редактора российского журнала «Иностранная литература» А.Я. Ливерганта о том, что «язык, с которого ты переводишь, – это в некотором смысле твой противник. Это как бокс – ты должен знать, в какой момент можешь нанести удар» [1] – и продолжить эту мысль, то можно сказать, что армянским переводчикам, переводящим с армянского на другие языки, в частности русский, приходится вести сеанс одновременного боя сразу с двумя противниками, впрочем, горячо любимыми. Нам приходится сталкиваться с целым рядом специфических обстоятельств, некоторые из которых я хотела бы представить.

Во-первых, в современной армянской литературе имеет место сосуществование не просто разных поколений, но разных эстетических школ и направлений, парадигма которых достаточно широка: от писателей, сохранивших верность реализму, до прозаиков, придерживающихся, кажется, несколько анахроничных экзистенциалистских установок или экспериментирующих с пост- и метамодернизмом [2]. Для переводчика в этой ситуации совершенно необходима тщательная предпереводческая работа не только непосредственно с текстом произведения, но и с контекстом его создания, эстетическими установками автора, особенно имея в виду нередкое в современной армянской прозе стремление к

стилизации и/или постмодернистскому ироническому переосмыслению той или иной установки. Эту необходимость, как ни странно, не всегда учитывают именно переводчики старой, условно говоря, советской школы. Замечательные, талантливые и внесшие неоценимый вклад в представление армянской литературы на других, в частности русском, языках, сегодня они оказались в определенной растерянности: в лучшем случае, они понимают, что новые литературные веяния им чужды, и не берутся за перевод молодых авторов, в худших – переводят «слова», даже не догадываясь, насколько бесповоротно ускользает от них понимание смыслов, заключенных в этих словах.

Впрочем, подобный эстетический «разброс», пожалуй, свойствен любой национальной литературе, но в случае с армянской он осложняется и увеличивается за счет второго обстоятельства: проблемы множественности языковых систем внутри армянского языка. При том, что мы считаем, что в процессе перевода следует передавать смыслы и культуру, а не слова и сочетания слов. Речь идет об обсуловленном историческими причинами сложном разделении и взаимодействии двух отличающихся языковых норм – западноармянского и восточноармянского литературного языка, что само по себе существенно усложняет жизнь переводчиков, особенно в ситуации, когда в тексте на восточноармянском языке какой-либо персонаж говорит на западноармянском, что не только определенным образом маркирует персонажа, но и моментально привносит в текст целый комплекс культурных, исторических, географических и политических коннотаций и подтекстов, передача которых в процессе перевода становится практически невыполнимой задачей.

Не меньшим вызовом является третье обстоятельство: нарастающее расхождение между литературным языком и языком литературы. Между ними всегда существовали определенные различия, однако в современной армянской прозе они либо приобретают характер чуть ли не разрыва, когда писатель сознательно пишет исключительно на так называемом «высоком армянском» (Вардан Ферешетян), адресуясь к интеллектуальной и несколько рафинированной читательской аудитори, либо, наоборот, радикального смешения, вторжения разговорного в литературный текст. Обе тенденции очень сильны и имеют многочисленных сторонников и противников, однако для переводчика проблематична сама ситуация, поскольку два этих полюса связаны друг с другом, между ними идет скрытая полемика, иногда доходящая до конфронтации и интертекстуальных инвектив. Таким образом, переводя произведение одного армянского автора, вступающего в неявную полемику с другим армянским автором, переводчик

сталкивается с дилеммой не непереводимости, а сомнительности самой необходимости транслировать полемическую интенцию автора.

Четвертое обстоятельство тесно связано с третьим. В современной армянской прозе, и в частности, в рассказах, используется разговорный язык, в котором немало русизмов и англицизмов, отражающих специфику современного глобализирующегося мира. Ситуация в чем-то напоминает берджессовскую. Но если при переводе «Заводного апельсина» Берджесса можно было так или иначе обыграть русские слова в английском тексте, либо выбрав латиницу для их выделения (Бошняк), либо заменяя их англицизмами (Синельников), потому что сама распространенность английского и русского позволяет переводчику рассчитывать на понимание аудитории, то в случае с переводами с армянского ситуация существенно иная. И здесь у каждого переводчика своя стратегия и свои приемы. Впрочем, не всегда удачные.

В этой связи примечательна ситуация с переводами произведений известной российской писательницы, лауреата премии «Ясная поляна» за 2016 год Наринэ Абгарян на армянский язык. Дело в том, что в своих произведениях она зачастую использует варваризмы и кальки с армянских поговорок, фразеологизмов и проч., что явно нарушает каноны русского литературного языка, но одновременно придает своеобразие и национальный колорит тексту, создает, в том числе, юмористический эффект. При переводе же на армянский язык то, что было смешным и нелепым на русском, становится обыденным и несмешным. Исключение здесь, пожалуй, составляет перевод Нарине Гижларян, которая использовала для сохранения, используя терминологию Шкловского, эффекта остранения шамшадинский диалект. Хотя для тех, кто его не понимает, все равно не смешно.

Пятое обстоятельство связано не столько с внутри- или межъязыковыми сложностями, сколько с постмодернистской чувствительностью и интертекстуальными играми. А именно распознаванием раскавыченной цитаты, используемой в художественном тексте уже в переведенном виде. Скажем, один из самых известных и одаренных современных армянских прозаиков Арам Пачян склонен к такого рода цитации, сложность в том, что цитируется уже перевод. То есть переводчику Пачяна нужно знать не только Аполлинера или Эко настолько хорошо, чтобы распознать их «на слух», но и знать их именно в армянском переводе, что делает его и других армянских прозаиков, играющих в интертекстуальные игры, кошмаром для переводчика.

Впрочем, с тем же Пачяном может сложиться и иначе. Я недавно мучи-

тельно искала стихи Джакомо Леопарди, цитируемые им на армянском в качестве эпиграфа к рассказу. Сама перечитала весь корпус доступных в сети русских переводов, друзей, знающих итальянский, заставила перечитать в оригинале – без толку. И только тогда, отчаявшись, обратилась к автору рассказа, а он рассмеялся: это был выдуманный эпиграф, мистификация. Вполне в духе Леопарди, в том смысле, что итальянский поэт-романтик считал, что смысл жизни в поисках истины, которая, однако, оборачивается проклятием: «если богам истина говорит об их блаженстве, человеку (в данном случае *переводчику* – курсив мой) она лишь открывает глаза на безысходность его страданий» [3].

Шестое обстоятельство – эрос. Очевидно, что эрос и танатос – две движущие силы человеческого существования, и если тема смерти или стремления к смерти в армянской литературе представлена чуть ли не с истоков становления национальной литературной традиции, то с эросом все значительно сложнее, хотя его замалчивание, игнорирование само по себе любопытно как важная для национального психотипа фигура умолчания.

Даже беглого взгляда на историю армянской литературы достаточно, чтобы убедиться, как нечасты у нас чувственные тексты. Помимо языческих мифов, легенд и фольклора в целом (в том числе и национального эпоса), в собственно литературной традиции до начала XX века, то есть за полтора тысячелетия, мы можем вспомнить, пожалуй, всего несколько имен. Возможно, целомудрие армянской литературы как-то связано не только с тем, что Армения первой в мире провозгласила христианство государственной религией, но и с радикальным монофизитством армянской веры: даже Христу отказано в праве обладать телесностью. Ни куртуазная литературная традиция средневековья, ни раскованность эпохи Возрождения, ни либертинаж Просвещения или пасторальный эротизм, ни, тем более, позитивистский натурализм, характерные для европейской и российской литературной традиции, практически никак не отразились на скованности армянской литературы. Строго следующая христианским канонам, патриахальному и консервативному укладу жизни, ориентированная на решение насущных, а значит, прежде всего, национальных и социально-политических задач, она практически игнорировала эрос как таковой.

Однако с наступлением постсоветского периода ситуация изменилась, и изменилась настолько радикально, что не могла не вызвать определенного шока у консервативной читательской аудитории. Собственно, поначалу казалось, что это изменение – дань конъюнктуре, восполнение своеобразного «голода», вызванного «воздержанием» предыдущих эпох – некая пена дней, которая вот-вот

спадет. Однако сегодня, когда Третьей Республике уже четверть века, мы видим, что ничего подобного не произошло. Более того, эротизация армянской литературы выказывает тенденции нарастания и углубления.

Было бы нелепо утверждать, что сегодняшние армяне сексуальнее армян прошлого, но совершенно очевидно, тема сексуальности, национальная рецепция эроса сегодня актуальнее, чем когда бы то ни было в истории армянской литературы. Если даже оставить в стороне поэзию, о которой нужен отдельный обстоятельный разговор, и не говорить о маргинальных сочинителях разной степени одаренности, сознательно и последовательно делающих себе имя именно на эпатажной, особенно для армянского социокультурного пространства, зацикленности на вопросах пола и проявлениях полового влечения, то, тем не менее, даже простая выборка текстов наиболее заметных представителей армянского литературного ландшафта покажет, что о чем бы ни шла речь в тексте, он неизбежно предполагает эротический дискурс.

Скажем, для Григора Ханджяна эрос – одна из немногих, если не единственная сфера, в которой человеку дана свобода самовыражения, это самая необолганная форма проявления человеческого «Я». Отношение к эросу для него зачастую мерило человечности и человека, своеобразная проверка личности на фоне тотальной несвободы и лицемерия. Тело как последнее прибежище духа. В гротескном мире Ваграма Мартиросяна («Оползни») эротика столь же гротескна и может обернуться асексуальностью сломанных манекенов. Такие писатели, как Оганес Текгезян, Армен Оганян («Возвращение Кикоса»), кажется, и вовсе сознательно обыгрывают дискурс постмодерна, который по определению пронизан эротизмом, фрагментарен и связан «не логикой, а противоречивыми и побочными ассоциациями», призванными передать «рассудочную комбинаторику наслаждения, телесности» [4]. В прозе Ваана Сагателяна («Крест кровью») эротические сцены носят характер инициации и/или проклятия, для Амбарцума Амбарцумяна («В тот вечер») – ироничная имплементация сериальных страстей в асексуальные и драматичные армянские будни, Гагик Хачатрян («Бутылка») умудряется описывать бутылку из-под дорогого алкоголя как предмет любовного вождения главного героя, а в сюжетах Нары Варданян затрагивается тема инцеста. И вот здесь мы сталкиваемся с серьезной задачей – необходимостью обретения собственного языка эротики. Особенно остро эта необходимость встала даже не столько перед прозаиками, сколько перед переводчиками, вынужденными практически изобретать целый соматический лексикон. Изданные за последние годы переводы «Тропика Рака» Г. Миллера, «Улисса» Дж. Джойса,

«1984» Дж. Оруэлла, романов Уэльбека стали не просто воспроизведением знаменитых текстов на армянском языке, но имплементацией определенного лексико-семантического пласта в литературный и речевой обиход.

И здесь мы сталкиваемся еще с одним, седьмым, обстоятельством – проблемой импрессивной эквивалентности при переводе. Потому что и соответствующий язык тела и телесного низа, и тесно связанная с ним обсценная лексика, при том что получили достаточно широкое распространение в современной прозе, но их эмоциональная окрашенность существенно, и это еще мягко говоря, сильнее, нежели в русском. Для армянского писателя использование обсценной лексики – акт необычайной эмоциональной силы, взрыв чувств, это вспышка гнева, умопомрачения. В этой ситуации крайне сложно, если не невозможно, сохранить импрессивную эквивалентность, и тут уж главный закон жанра – закон компенсации – начинает играть не просто существенную, но определяющую роль.

Фактически сегодня для выработки переводческой стратегии, адекватной выявленным проблемам и «болевым точкам», приходится комбинировать сразу несколько классических стратегий, если воспользоваться классифицией Питера Ньюмарка. А именно: стратегию семантического перевода (точный перевод, больше внимания уделяется эстетической ценности текста оригинала); стратегию адаптации (вольный тип перевода, используется при переводе художественной литературы, особенно поэзии) и стратегию коммуникативного перевода (цель – привести текст в соответствие с нормами языка, на который выполняется перевод, сделать его как можно более комфортным для восприятия читателем) [5: 363]. Безусловно, помня при этом, что любая общая стратегия должна быть максимально гибкой и адаптивной применительно к каждому конкретному автору и тексту. Или, как говорил Фауст, в пастернаковской интерпретации:

Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Переводчик Александр Ливергант: «Надо создать у читателя иллюзию, что Дюма писал по-русски» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://izvestia.ru/news/317698 (Дата обращения: 20.11.2018 г.).
2. Метамодерн – новый способ смотреть на мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://newtonew.com/culture/wow-metamodern (Дата обращения: 20.11.2018 г.).

3. Джакомо Леопарди / Информация об авторе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.livelib.ru/author/17628-dzhakomo-leopardi (Дата обращения: 20.11.2018 г.).
4. *Ульянова М.А.* Либертинаж и эротический дискурс в западноевропейской культуре (философско-культурологический анализ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cheloveknauka.com/libertinazh-i-eroticheskiy-diskurs-v-zapadnoevropeyskoy-kulture#ixzz-3VSwJaqRW (Дата обращения: 20.11.2018 г.).
5. Newmark, Peter: Textbook of Translation. Harlow: Pearson Education Limited, 2008. // Цитируется по: Володина Т.В. Понятие «стратегия перевода» в рамках когнитивно-деятельностной парадигмы // Jazyk a kultúra číslo 23-24/2015. – С. 363.

ON SOME TRANSLATION PROBLEMS OF CONTEMPORARY ARMENIAN PROSE

L. Meliksetyan
lilit.meliksetyan@rau.am

PhD, Associate Professor, Head of the Department of
Russian and World Literature and Culture
Russian-Armenian University
Yerevan, Republic of Armenia

ABSTRACT

Armenian translators, as well as translators who represent the culture of other small nations, face a number of specific problems and difficulties, some of which are discussed in this article.
Keywords: translation, difficulties of translation, impressive equivalence, postmodernism, erotic discourse.

УДК 316.485.2:329.78(479.25)

Г. А. ПОГОСЯН,
академик НАН Республики Армения, доктор социологических наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Республики Армения, г. Ереван, e-mail: gevork@sci.am

АРМЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО. ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ РАДИКАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается радикализм как явление, получившее большое распространение во всем мире. Армения за четверть века независимости испытала несколько вспышек политического радикализма, которые порой перерастали в действия экстремистского и даже террористического характера. Экономический кризис, блокада дорог, миграция и безработица служат богатой почвой для роста протестных настроений, особенно среди армянской молодежи.
Ключевые слова: радикализм, политический радикализм, армянское общество, молодежные движения.

G. A. POGHOSYAN,
Full member of NAS of the Republic of Armenia, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS of the Republic of Armenia, Yerevan, e-mail: gevork@sci.am

ARMENIAN SOCIETY. TRENDS AND RISKS OF RADIKALIZATION

In the article radicalism as a phenomenon that has become widespread throughout the world is considered. For a quarter of a century of independence Armenia experienced several outbreaks of political radicalism, which at times grew into extremist and even terrorist actions. The economic crisis, the blockade of roads, migration and unemployment serve as a fertile ground for the growth of protest sentiments, especially among Armenian youth.
Keywords: radicalism, political radicalism, Armenian society, youth movements.

В историческую эпоху промышленного переворота и буржуазных революций радикализм выступил в качестве альтернативы эволюционному общественному развитию. Родиной радикализма принято считать Англию. Появление радикализма, так же как и революций XVIII–XIX вв., было подготовлено Просвещением с его новыми требованиями к человеку, к промышленному развитию и борьбой против монархического авторитаризма.

Сам термин «радикализм» (от лат. radicalis – коренной, или radix – корень) означает буквально бескомпромиссное стремление идти до конца, добиваться коренных изменений в любой деятельности [1, с. 395–396].

Основные идеи английского радикализма формировались под влиянием утилитаризма и конкретизировались в требованиях ограничения королевской власти, в программах судебных реформ, реализации концепции общего блага и всеобщего избирательного права [1, с. 395–396].

Несмотря на структурную и организационную слабость, европейский радикализм повсеместно выступал в роли идеологического и культурного фермента социальных преобразований. Так, в России радикальные реформаторы группировались вокруг журнала «Современник», вокруг инициаторов судебных, школьных и других реформ [1, с. 395–396].

Политических экстремистов прошлого века К. Маркс и Ф. Энгельс характеризовали как «заговорщиков по профессии», всегда стремящихся «...опережать процесс революционного развития, искусственно гнать его к кризису, делать революцию экспромтом, без наличия необходимых для нее условий» [2, с. 287–288].

В XX в. функции радикализма в значительной мере продолжали осуществлять социал-демократические, социалистические и другие левые, неолиберальные, а также современные неоконсервативные движения и партии. В новое время радикализм выступил под буржуазно-демократическими лозунгами, опираясь на доктрину «естественного права» и прогресс разума.

Для современного радикализма также характерны рассудочный догматизм и утопизм, нечувствительность к конкретной ситуации, склонность к «простым» решениям и крайним средствам [3, с. 245].

В новейшее время радикальные умонастроения чаще всего воспроизводит деклассированная и люмпенизированная интеллигентская среда [3, с. 245].

В условиях государственного монополистического капитализма произошел значительный рост лиц умственного труда, сопряженный с ухудшением социального положения, падением престижа и «люмпенизацией» широких групп интеллигенции. Состояние всеобщей неуверенности и нестабильности создает благоприятную социально-психологическую почву для радикальных настроений, сопровождающихся соответствующими действиями [3, с. 246].

Основаниями радикализма являются: стремление угнетенных слоев населения изменить свое социально-политическое положение в обществе и различные интеллектуальные концепции, представители которых критически относятся к существующим политико-культурным отношениям и считают, что данная ситуация может быть изменена только при помощи политических и организационных действий [4].

Формы радикализма можно различать по степени активности его представителей. Умеренные радикалы стремятся к реформированию общества щадящими средствами с минимумом насилия. Революционеры пытаются осуществить глубокие преобразования всех общественных институтов на принципиально новой основе. Экстремисты настаивают на самых решительных способах достижения целей, вплоть до террора [4].

Классическое определение политического радикализма, или радикализма в политике, – социально-политические идеи и действия, направленные на

кардинальные, решительные, «коренные» изменения существующих социально-политических институтов. Вместе с тем сам радикализм не связан непосредственно с какой-либо одной определенной идеологией – это всего лишь особого рода энергетическая политико-психологическая основа любой идейно-политической конструкции [5].

Политический радикализм играет дестабилизирующую роль в обществе. Особенно расширяются причины для радикализма в переходных обществах. Однако они неизбежно будут уменьшаться в процессе стабилизации общества. Радикализм может перерасти в экстремизм и терроризм – одни из крайних и чрезвычайно вредных для любого общества форм радикализма. Экстремизм является духовной, мировоззренческой сущностью терроризма [5].

Радикализм, в отличие от экстремизма, не обладает способностью действий, не может причинить вред общественным отношениям, а также не является силой политического воздействия на общественные процессы. Придание словам и действиям радикальных групп политического содержания превращает разнородные социальные образования в инструмент борьбы за власть. Вместе с тем естественная эскалация радикализма в ходе политической борьбы с неизбежностью формирует идеологию и практику допустимости любых насильственных средств. Именно по этому алгоритму из радикальной среды могут сначала выделиться экстремистские, а затем и террористические группы и организации [5].

Радикализм есть защитная реакция индивида (особенно молодого человека) на непонятные для него происходящие процессы. Он желает решительно и мгновенно изменить хаотический, по его мнению, ход явлений и создать простой и ясный порядок вещей. Однако политическое оформление их в программы, лозунги и призывы и есть экстремизм, ибо последний хочет заменить многосложную, трудную и долгую работу по переустройству общества мощным и коротким действием. Именно поэтому радикализм и экстремизм выступают закономерными явлениями в демократическом обществе [5].

Совсем недавно, 7 апреля 2017 г., активисты, представляющие неправительственные организации (НПО) со всей Европы, встретились около Праги (Чехия) для объединенной сети конференций ***Rewind радикализма: построение стратегий по борьбе с экстремизмом*** [6]. Целью конференции было изучение тенденций, стоящих за повышением радикализма в европейских странах, а также обеспечение платформы для разработки новых стратегий и методов противодействия экстремизму. Участники конференции отметили, что в течение последних нескольких лет рост уровня интереса к ультраправым идеологиям был заметен почти во всех европейских странах. Это было и в случае с референдумом в Великобритании (Brexit), и в связи с растущим притоком беженцев из Ближнего и Дальнего Востока. Такое опасное развитие приводит к еще более быстрой радикализации. К тому же если радикальные объединения были запрещены в прошлом, то уже выросли новые группы, а Facebook сделал их создание легким для граждан с подобными радикальными мне-

ниями. С помощью его они теперь легко могут объединяться и действовать вместе. Между тем местные НПО, свободные группы и активные граждане, борющиеся против преступлений на почве ненависти, подвергаются нападению, иногда не только на словах, но и физически.

На заседаниях активисты приняли участие в дебатах на тему: «Является ли Европа радикализованной?» Участники дискуссии затронули огромный круг вопросов, в том числе относительно национальных выборов, происходящих по всей Европе, новейшей истории Европы и наличию связи между радикализмом и глобализацией. Они говорили о провале политики дерадикализации и мультикультурализма в европейских странах [6].

Социальные медиа играют ключевую роль в распространении расистских идей и крайне правой идеологии, они также открывают возможности для общения с теми, кто распространяет эти сообщения. Необходимо профессионально анализировать механизмы, концепции и терминологию социальных сетей и цифрового пространства. Нужно лучше понять, как социальные медиа используются для распространения расистской ненависти, чтобы разработать эффективные стратегии борьбы с ними. В конце участники конференции пришли к заключению, что необходимы широкие государственные меры, включая вовлечение молодежи в политическую повестку дня, обязательную политику для общественных работников и постоянную связь с организациями гражданского общества [6].

Для Армении с ее монолитным в национальном и религиозном отношении населением так называемую «группу риска» составляет в основном молодежь. Из всех различных видов радикализма в Армении наиболее рисковым является политический радикализм, в особенности развитый в молодежной среде. Как справедливо замечает российский исследователь А. Е. Круглов, «на фоне трансформации практически всех политических институтов происходит изменение соотношения личных и общественных интересов со значительным преобладанием личных. В процессе социализации стали усиливаться стихийные процессы, изменилась ценностная ориентация молодежи, что, в конечном счете, приводит к усилению протестной активности» [7, с. 32–35].

Протестной активности способствует возрастающая неудовлетворенность существующим социально-экономическим положением и неопределенностью своего будущего. Именно такое положение приводит к возникновению радикализма. «Радикализму свойственно единение личности с аргументацией непосредственных действий, которые рассматриваются как служение идее с готовностью идти на самые разрушительные действия, что представляет реальную угрозу обществу» [8, с. 353].

В свое время акции протеста против подорожания электроэнергии в Ереване и в других городах республики вызвали международный резонанс. При этом было очевидно, что многие эксперты явно затрудняются давать адекватные оценки. Действительно, акции протеста против подорожания электроэнергии вызвали всеобщий интерес, и комментариев, мнений было много,

равно как и разных подходов к происходящему. Искали в событиях то руку Кремля, то происки американцев, то еще что-то. Но еще несколько лет назад мы отмечали, что на авансцену в Армении выходит новое поколение. Говорили и о том, что общество сидит на мине замедленного действия, и если социально-экономическая, психологическая, нравственная атмосфера в стране не начнет меняться к лучшему, а позиция власти не изменится, то социальных взрывов не миновать.

Сегодня уже в реальности наблюдается то, о чем говорили несколько лет назад социологи. Мы видим, как на первый план выходит новое поколение. Это первое поколение «несоветских» молодых людей, родившихся и выросших в независимой Армении. Сегодня им по 22–23 года. Это другие армяне, и они будут строить другую Армению.

Однако в акциях протеста и на митингах присутствовали и представители старшего поколения. Но активность и инициатива исходили от молодых людей – нового поколения независимой Армении. Между тем здесь очень важно понять, как к этому относится общество. Многие восприняли происходящее с воодушевлением, даже с некоторой долей эйфории – вот, мол, какая у нас замечательная молодежь, какие они грамотные, организованные, улицы подметают за собой после демонстрации. Многие восхищались, и это совсем неплохо. Но проблема в том, что любое социальное противостояние, гражданское неповиновение имеет свою внутреннюю логику развития. Мы должны смотреть немного вперед – что может быть дальше? А дальше может быть хуже. Потому что радикализация – самая привычная логика развития социального противостояния. Не хотелось бы видеть, как через пару лет мы стали бы свидетелями того, как на улицах Еревана поджигают автомобили, громят витрины магазинов и грабят их содержимое. А такое возможно. Собирая митинги, акции протеста, общественность выражает протест. Правительство при условии, что оно достаточно мудрое, пытается войти в диалог, найти решение проблемы, пойти на компромисс. Но мы прекрасно понимаем, что все требования масс невозможно удовлетворить. Понятно, что правительство не может этого сделать – в итоге зарождается тенденция к обострению конфронтации. В чем-то правительство пойдет на уступки, в чем-то – нет. И общественность начнет предпринимать еще более резкие шаги, чтобы обратить внимание на свои требования. Так, например, когда митингующие увидели, что реакция властей слабая, решили идти на более резкие шаги – перекрыли одну из главных артерий столицы – проспект имени маршала Баграмяна. Завтра и этого им может быть мало. В данной ситуации плохой сценарий очень возможен. Потому что это вписывается в логику развития противостояния. Поскольку не все требования можно удовлетворить, идет радикализация процесса [9].

Когда власть применила силу для разгона акции протеста методами, которые полностью соответствовали нормам поведения полицейских сил на Западе, в Европе, на следующий день еще больше людей вышло на улицу. То есть радикализация процесса уже пошла. И хорошо, что полицейские отступили.

Все началось как чисто социальный протест. Но ведь всегда находятся силы, которые хотят «оседлать» его. Не секрет, что в определенный момент начали проскальзывать антироссийские мотивы. Одни используют процесс, чтобы направить его против России, другие пытаются внушить, что он инспирируется Западом. Причем и те, и другие, возможно, имеют основания так считать. Об откровенно антироссийском векторе трудно говорить, но вот русофобский элемент, безусловно, игнорировать нельзя. И это, конечно, упущение российских и армянских властей. В конце концов, в армянском обществе немало людей евроориентированных. И наши либералы-западники никуда не испарились и хотят использовать протестное движение для достижения своих целей.

С другой стороны, когда вдруг западные политики, представители иностранных посольств в Армении приветствуют протестное гражданское движение в стране, призывают власти не притеснять демонстрантов, разве это не выглядит, мягко говоря, заинтересованным вмешательством. Ведь ровно год назад в Армении было аналогичное движение, направленное против пенсионной реформы. Но тогда никто – ни американское посольство, ни какое-либо другое не призывали армянские власти не обижать манифестантов. Тогда почему-то гражданская активность не приветствовалась. Ответ очевиден: в этом случае протест был направлен в том числе и против российской компании, а в контексте пенсионной реформы фигурировали западные фирмы, которые эту самую реформу в Армении активно проталкивали. Словом, нюансов много, и все они вплетены в драматургию текущего процесса.

Сегодня меняется очень многое, причем меняется и в контексте глобального мирового развития, и мы не можем держаться в стороне от этих перемен. Во всем мире идет радикализация отношений и процессов, резкая дифференциация на пресловутый «золотой миллиард» и нищенствующую остальную часть населения планеты. Потому что дело не только в подорожании энерготарифов. Недовольство созрело давно и в определенный момент оно достигло пика.

Все проблемы сразу ни одно правительство не может решить. Даже если отменят один или два налога – разве тем самым можно будет победить бедность в стране, можно будет решить проблему коррупции, чудовищной социальной поляризации в обществе. У нас так много социально-экономических проблем, что социальные взрывы время от времени будут происходить. И каждый раз власти принимают временные меры, которые проблему во всей ее глубине не решают – они ее отодвигают, камуфлируют.

К сожалению, в Армении правит олигархический менеджмент, обслуживающий в основном интересы крупного имущего класса. И понятно, что это вызывает недовольство всех остальных слоев населения, которых в разы больше.

Мы стоим на пороге серьезных событий, развитие которых пока видится в негативном плане. И в этой ситуации нужны люди, способные предлагать

новые идеи, модели. Молодые ребята, ставшие инициаторами недавней акции протеста, делают большое дело, но они просто активно работают, а должны быть новые идеи, предложения. Нужно пробудить в армянском социуме креативную составляющую. Она есть, она была всегда. У наших властей есть еще возможность последовательными верными шагами заработать кредит доверия населения.

Другое дело, пойдет ли власть на это. Кредит доверия населения власти не очень нужен, пока власть от этого населения не очень зависит. Истекшие 25 лет по пути демократического развития убедили в том, что выборы не действуют там, где они по определению не могут действовать. Не работает выборный механизм, потому и не меняется власть. Она умнее, хитрее, она приспосабливается, она пускает в ход различные механизмы воздействия на избирателей.

События июля 2016 г. показали, что несбывшиеся ожидания от властей привели к радикализации общества Армении. На протяжении целых шести дней вооруженная группа удерживала заложников в захваченном здании одного из полков патрульно-постовой службы полиции Еревана. Затянувшееся разрешение этой кризисной ситуации привело тогда к дальнейшему нагнетанию обстановки и росту радикальных настроений. Несколько дней сотни людей, граждан столицы устраивали акции протеста на территории захваченного здания ППС, требуя от властей отказаться от силового решения проблемы. В ночь на четверг 7 июля 2016 г. произошли столкновения митингующих с полицией, в результате которых пострадали более полусотни человек [10].

Пока власти молчали, нашлись люди, взявшие инициативу в свои руки. В сложившейся ситуации, воспользовавшись расколом в обществе, вполне могла вмешаться третья сторона или внешние силы. Внимательное наблюдение за ситуацией и поведением демонстрантов подсказывало, что среди собравшейся толпы можно было найти кого угодно. Это была довольно разношерстная публика – от людей, искренне возмущенных событиями, до явных подстрекателей и провокаторов.

Процесс радикализации армянского общества шел давно. Это было связано с тем, что общество выдвигало определенные требования, имея некоторые ожидания от властей, а власть, в свою очередь, как всегда реагировала либо медленно, с опозданием, либо вообще не реагировала. И, как правило, в таких случаях находятся социальные группы, идущие на более резкие шаги. Власти в любом случае должны были найти разумное решение, чтобы предотвратить кровопролитие. Разрешить ситуацию по определению должна власть, и для этого у нее имеются специальные силы, методы и техника.

Между тем всем хотелось бы видеть мирное разрешение создавшейся ситуации. Сама собой ситуация никогда не рассосется, как правило, здесь необходимы реальные и четкие шаги. Но этим должны заниматься власти, поскольку они отвечают за ситуацию в стране.

* * *

Из всего сказанного выше можно извлечь три урока и сделать три судьбоносных вывода. Первый вывод: новое поколение, совершенно другое, вступило на политическую авансцену. Второй вывод: не стоит особо умиляться тому, что происходит в протестном движении, поскольку в логике развития этого процесса – его радикализация. И третий вывод: во взаимоотношениях между властью и обществом привнесена новая культура. Это та модель, при которой общество начинает понимать, что до тех пор, пока оно не предпримет резких шагов, власть не отступит. Для властей это, конечно, плохо. Потому что ресурс отступления будет все меньше и меньше. И это уже новая реальность.

Список использованных источников

1. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 2010. – Т. 3 : Н–С. – 692 с.

2. *Маркс, К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1956. – Т. 7. – С. 287–288.

3. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М. : Совет. Энцикл., 1983. – 840 с.

4. Национальная политическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://politike.ru/termin/radikalizm-politicheskii.html. – Дата доступа: 15.09.2017.

5. Радикализм и экстремизм в политике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studopedia.org/6-44027.html. – Дата доступа: 15.09.2017.

6. Rewind Radicalization: Building up strategies against extremism : International UNITED Conference near Prague, 7–12 April 2017 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.unitedagainstracism.org/conferences/conference-archive/rewind-radicalisation. – Date of access: 28.04.2017.

7. *Круглов, А. Е.* Отечество как цель, ценность воспитания молодежи / А. Е. Круглов, Н. Н. Седова // Воспитательная работа: проблемы реформирования : материалы «круглого стола». – Волгоград, 2000. – С. 32–35.

8. *Круглов, А. Е.* Молодежный радикализм: формирование угрозы безопасности в период трансформации российского общества : дис. … д-ра полит. наук : 23.00.02 / А. Е. Круглов. – Саратов, 2006. – 353 с.

9. *Погосян, Г.* Другая Армения / Г. Погосян // Голос Армении. – 2015. – 7 авг.

10. Несбывшиеся ожидания от властей привели к радикализации общества Армении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2160232.html. – Дата доступа: 15.09.2017.

Поступила 09.11.2017 г.

Армянская диаспора Казахстана: предпосылки формирования и современное состояние

Ованнисян А.Ю.
Российско-Армянский университет (Армения, Ереван)
andranik.hovhannis@gmail.com

Ключевые слова: армянская диаспора, Спюрк, Казахстан, Левон Мирзоян, Ассамблея народа Казахстана (АНК).

Ղազախստանի հայկական սփյուռքը. ձևավորման նախապայմաններն ու ներկայիս իրավիճակը

Հովհաննիսյան Ա.Յու.
Հայ-Ռուսական Համալսարան (Հայաստան, Երևան)
andranik.hovhannis@gmail.com

Ամփոփում: Դժվար է պատկերացնել հայ ժողովրդի էթնոմշակութային պատմությունը` առանց սփյուռքի պատմության, որն այժմ հանդիսանում է ողջ հայության զգալի մասը: Պատմականորեն հայկական սփյուռքը ձևավորվել է ազգային և կրոնական հալածանքների, զանգվածային հետապնդումների և Հայկական լեռնաշխարհից ստիպողաբար տեղահանման արդյունքում: Այս ստիպողաբար արտագաղթը պայմանավորված էր բազմաթիվ պատերազմներով, որոնց հետ ժողովուրդը առնչվել է դեռևս հին ժամանակներից: Արտագաղթը պայմանավորված է եղել նաև սոցիալ-տնտեսական և մշակութային գործոններով: Սույն հոդվածում հեղինակը ուսումնասիրում է Ղազախստանում հայկական սփյուռքի ձևավորման գործընթացը, ինչպես նաև ներկայացնում է իր ներկայիս իրավիճակը:
Վճռորոշ բառեր` Հայկական սփյուռք, Սփյուռք, Ղազախստան, Լևոն Միրզոյան, Ղազախստանի Ժողովրդի Միասնություն (ՂԺՄ):

The Armenian diaspora of the Republic of Qazaqstan: formation background and modern condition

Hovhannisyan A.Yu.
Russian-Armenian University (Armenia, Yerevan)
andranik.hovhannis@gmail.com

Abstract: it is difficult to imagine the ethnocultural history of Armenians without the history of the diaspora, which is now a significant part of its total population. Historically, the Armenian diaspora was formed as a result of national and religious persecution, mass persecution and forced relocation from the Armenian Highlands. This forced migration was caused by numerous wars that people had to endure since ancient times. Undoubtedly, socio-economic and cultural factors also played a role in this process. In this article, the author has researched the factors of the formation of the Armenian diaspora in the Republic of Qazaqstan, and also presents its current situation.
Keywords: the Armenian diaspora, Spyurk, Qazaqstan, Levon Mirzoyan, the Assembly of People of Qazaqstan (APQ).

Армянский народ за свою долгую историю пережил немало гонений, и это оказало значительное воздействие на сегодняшнем географическом разнообразии мест проживания армян. Армянские очаги существовали в различных регионах с древнейших времен, но интенсивный процесс формирования диаспоры начался с момента потери армянами государственности в 1375г., когда в борьбе с мамлюками пало Киликийское армянское царство. Диаспора значительно увеличилась также после геноцида армян в Османской империи в 1895-1923гг., обосновавшись во всех пяти континентах мира. Коллапс Советского Союза в 1991г., природные катаклизмы, Карабахская война, а также тяжелая социально-экономическая обстановка в стране в начале XX века поспособствовала новой волне миграции из Республики Армения.

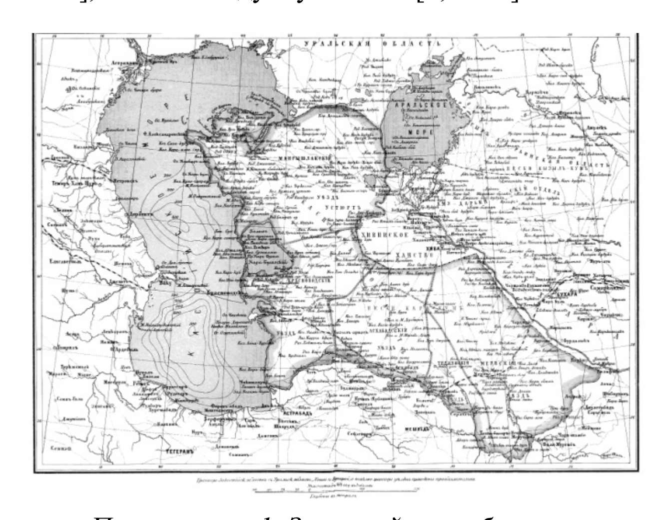
В казахстанско-армянских отношениях уже долгое время существует такое важное связующее звено, как армянская диаспора в Республике Казахстан с общей численностью до 35 тыс. Человек [1], а не по официальным данным – около 50-60 тыс. человек [2]. Большая часть армян Казахстана сосредоточена в Алматы, в районе «Армянского поселка», так местные жители называ-

ют армянский культурный центр города, близ которого в 2005г. была построена церковь Св. Карапета. В Алматы издается также газета «Наири» на армянском языке.

В целом, формирование и развитие армянской диаспоры в Центральной Азии, и, в частности на территории современной Республики Казахстан, можно разделить на 4 этапа:

1. *Торговая деятельность армянских купцов в период ВШП (с III-IV вв.);*
2. *Миграционная волна армян Восточной Армении в Закаспийский регион (с XIX в.);*
3. *Советский этап (с 1930-х гг.);*
4. *Современный этап (с 1990-х гг.)*

В центральноазиатском регионе армяне появились еще в Раннем Средневековье, когда армянские купцы и торговцы вели активную деятельность на всей протяженности Великого шелкового пути (ВШП) – от Средиземноморья до Тихоокеанских берегов Поднебесной. С начала XIX века армяне занимали прочную позицию в торговых факториях на восточном берегу Каспийского моря – ныне территории Казахстана и Туркменистана. К середине XIX века здесь стали формироваться и развиваться армянские общины. Согласно историческим сведениям [3, С.47], уже в 1890г. в Закаспийском крае Туркестана (см. *Приложение 1*) проживало 2893 армян [3, С.64], а в 1894 году – уже 3438 [3, С.65].



Приложение 1. Закаспийская область. Иллюстрация из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1890—1907)

Учитывая историческую особенность армян – прекрасное знание языков и коммуникабельность – они часто служили в качестве переводчиков, советников, посредников, помогая иностранцам контактировать с коренными жителями тех или иных регионов, в данному случае, с тюркоязычным населением Центральной Азии. К слову, Армянские торговцы и ремесленники вместе с русскими составляли демографическую основу ключевых городов Западного Казахстана – Гурьева (ныне – Атырау) и Форта Шевченко (ныне – Актау). Необходимо отметить, что волна миграции армян в Центральную Азию в начале XIX века в значительной степени была вызвана неблагоприятными социально-экономическими условиями в Восточной Армении [3, С.46]. Ниже нами приведена таблица (см. *Приложение 2*), в которой отражена численность армян в Казахстане, начиная с момента образования Казахской АССР в 1925г.

В начале 1933г. арцахский (карабахский) армянин Левон Мирзоян был утвержден Секретарем Казахского Краевого Комитета ВКП(б), сменив на этом посту Филиппа Голощекина, одного из организаторов голода 1932—1933гг. С первых дней новому руководителю пришлось столкнуться с тяжелейшей ситуацией. Однако он справился с ответственной задачей и вложил большие усилия в процесс восстановления и развития постголощекинского Казахстана, а в 1936г. стал 1-м Первым секретарем ЦК ВКП(б) новообразованной Казахской ССР. Несомненно, Левон Мирзоян внес неоценимый вклад в развитие Казахской ССР, способствовал выходу сельского хозяйства Казахской ССР из глубокого кризиса, содействовал развитию промышленности и культуры в республике, формированию национальных кадров. Однако, после изучения опубликованных рассекреченных документов Российского государственного архива социально-политической истории, ономастическая комиссия РКК заявила о следующем решении: «Историками было доказано, что Левон Мирзоян способствовал уничтожению представителей казахской интеллигенции» [8]. И это притом, что Левон Мирзоян бескорыстно работал на благо казахского народа, зачастую фактически отказывался реализовать решения Москвы, за что и был арестован в мае 1938г. по личному указу И. Сталина, а в феврале 1939г. расстрелян как «казахский националист». С начала 2010-х гг. в Казахстане определенными силами планомерно велась пропагандистская политика, направленная на очернение роли Л. Мирзояна в становлении и развитии Казахской ССР, приведшее к тому, что среди нового поколения казахстанцев имя Левона Мирзояна начало ассоциироваться с людьми, которые внесли деструктивный вклад в процесс становления и развития Казахстана. Повсеместно в Республике Казахстан начали переименовываться названия улиц, площадей, городов и районов, носивших ранее имя Л. Мирзояна. Годами казахи, в знак уважения и благодарности, называли Первого секретаря ЦК ВКП(б) Казахской ССР «Мирзажан» (рус. «Человек-душа/родной человек»). Несомненно, такое отношение к Л.

Приложение 2. Численность армян в Казахстане [4]и [1]

Год	1926	1939	1959	1970	1979	1989	1999	2009	2018
Численность армян	636	7,777	9,284	12,518	14,022	19,119	14,758	25,776	35,453

Мирзояну со стороны простых жителей Казахстана было оправданно. И мы надеемся, что это недоразумение, связанное с очернением имени Мирзояна, будет исправлено, а казахстанские историки более тщательно отнесутся к изучению архивных данных, не отрывая от общего контекста какие-либо данные.

Третий этап миграции армян в Казахстан можно условно разделить на два периода:

1. деструктивная особенность политического режима во время СССР – ссылки и репрессии, которым подверглись тысячи армян (1930-40-ые годы);

2. конструктивная особенность политического режима во время СССР – освоение новых земель, строительство и развитие новых населённых пунктов в бескрайних степях Центральной Азии (1950-60-ые годы).

Сначала сюда приезжали осужденные в сталинское время, затем целинники, последующие ветки миграции были связаны с новой историей, т.е. с перестройкой, и после этого, в силу обстоятельств, сюда прибыли переселенцы из Закавказья. Репрессированных в 1937г. армян из Крыма, Аджарии, Северного Кавказа и Азербайджанской ССР казахи, проживая сами в нищете, приняли с неописуемым гостеприимством, разделив с ними в те тяжелые годы хлеб и воду. Армяне очень быстро начали интегрироваться в полиэтническое общество Казахской ССР. Многие армяне с первых лет обосновались в крупных промышленных центрах Казахской ССР – Караганде и Павлодаре. Армяне имели достаточно прочные позиции в сфере науки и культуры, которые сохранены и в наше время. Они занимали высокие должностные посты в республике. Среди выдающихся деятелей республики наиболее известными были: Г. Аракелов - заместитель министра связи; А. Вартанян – заместитель министра цветной металлургии, первый заместитель председателя Совета Министров Казахской ССР (1966-1975); Е. Бабаханов - заместитель министра монтажных и специальных строительных работ; М. Тер-Вартанов - первый заместитель министра автомобильных дорог и многие другие. По данным последней переписи населения СССР, в Казахской ССР проживало около 20 тыс. армян.

С начала 1990-х гг. начался современный этап миграции армян в Республику Казахстан. Поскольку миграция в РК происходила в несколько этапов, внутри самой общины имеется некоторая дифференциация. По мнению некоторых экспертов, часть армянской диаспоры, попавшая сюда в период репрессий, быстро русифицировалась, что касается представителей новой волны мигрантов, то среди них много людей, желающих сохранить свою национальную самобытность. С середины 1990-х гг. в РК начинают появляться армянские национально-культурные центры (НКЦ), сейчас их более десяти в различных городах страны: это НКЦ «Ван» в Астане, «Эребуни» - в Караганде, «Ковчег-Тапан» - в Уральске, «Урарту» - в Актобе, «Таврос» - в Атырау, «Айреник» в Павлодаре и так далее. Все НКЦ объединены в Ассоциацию армян Казахстана. Два раза в год армяне собираются в одном из казахстанских городов на Съезд армян Казахстана.

Сфера занятости армян в Республике Казахстан весьма разнообразна: есть государственные служащие в сфере образования, здравоохранения, культуры, предприниматели, строители, художники, врачи и другие. Сегодня в Казахстане очень известны имена следующих граждан, имеющих армянского происхождения: строитель Э. Вардересян, занимающийся производством и экспортом топлива Д. Варакян, производящий местный коньяк и вино А. Карапетян, главный режиссер Русского драмтеатра им. М. Лермонтова, народный артист РК Р. Андреасян, режиссер С. Пашоян, историк-профессор Э. Тер-Погосян, председатель производственного объединения «Дионис» Р. Мнацаканян, генерал В. Власов, полковники МВД – С. Салумян, А. Хачатрян и другие.

С момента независимости в Республике Казахстан был сформирован уникальный институт – Ассамблея народа Казахстана (АНК). В 1992г. был созван первый форум народа Казахстана, на котором Президент РК Н. Назарбаев высказал идею о формировании специального органа, который бы обеспечивал единство многонационального народа и общенациональное согласие Республике Казахстан. Данная идея претворилась в жизнь 1 марта 1995г. с образованием АНК, куда вошли представители около 130 народов и народностей, проживающих в Казахстане. Первоначально данный институт формировался как консультативно-совещательный орган при главе казахстанского государства, а сейчас он имеет конституционный статус. АНК имеет 9

депутатов, которых сама Ассамблея рекомендует в парламент и которые представляют в Мажилисе всю Ассамблею. Кстати, отметим, что с марта 2016г. депутатом Мажилиса Парламента РК VI-го созыва, избрана от АНК Н. Микаэлян, которая ныне является членом Комитета по законодательству и судебно-правовой реформе. В 2015г., в честь 20-летия Ассамблеи народа Казахстана, ряд активистов армянской общины были награждены медалью 20-летия АНК. В течение четвертьвекового пути развития, Республика Казахстан выработала свою уникальную модель межэтнического единства и сумела обратить многообразие общества себе на пользу на фоне региональных, социальных и культурных, языковых и этно-религиозных противоречий. Данная модель РК в сфере межэтнической толерантности и общественного согласия уже известна в разных странах мира, представители которых приезжают в Казахстан для изучения казахстанского опыта.

Общеизвестно, что армянская диаспора Республики Казахстан является одним из важных факторов дружественных отношений между Ереваном и Астаной, создавая «живой мост» между двумя народами. Анализ исторических связей казахстанцев и армян дает возможность осознать глубину и прочность взаимоотношений данных государств. Многотысячная армянская диаспора Казахстана, которая представлена в стране как количественно, так и качественно, продолжает быть одним из важных звеньев сотрудничества двух стран, взгляд которых сегодня устремлен в будущее – в совместные проекты и взаимодополняющие интересы.

Список использованной литературы

[1] *Статистический комитет РК,* http://stat.gov.kz/faces/home (Дата обращения: 12.01.2018)
[2] *Неофициальные данные по диаспоре*, http://www.armeniadiaspora.com/ (Дата обращения: 12.01.2018)
[3] *Хуршудян Э., Муканова Д.* Армяне в Казахстане: история и современность, Алматы: Бакыт, 2012
[4] *Статистические данные по населению СССР,* istmat.info/statistics (Дата обращения: 05.01.2019)
[5] *Иллюстрация из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона,* http://iddk.ru/ru/cdrom/73147.html (Дата обращения: 27.05.2017)
[6] *Российский государственный архив социально-политической истории*, http://www.rgaspi.org/ (Дата обращения: 22.04.2017)
[7] *Абылхожин Ж.* Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства, Алматы: Арык, 1992
[8] «Левон Мирзоян и Казахстан». Астана. Сборник документов и материалов. Архив Президента РК
[9] *Померанец Г.* Следствие ведёт каторжанка, Санкт-Петербург: ЦГИ, 2014

Доктрина Вильсона на встрече Тегеран-1943 (посвящается 75-летнему юбилею Академии Наук Армянской ССР)

Амбарцумян Р.В.
НАН РА (Армения, Ереван)
rouben@instmath.sci. am

Ключевые слова: доктрина Вильсона, Рузвельт в Тегеране, доктрина Трумэна, декрет Ленина - Сталина, Троцкий в США, посол Моргентау, Вейцман в Гиблартаре, Степан Шаумян, Вильсоновская Армения, падение Баку, Мировой конгресс армян, Севрский договор, Армянская Академия Наук, территориальные претензии к Турции, возникновение Израиля

Վիլսոնի դոկտրինը Թեհրան-43-ի հանդիպման ժամանակ (նվիրվում է Հայկական ԽՍՀ Գիտությունների ակադեմիայի 75-ամյա հոբելյանին)

Համբարձումյան Ռ.Վ.
ՀՀ ԳԱԱ (Հայաստան, Երևան)
rouben@instmath.sci. am

Ամփոփում՝ Վիլսոնի դոկտրինը սահմանված է Վիլսոքնյան հայտնի կետերի 6-րդ կետում:Այդ գաղափարը արտացոլում է գտել Երկրորդ համաշխարհային պատերազմում Ռուզվելի նախագահության շրջանի մի շարք դրվագներում: Վիլսոնյան դոկտրինը հիմք հանդիսացավ Թուրքիայի նկատմամբ Ստալինյան հայտնի տարածքային պահանջների համար՝ Երկրորդ համաշխարհային պատերազմի ընթացքում (Թեհրան-43) Ստալին-Ռուզվելտ բանակցությունների ժամանակ: Ռուզվելտի հանկարծամահ լինելուց հետո, 1945 թ.-ին, Թրումենի դոկտրինը փոխարինեց վիլսոնյան դոկտրինին, իսկ Ռուզվելտ-Ստալին ծրագիրը կասեցվեց: Ըստ էության, ներկա հոդվածն ընդլայնում է հեղինակի Վիլսոնյան հայաստան աշխատությունը:
Վճռորոշ բառեր՝ Վիլսոնի դոկտրինը, Ռուզվելտը Թեհրանում, Թրումենի դոկտրինը, Լենինի-Ստալինի հրամանագիրը, Տրոցկին Միացյալ Նահանգներում, Մորգենտաու, Վեյցմանը Ջիբրալթարում, Ստեփան Շահումյան, Բաքվի անկումը, Հայերի Համաշխարհային կոնգրես, Սեվրի պայմանագիր, Հայաստանի գիտությունների ակադեմիա, Իսրայելի ծագումը

Wilson Doctrine at Tehran-1943 Summit
(Devoted to 75 Anniversary of the Armenian Academy of Sciences)

Ambartzumian R.V.
NAS RA (Armenia, Yerevan),
rouben@instmath.sci.am

Abstract: Abstract: Briefly, the concept of Wilson Doctrine is defined as Pont 6 of the famous Wilson Fourteen points. This concept is illustrated by a number of episodes from the period of WWI and Roosevelt's presidency. The origins of well-known Stalin's territorial claims to Turkey after WWII are shown to be the Roosevelt- Stalin negotiations in the spirit of Wilson Doctrine at Teheran 1943 Summit. After Roosevelt's sudden death in April 1945 Wilson doctrine was replaced by Truman Doctrine, and Roosevelt-Stalin's plans were doomed to failure. The article essentially extends the author's book 1*on Wilsonian Armenia.
Keywords: Wilson Doctrine, Roosevelt in Tehran, Truman Doctrine, Lenin-Stalin decree, Trotsky in the United States, Ambassador Morgentau, Weizman in Giblartar, Stepan Shahumyan, Wilsonian Armenia, the fall of Baku, World Congress of Armenians, Treaty of Sevres, Armenian Academy of Sciences, territorial claims to Turkey, the emergence of Israel.

Введение

Постановление Советского Правительства об основании Академии Наук Армянской ССР за подписью И.В. Сталина было опубликовано в советских газетах 29 ноября 1943 года, оно совпало с официальной годовщиной установления Советской власти в Армении. Однако имеется еще одно совпадение, за 75 лет так и не замеченное официальными историками: в тот же день, 29го декабря 1943 года в Тегеране состоялась

встреча Сталина с лидерами стран союзников СССР по антигитлеровской войне, Рузвельтом и Черчиллем. Это совпадение не может быть чисто случайным; скорее всего, действовала какая- то политическая пружина.

Настоящая статья указывает на эту политическую пружину, Доктрину Вильсону. Параграф 1. настоящей статьи дает определение этого понятия; его основу составляет Пункт 6 знаменитых 14-и Пунктов Вильсона (приводится ниже). Текст Пункта 6 иллюстрируется целым рядом исторических эпизодов, имевших место в период двух мировых войн прошлого века, и многие из них касаются Армении. Затем в парграфе 2. дается модель того как действовала названная пружина. Кратко: известные послевоенные “Сталинские” территориальные претензии к Турции берут начало в контактах Рузвельта и Сталина в духе Доктрины Вильсона на встрече Большой Тройки в Тегеране. Наконец, в параграфе 3. содержатся сведения о кончине доктрины Вильсона.

Статья существенно дополняет книгу автора 1*, посвященную Доктрине Вильсона в Первой мировой войне; в частности, из 1* в статью перекочевали такие понятия, как, американский троцкизм, историческая модель и др. Указаны источники сведений о малоизвестных исторических эпизодах (книги 2*- 5*).

Отдельно обозначим позицию Черчилля на атегеранской конференции. Непосредственно перед нападением Гитлера на СССР, в июне 1941 года, Турция заключила с Германией союзный договор и стянула на Советскую границу готовые к нападению войска; нападение должно было состояться по достижению Гитлером решающего успеха на Советско-Германском фронте. Поэтому в период своих самых тяжелых неудач Красная армия была вынуждена держать на турецкой границе значительные силы. Поражение германских войск в Сталинграде (начало 1943 года) в корне изменило ситуацию: Германия защитить Турцию больше не могла, и с этого момента, страшась возмездия со стороны Сталина, Турция стала искать защиты у союзников СССР. Глава Адана книги 2* содержит описание встречи Черчилля с премьером Турции еще в январе 1943 года. Черчилль говорит турецкому премьеру Сараджоглу, цитируем: лучше, чтобы Турция была бы связана с Соединенным Королевством и Соединенными Штатами… Если Россия нападет на Турцию… то мы организуем самое тесное объединение против нее (России), и я не поколеблюсь заявить об этом Сталину. Вероятно, тогда и начала складываться повестка дня встечи в Тегеране: готовились обсуждать Россию и Турцию, а значит и лежащую между ними Армению. Книга 2* содержит подробное описание Тегеранской конференция, где многократно упоминается Турция: Черчилля заботила посылка в эту страну английских войск и оружия. То, что там Армения ни разу не упоминается, имеет свое объяснение: после войны, в период написания Черчиллем его шести томов, “свободный мир” требовал защиты Турции от “Сталинских” претензий. Вероятно, в труде Черчилля необходимая политкорректность сделала само слово “Армения” непроизносимым.

1.Доктрина Вильсона.

Как было показано в книге 1*, корни Доктрины Вильсона, связаны с ходом Первой мировой войны на Кавказе, иными словами, с Арменией.

Имеются неоспоримые доказательства того, что Россия еще при царизме специальным договором взяла на себя обязательства защиты Американских миссионеров в Западной Армении, вплоть до применения, при необходимости, военной силы против Турции, 3*, 4*. Впервые Россия последовала этим обязательствам в эпизоде Ванского восстания (май 1915 года). Русские войска совершили поход на Ван по призыву известной американской миссии, находившейся в этом городе; сигнал SOS был направлен американцами в Российское консульство в Тавризе. Занявшие Ван русские войска спасли многочисленную американскую миссию вместе с их армянской паствой, последняя подвергались со стороны турок поголовному истреблению. Последовавший в сентябре отвод русских войск вероятно был результатом давления на Россию американских дипломатов. Об этих друзьях Турции Президент Вильсон говорил в своей речи в Конгрессе США 6го декабря 1915 года: There are citizens of the United States, I blush to admit, … who debase our politics to the uses of foreign intrigue. (Мне стыдно признать это, но в США имеются граждане, которые искажают нашу политику следуя чужой интриге.) Таким гражданином был американский посол в Турции Моргентау, действительно, он был отозван со своего поста в январе 1916г. Вероятная трактовка событий в Ване по подаче Моргентау: Турки на американцев и армян в Ване не нападали; занятие русскими Вана - это провокация России, направленная против нейтралитета США. Эту трактовку подтверждает отсутствие подписи США под заявлением стран Антанты о геноциде армян в Турции от 24 мая 1915 года. Правда раскрылась, когда русские войска вернулись на исходные позиции. Вслед за отступившей русской армией в сентябре 1915 года на российскую территорию бежали 250.000 армян и весь состав американской миссии. В конце 1915г. Вильсон

уже имел достоверную информацию о том, что происходило в Турции с армянами, так как, проехав через Россию, в США вернулись миссионеры Вана. Как сын священника, Вильсон им верил абсолютно.

Надо было немедленно спасать остававшуюся в Турции паству американских миссионеров. Посылке американских войск в Турцию мешал риск проиграть выборы в конце 1916г. Вильсон решает: Россия займет всю Западную Армению, но сделает это под прикрытием т.н. плана Сайкса-Пико (план раздела Турции державами Антанты). В 1916г Антанта буквально стремились угадать пожелания Вильсона - на него возлагались надежды на победу в войне. Так в договор Сайкса-Пико был включен пункт об огромной Российской зоне. В феврале 1916 г. состоялся второй поход Русской армии в Западную Армению: тогда русские дошли до Трапизона.

С объявлением США войны Германии в начале 1917 года, Британия получает уверенность в победном исходе войны. Но будущая победа была бы неполной, если бы территория Западной Армении осталась за Россией. (Уступка России даже пяди Османской территории для Британии всегда означала пробоину в ее линии обороны Индии.) Способ залатать образовавшуюся в 1916 году в Западной Армении огромную пробоину предлагают британские сионист Вейцман и сохранявший свои связи в Турции Моргентау; эти двое встретились в Гибралтаре в июне 1917г, 5*. Их проект: турецкий Иерусалим передается Британии, а в качестве компенсации Турция получает обратно Западную Армению от России. Последняя откажется от завоеванной территории в результате неизбежной революции. В России уже действует прибывший из Америки революционер Троцкий, он и подпишет Брестский мир в 1918ом, как Народный Комиссар иностранных дел Советской России. Как видим, Моргентау вполне заслуживает звания крестного отца американского троцкизма.

С начала 1917 года Троцкий находился в США и вел вербовку сторонников для участия в предстоящей революции в России. Президент Вильсон знал, какую опасность Троцкий представляет для его планов по Западной Армении, попади последний в Россию. Троцкий оставался на свободе до своего отъезда на революцию: он уехал буквально за день до объявления Америкой войны Германии. Однако Вильсону удалось «достать» Троцкого в Канаде: в порту Галифакс его сняли с идущего в Швецию корабля и отправили в лагерь для немецких военнопленных. Освобождение Троцкого из лагеря спустя месяц могли организовать Вейцман и лорд Бальфур (последний - британский министр иностранных дел, автор знаменитой декларации о Палестине). Примечательно, что британская Таймс поместила текст Декларации Бальфура в одном номере с сообщением об Октябрьской революции в Петрограде. Другое совпадение: англичане без боя заняли Иерусалим 9 декабря, через день после начала перемирия на Кавказском фронте.

В советском правительстве имелись антитроцкистские силы, способные продолжать борьбу (Ленин и Сталин) с троцкизмом. Поэтому триумф Троцкого в Брест-Литовске не заставил Вильсона отказаться от своих планов по Западной Армении. Так, еще до подписания Троцким Брестского мира, 9 января 1918 года в Конгрессе США прозвучала доктрина Вильсона (так мы называем шестой пункт из 14-и Пунктов Вильсона). Ее сокращенный перевод:

Эвакуация всех русских территорий... гарантия России самого полного и свободного содействия со стороны других наций… обеспечение России радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберёт… всяческая поддержка во всем, в чем Россия нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России со стороны наций, её сестер, в грядущие месяцы будет пробным камнем их добрых чувств, понимания её нужд и умения отделить их от своих собственных интересов, а также показателем их мудрости и бескорыстия симпатий. Реакция Ленина-Сталина последовала уже 11 января 1918 года -- известный Декрет о Турецкой Армении (приводится в сокращении):

Совет Народных Комиссаров объявляет армянскому народу, что Рабочее и Крестьянское правительство России поддерживает право армян оккупированной Россией "Турецкой Армении" на свободное самоопределение вплоть до полной независимости….

Чрезвычайному временному комиссару по делам Кавказа Степану Шаумяну поручается …приступить к созданию смешанной комиссии для установления срока и способа вывода войск из пределов "Турецкой Армении"…. Географические границы "Турецкой Армении" определяются демократически избранными представителями армянского народа …совместно с чрезвычайным временным комиссаром по делам Кавказа Шаумяном. Подписи - Ленин, Сталин. На территории Советской России Ленин и Сталин начали создание Армянской Красной армии, 3*. Вместе с ее первыми отрядами в Баку прибывает Шаумян (март 1918го). Из Персии в Баку прибывают британские войска (в 1918 году – союзники Вильсона). Однако Шаумян до Западной (Турецкой) Армении не добрался: троцкист-

ское руководство возникшей на российской территории сепаратистской Армении пропускает на Баку турецкую армию. На время битвы за Баку англичане покинули город. Баку пал 14 сентября 1918го, Шаумян и все его ленинское правительство погибли. Примечательно совпадение: битва за Баку началась 28 августа 1918г, а 30 августа имело место покушение на Ленина. Так закончился, едва начавшись, третий поход России (на этот раз Советской) в Западную Армению.

Однако и тогда Вильсон не отказался от своих планов в отношении Армении. В последний год своего президентства Вильсон убедил Британию и Францию поставить свои подписи под планом создания т. н. Вильсоновской Армении (Севрский договор, август, 1920 год). Ее судьбу можно было предсказать по поведению британцев в Баку.

На президентских выборах в конце 1920 года в США побеждает американский троцкист Хардинг, впоследствии обвиненный в связях со шпионами Кайзера. Президентство Хардинга и Вильсоновская Армения, возникшая к тому моменту в документах Севрской Конференции, были несовместимы. После ухода Вильсона, контролировавшие побежденную Турцию Британия и Франция без лишних разговоров, сдают территорию этого будущего государства турецкому троцкисту Ататюрку. Однако еще до этого Россия оккупировала (советизация) сепаратистские государства, Армению (29 ноября 1920г.) и Грузию (февраль 1921г). Вероятно, видя неизбежный провал своих усилий, Вильсон санкционировал эти действия Ленина-Сталина чтобы успеть спасти последнее: это было вполне в духе Эвакуации всех русских территорий. И действительно, отрицательной международной реакции на эти действия Советской России не последовало: Вильсон находился в Белом Доме до 4 марта 1921г. Двенадцать лет спустя президентом США стал Франклин Рузвельт.

Рузвельт может считаться идейным наследником Вудро Вильсона, его он активно поддерживал еще в избирательной кампании 1912 года в США. В администрации Вильсона Рузвельту был предложен пост в морском министерстве. На выборах-1920 в США Рузвельт выдвигался на пост вице--президента на платформе вхождения Америки в Лигу Наций. Вероятно, что в тот момент подписавшие Севрский договор страны и сам Вильсон уже готовили место в этой организации для независимого армянского государства на территории Турции (т.н. Севрской или Вильсоновской Армении) – этого плода "идеализма" Вильсона. Однако отказ Конгресса от участия США в Лиге Наций сделал Лигу бессильной, и Севрский договор остался на бумаге. Избравшись Президентом в 1932г, Рузвельт берет на вооружение доктрину Вильсона, т.е. доктрину об особых отношениях между Россией и США. Он начинает с установления в 1933-ем дипломатических отношений с СССР, причем его послом в Москве становится Буллит, тот самый Буллит, которого Вильсон в 1919-ом послал из Парижа в Москву на встречу с Лениным. В период президентства Рузвельта американский журналист Фойхтвангер и ряд других одобрили Московские процессы против троцкистов, проходившие в 1937 году. Когда в 1940-ом три прибалтийские республики были включены в состав СССР, Рузвельт занял ту же позицию, что и Вильсон в эпизоде государств на русском Кавказе. Речь опять шла о территории, ранее принадлежавшей Российской Империи.

Война с Гитлером побудила Рузвельта поднять вопрос о создании ООН под эгидой США. Задолго до Тегерана, Рузвельт вероятно мечтал о послевоенной реабилитации Вильсоновской Армении силами ООН. В духе идей Вильсона, он должно быть полагал, что в рамках ООН этот вопрос должен быть поднят со стороны каких-то национальных армянских сил, но никак не со стороны СССР. В последнем случае друзьям Турции (троцкистскому интернационалу) было бы легко погубить дело, обвинив СССР в агрессивном империализме.

2.Тегеранская Модель

Понятие исторической модели систематически использовалось в 1*. Модель - это гипотеза, формулируемая в сопровождении солидных подтверждающих фактов, делающих достоверность самой гипотезы достаточно вероятной. Сформулируем основную модель статьи.

В первые годы войны на Сталина серьезно давило то обстоятельство, что союзники постоянно откладывали многократно обещанное открытие «второго фронта». Сталин при всякой возможности неизбежно возвращался к этому вопросу, сопровождая упреки по адресу союзников указаниями на то, что СССР постоянно и точно выполняет взятые на себя обязательства. Открытие «второго фронта» несомненно оставалось для Сталина главной темой обсуждений в Тегеране, и маловероятно, чтобы он дополнительно выдвигал еще и другие темы. Со своей стороны, союзники предлагали Сталину проекты изменений в государственном устройстве СССР, направленных в сторону усиления суверенитета отдельных республик (это соответствовало идеям Вильсона). Согласие Сталина совсем не исключалось. Главное подтверждение - это ЗАКОН О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ ПОЛНОМОЧИЙ В ОБЛАСТИ ВНЕШНИХ

СНОШЕНИЙ И О ПРЕОБРАЗОВАНИИ В СВЯЗИ С ЭТИМ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИЗ ОБЩЕСОЮЗНОГО В СОЮЗНО-РЕСПУБЛИКАНСКИЙ НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ, принятый 1 февраля 1944 года, т.е. всего лишь через два месяца после Тегеранской встречи. В результате все Советские республики получили атрибуты независимых государств: право свободного выхода из состава СССР; право на внешнеполитическую деятельность, включая заключение международных договоров и обмен дипломатическими миссиями с другим государствами; право на собственные войсковые формирования.

В Тегеране вероятно также решался вопрос вхождения Советских республик в будущую ООН. Как известно, после войны в ООН оказались Украина и Белоруссия: как они были избраны из общего числа 16-и республик? Этот вопрос находит ответ, если предположить, что еще до встречи в Тегеране, Рузвельт и Сталин пришли к согласию о том, что в ООН войдут те из Советских Республик, которые имеют свою Академию Наук. К началу Тегеранской Конференции свои Академии имели только Украина, Белоруссия и Грузия. По этому критерию, после 29 ноября 1943, в число Советских Республик, имевших право на место в ООН, вошла Армения. Так мы приходим к следующей модели.

В Тегеране обсуждалась возможность реализации в каком-то виде плана Президента Вильсона по созданию независимого государства Армения на территории Турции. По мысли Рузвельта, инструментом должна была стать будущая ООН. 29 Ноября 1943, в число согласованных с Рузвельтом кандидатов в члены ООН Советских Республик вошла Армения. После победы над Гитлером, Армения и Грузия должны были стать членами ООН и предъявить территориальные претензии к Турции.

Созданный в 1944 Наркоминдел Советской Армении существовал далеко не формально: он активно участвовал в масштабной иммиграции зарубежных армян в Советскую Армению (до 1948 года удалось репатриировать порядка 150.000 из Греции, Сирии, Египта, Ирана, Франции, США.) Согласно многим источникам, приказом Верховного Главнокомандующего ВС СССР от 22 августа 1944 года был создан 1-й советский партизанский полк во Франции состоящий из французских коммунистов-армян и из бывших армянских военнопленных – легионеров. Вероятно, Сталин рассчитывал, что этот "партизанский полк" американцы пришлют в Армению для участия в предполагавшихся операциях ООН в Турции.

Однако все сложилось совсем по-другому.

3. Конец доктрины Вильсона

Открытие Второго фронта во Франции последовало летом 1944 года. На выборах осенью того же года Рузвельт побеждает со значительным перевесом: доктрина Вильсона еще действует. Однако тогда же появляются симптомы ее ослабления. Приведем тост Черчилля из книги 2*, глава "Ялта: финал". Я должен был провозгласить тост за здоровье маршала Сталина. Я сказал: "… пламя войны выжгло все недоразумения прошлого… желаю ему долго жить и увидеть свою любимую Россию не только покрытой славой в войне, но и счастливой в дни мира ". Через 13 дней после Ялты, 23 февраля 1941 г. Турция формально объявила войну Германии, а это позволило ей в 1945-ом занять место в ООН. На выборах 1944 года на пост вице—президента избирается Трумэн. Последний оказывается настоящей миной замедленного действия, заложенной американскими троцкистами под доктрину Вильсона. Мина сработала в апреле 1945 года: неожиданно и при странных обстоятельствах Рузвельт умирает, и его место занимает Трумэн. Последний вместе с Черчиллем начинает Холодную войну против СССР. 12 марта 1947 г. была озвучена Доктрина Трумэна, направленная на радикальный пересмотр сформировавшейся при Рузвельте системы отношений США - СССР. В частности, она предусматривала немедленное выделение Турции 100 млн долларов, оказание ей широкой военной помощи и создание на ее территории военных баз США.

Армения и Грузия не были приняты в ООН: голос Армении- жертвы геноцида, совершенного в Османской Империи в 1915 году - не должен был прозвучать в ООН; Грузия могла быть наказана и за то, что была малой родиной Сталина.

К моменту принятия Доктрины Трумэна, в США движение в поддержку позиции Рузвельта по Турции было еще живо. Так, в апреле 1947 года в Нью Йорке открылся всемирный Конгресс армян:
World Armenian Congress, April 30th to May 4th, 1947, Waldorf Astoria, New York, проходившем в зале украшенном огромным плакатом "Эти земли принадлежат Армении", где рука Вильсона указывает на Западную Армению.

Согласованные с Рузвельтом, но так и не заявленные в ООН претензии Армении проявилась в послевоенных "Сталинских" территориальных претензиях к Турции. 7 июня 1945 года министр иностранных дел СССР Молотов выдвинул турецкому послу в Москве требование о пересмотре советско-турецкой границы. США и Великобритания изобразили этот демарш как начало агрессии СССР против Турции и призвали мир к ее защите. Об Армении ничего не гово-

рилось. Отметим два «внутриармянских» документа: 1. письмо Сталину новоизбранного армянского католикоса VI с выражением поддержки политике возвращения армянских земель, (1945 год); 2. в феврале 1946 г. на собрании избирателей, первый секретарь ЦК Армении Г. Арутюнян заявил, что турки “пытаются скрыть, что вопрос о возвращении армянских областей, захваченных Турцией, поставлен самим армянским народом — как населением Советской Армении, так и армянами, проживающими в зарубежных странах. Эти требования поддерживаются правительством Советской Армении...”

Несколько слов о вооруженной борьбе палестинских сионистов против Британии за создание Израиля. Началом этой борьбы считается 6 ноября 1944 года, когда в Каире сионистскими террористами был убит лорд Мойн, председатель британской Палаты лордов. Поддерживал ли Сталин эту борьбу, хотя бы морально, надеясь на союз с будущим Израилем в предстоящих действиях против Турции? Ответим фактами: государство Израиль было провозглашено 14 мая 1948 года; 18 мая 1948 года Советский Союз первым признал его де юре и 26 мая 1948 года установил с ним дипломатические отношения. Советский Союз поддержал Израиль при приеме в члены ООН и стал первым крупным поставщиком оружия в Израиль (поставка самолётов-истребителей чехословацкого производства).

3 сентября 1948 года Голда Меир прибыла в Москву на пост посла Израиля в СССР. На приёме в Кремле супруга В. М. Молотова, Полина Жемчужина, обратилась к Г. Меир на идиш со словами: «Я еврейская дочь!»; Это указывает на настоящую про-израильскую эйфорию в советском руководстве, а она неизбежно отражает отношение Сталина к Израилю в тот момент. Не прошло и года, как от этой эйфории не осталось и следа: в конце концов Сталин убедился, что Израиль поддерживает не его проекты в Турции, а Доктрину Трумэна.

В 1953 году, 30 мая, по поручению Хрущева, МИД СССР заявил, что народы Армении и Грузии более не имеют территориальных претензий к Турции. Немедленно были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Израилем (15 июля 1953 года). Сталин ошибался, если думал, что с троцкистами в СССР покончено: при Хрущеве память о геноциде армян 1915 года была предана почти официальному забвению, запрет был снят в 1964 году, после снятия Хрущева (сооружение Мемориала Геноцида Ереване). Конгресс США по сей день не признает Геноцида армян в Османской Империи, т.е. занимает Троцкистскую позицию, враждебную доктрине Вильсона.

Список литературы

1* R.V. Ambartzumian, Wilsonian Armenia, Stories Behind the Failed Project, Lambert, 2015, (на английском);
2* Вторая Мировая Война (1951), Уинстон Черчилль, Нобелевская премия по литературе;
3* The Berlin-Baghdad Express, by Sean McMeekin;
4* An American Physician in Turkey: A Narrative of Adventures in Peace and War, by Clarence Ussher, The Riverside Press, Cambridge, 1917;
5* The Banality of Indifference: Zionism and the Armenian Genocide, Yair Auron

Թիֆլիսահայ գործարարներ. Ալեքսանդր Մանթաշյանց, Միքայել Արամյանց

Եսայան Վ. Բ.
ՀՀ ԳԱԱ Պատմության ինստիտուտ (Հայաստան, Երևան)
vardanesayan@yahoo.com

Վճռորոշ բառեր՝ տնտեսական գործունեություն, քաղաքական իրավիճակ, ազգասեր, բարերար, տնտեսական տարածք, դրամագլուխ, միլիոնատեր

Тифлисские армянские бизнесмены: Александр Манташянц, Микаел Арамянц

Есаян В.Б.
Институт истории НАН РА (Армения, Ереван)
vardanesayan@yahoo.com

Резюме: В конце 19-го и начале 20-го веков в ряде отраслей экономики и торговли Тифлисской губернии главенствующие позиции занимали армяне. Одним из них являлся основатель армянского классического капитализма и созидатель культуры капитала в армянской действительности Александр Манташянц. Этот умный и успешный бизнесмен достиг больших успехов особенно в нефтедобыче и банковской сфере, который стал одним из богатейших армян своего времени.
Одним из видных деятелей деловых кругов тифлисских армян был также близких друг и партнер А. Манташянца Микаел Арамянц. Накопив определенный капитал в Тавризе, этот талантливый бизнесмен переехал в Тифлис и развернул успешную экономическую деятельность. Накопленный в нефтедобыче капитал он вкладывал в строительство и в недвижимость. А. Манташянц и М. Арамянц особое внимание уделяли благотворительной деятельности, они спонсировали обучение армянской молодежи в высших учебных заведениях.
Ключевые слова: экономическая деятельность, политическая ситуация, патриот, благотворитель, экономическое пространство, капитал, миллионер

Tiflis Armenian businessmen: Alexander Mantashyants, Mikael Aramyants

Esayan V.B.
Institute of history of NAS RA (Armenia, Yerevan)
vardanesayan@yahoo.com

Abstract: At the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries, in a number of sectors of the economy and trade of the Tiflis province the Armenians occupied the leading positions. One of them was the founder of Armenian classical capitalism and the creator of the culture of capital in Armenian reality, Alexander Mantashyants. This smart and successful businessman has achieved great success especially in the oil production and banking sector, which has become one of the richest Armenians of his time.
Mikael Aramyants, a close friend and partner of A. Mantashiants, was also one of the prominent figures of the Tiflis Armenian business circles. Having accumulated a certain capital in Tabriz, this talented businessman moved to Tiflis and launched a successful economic activity. Accumulated capital in oil production, he invested in construction and real estate.A. Mantashyants and M. Aramyants paid special attention to charitable activities, they sponsored the training of Armenian youth in institutions of higher education.
Keywords: economic activity, political situation, patriot, philanthropist, economic space, capital, millionaire

Թիֆլիսի նահանգում՝ ինչպես տնտեսության մի շարք ճյուղերում այնպես էլ առևտրի բնագավառում, գերիշխող դիրք էին գրավում հայերը: Դրանցից մեկը նշանավոր հայ գործարար, հետագայում «Անդրկովկասի թիվ 1 ֆինանսիստ»[1] և «նավթի արքա», ժամանակի ամենահարուստ մարդկանցից Ալեքսանդր Մանթաշյանցն էր[2]:

[1] Տե'ս Ալեքսանդր Մանթաշյանց, հուշագրություններ, հրապարակումներ, փաստաթղթեր, կազմող և ծանոթագրությունների հեղինակ **Խաչատուր Դադայան**, Ե., 2011, էջ 10:

[2] Ես գրում եմ Մանթաշեանց,-նշանավոր մեծահարուստին նվիրված իր հուշերում բացատրում է դրանց հեղինակ Ա. Սարուխանը,- որովհետեվ ինքն իր անունը հայերեն ստորագրում էր այդպես: Տե'ս **Սարուխան Ա.**, Ալեքսանդր Մանթաշեանց. մեծ վաճառականը և բարե-

Ալեքսանդրի հայրը՝ Հովհաննեսը[3] (նա ուներ երկու երեխա՝ Ալեքսանդրը և քույրը՝ ապագա տիկին Միրիմանյանը) ժամանակին մեկնել էր Պարսկաստանում մեծ հեղինակություն վայելող քեռու՝ Խոսրով խանի (Ղայթմազյանց) մոտ, նրա հովանավորությամբ զբաղվել մանուֆակտուրայի (խամխալաթի) առևտրով և իր աշխատասիրության ու գործիմացության շնորհիվ հասել զգալի հաջողությունների: Հովհաննեսը մեծ հոգատարությամբ էր վերաբերվում որդու կրթության հարցերին: Ալեքսանդրը սովորել է վարդապետ Գ. Փափազյանի մասնավոր դպրոցում, որտեղ ստացել է հիմնավոր կրթություն: Այստեղ էլ հավանաբար,-կարդում ենք «Մշակ» լրագրում,- «ձևավորվել է Մանթաշեանցի ազգասէր և կրօնասէր պահուացքը»[4]:

Ալ. Մանթաշյանցի մանուֆակտուրայի առևտրով զբաղվող հայրը գործի բերումով հաճախ էր լինում Եվրոպայում: Դրանցից մեկի ժամանակ, 1868 թ., նա իր հետ տանում է նաև որդուն: Նրանք միասին շրջում են եվրոպական մայրաքաղաքներում և կարողանում առևտրական լայն կապեր հաստատել մի շարք քաղաքների վաճառական տների հետ: Սակայն մինչ այդ էլ՝ 1866 թ. 24 տարեկան երիտասարդ Ալեքսանդրն արդեն եղել էր Եվրոպայում և գտնվելով տեքստիլ արդյունաբերության եվրոպական խոշոր կենտրոններից մեկում՝ Մանչեստրում, մանուֆակտուրա էր գնում և առաքում Թիֆլիս՝ հորը: Ի դեպ, հենց այստեղ՝ Մանչեստրում Ալ. Մանթաշյանցն առաջին անգամ առնչվեց բարերարություն երևույթին, որը ուղեկցեց նրան ամբողջ կյանքում՝ պարգևելով համաժողովրդական հարգանք ու երախտագիտություն:

Մանչեստրում հայտնվելը նրա համար ճակատագրական նշանակություն ունեցավ: Այդ միջավայրում գործունեություն իրականացնելով Մանթաշյանցն առնչվեց եվրոպական նիստուկացի և մշակույթի հետ: Ձեռք բերեց բիզնես վարելու առաջավոր գործնական անգնահատելի փորձառություն և այդ «թանկարժեք ուղեբեռով վերադարձավ Թիֆլիս»[5]: 1878 թ. Թիֆլիսի «Կավկազ» հյուրանոցի առաջին հարկում նա խանութ բացեց և հոր հետ սկսեցին զբաղվել մանուֆակտուրայի մանրամեծածախ առևտրով: Աշխատասիրության և ճշգրիտ հաշվարկների ու բիզնեսը խելացի կառավարելու շնորհիվ նրանք շարունակաբար հաջողություններ արձանագրեցին և տարեց-տարի ավելացրեցին իրենց դրամագլուխը:

Հայկական դասական կապիտալիզմի հիմնադիրներից և հայ իրականության մեջ կապիտալի մշակույթի կերտողներից Ալեքսանդր Մանթաշյանցը[6] հոր մահից հետո 20 հազար ռուբլի[7] ժառանգություն ստանալով հետագայում ոչ միայն իր դրամագլուխը հասցրեց միլիոնների[8], այլև իր իսկ կենդանության ժամանակ համաշխարհային համբավ ձեռք բերեց և իր գործունեությամբ «լիարձակ կերպով մարդկությանը հայտնի դարձրեց հային»[9]:

Ինչպես իրավամբ միաբերան նշում են նրա մասին գրող բոլոր ժամանակակիցները,

---

գործը, յուշեր իր մահվան 20-ամեակի առթիւ, Վիեննա, 1931, էջ 3:

[3] Հովհաննեսը սերում էր կրոնական հնագույն ընտանիքից, իսկ մայրը՝վրաստանի հին ազնվական հայ գերդաստանից էր, տե'ս **Շերմազանեան Գ.**, նիւթեր ազգային պատմութեան համար, Ռոստով, 1891, էջ 213:

[4] Տե'ս «Մշակ», Թիֆլիս, 1911, թիվ 4:

[5] Տե'ս Ալեքսանդր Մանթաշյանց, հուշագրություններ, հրապարակումներ, փաստաթղթեր, կազմող և ծանոթագրությունների հեղինակ Խաչատուր Դադայան, Ե., 2011, էջ 14:

[6] (1842, մարտի 3-1911, ապրիլի 19: Վախճանվել է Պետերբուրգում, հուղարկավորվել է Թիֆլիսի Վանքի եկեղեցու բակում կառուցած դամբանում՝ կնոջ կողքին: 1938 թ. թե Վանքի եկեղեցին և թե դամբանը ավերվել են: Ըստ որոշ լուրերի, նրա ու կնոջ աճյունները գաղտագողի փոխադրվել ու հողին են հանձնվել Թբիլիսիի Սբ Գևորգ եկեղեցու բակում): Տե'ս http://www.irates.am/hy/1488528993:

[7] Այս թվի վերաբերյալ Մանթաշյանցին նվիրված գրքի հեղինակ Խ. Դադայանը տրամաբանված և միանգամայն իրատեսական հետևյալ դիտարկումն է արել. <20 000 ռուբլի-Ա. Սարուխանի բնագրում 200.000 ռուբլի է, բայց փոխել ենք 20. 000-ի հետևյալ պատճառով: 200.000 ռուբլի գումարն առաջին անգամ «Մշակ» օրաթերթում, հենց Սարուխանի հոդվածաշարում և պարզագույն սրբագրական վրիպակ է, որն անքննադատաբար շարունակվել է շրջանառվել հետագա հրատարակություններում: Պետք է լինի 20.000 ռուբլի. բանն այն է, որ 1880-ական Թիֆլիսի ամենահարուստ մարդը Հովհ. Չիթախյանն էր, որի ունեցվածքը կազմում էր շուրջ 25.000 ռ.: Հետևաբար Հովհ. Մանթաշյանցը, որ սեփական տուն չուներ և վարձով էր ապրում, որդուն չէր կարող 200.000 ռ. կարողություն թողնել: Տե'ս Ալեքսանդր Մանթաշյանց, հուշագրություններ, հրապարակումներ, փաստաթղթեր, կազմող և ծանոթագրությունների հեղինակ Խաչատուր Դադայան, Ե., 2011, էջ 87:

[8] Ա. Մանթաշյանի կարողությունը ժամանակակիցների վկայությամբ 1920-ական թթ. կազմում էր 25-30 միլիոն ռուբլի:

[9] Տե'ս Ալեքսանդր Մանթաշյանց, հուշագրություններ, հրապարակումներ, փաստաթղթեր, կազմող և ծանոթագրությունների հեղինակ Խաչատուր Դադայան, Ե., 2011, էջ 9:

բնավորությամբ անհանգիստ և պրպտող մտքի տեր Ալեքսանդրը չէր կարող բավարարվել վաճառականությամբ և այդ ասպարեզում կուտակած փողերը նա ներդրեց ֆինանսական ոլորտ: Ինչպես վկայում է Ալ. Մանթաշյանցի կենսագիր-ուսումնասիրողներից Խ. Դադայանը, «Թիֆլիսի պաշտոնական աղբյուրներում Մանթաշյանցն առաջին անգամ հիշատակվում է 1873-ին»[10], հենց որպես երկու տարի առաջ ստեղծված Փոխադարձ վարկի ընկերության վարչության անդամ[11]:

1881 թվականից քաղաքային դումայի պատգամավոր և Թիֆլիսի վաճառական գիլդայի անդամ Ա. Մանթաշյանցը 1882-1884 թթ. ընտրվեց դեռևս 1871 թ. հիմնված «Թիֆլիսի առևտրային բանկի» (Тифлисский коммерческий банк) վարչության անդամ[12]: 1885-1889 թթ. էլ դարձավ վարչության փոխնախագահ, իսկ 1890 թվականից մինչև կյանքի վերջ՝ նախագահ: Միաժամանակ նա այդ բանկի ամենախոշոր բաժնետերն էր: Վստահաբար կարելի արձանագրել, որ հիմնականում Ալ. Մանթաշյանցի խելացի, հավասարակշռված, բնազավառի նրբություններին տիրապետելու և հետևողական աշխատանքի շնորհիվ այդ դրամատունը վերածվեց Ռուսական կայսրության ֆինանսական հաստատություններից մեկի և համարվում էր կայսրության բորսայական արժեք: Բանկ, որն իր «գործունեությունն սկսելով 500 հազար ռուբլի հիմնադիր կապիտալով 1914 թ. ուներ 6 մլն ռուբլի հիմնադիր ու 3,8 մլն ռուբլի պահուստային կապիտալ»[13] և կովկասյան միակ ֆինանսական հաստատությունն էր, որի բաժնետոմսերը վաճառվում էին Պետերբուրգի սակարանում:

1909 թ. վիճակագրական արդյունքներով Ռուսական կայսրության ամենահարուստ մարդկանց ցանկում 13-րդ տեղը զբաղեցնող Ալ. Մանթաշյանցը խոշոր վաճառական էր, նա իրեն գործարանատեր չէր համարում և իր բոլոր առևտրական գործերը վարում էր ինքն անձամբ: Նա հետևում էր հայ վաճառականության ավանդույթներին և ինքն էլ վաճառականներին ավադում էր, որ «վաճառականների փառքի տունը իրենց տառապյալ հայրենիքն է»[14]:

Հաջողակ առևտրական և Այսրկովկասի ամենահզոր ֆինանսիստ ու ամենամեծ դրամատան փաստացի սեփականատեր Ալ. Մանթաշյանցը նույն հետևողականությամբ շարունակում էր զբաղվել սիրած գործով՝ մանուֆակտուրայի առևտրով, որը սակայն այլևս չէր բավարարում հաջողակ գործարարին: Իր հերթին խոշոր ֆինանսական միջոցները պահանջում էին գործունեության նոր ոլորտ: Պատեհ առիթն էլ ներկայացել էր՝ 1885 թ. Բաքվից Թիֆլիս էր ժամանել մեկ այլ հաջողակ հայ գործարար Միքայել Արամյանցը և առաջարկել զբաղվել նավթարդյունաբերությամբ:

1899 թվականին՝ ընդառաջելով Մ. Արամյանցի հորդորներին, նա հիմնադրեց «Ալեքսանդր Մանթաշև և Կո» նավթարդյունաբերական և առևտրային ընկերությունը[15], որը Ալ. Մանթաշյանցի տքնաջան աշխատանքի, բնածին խելքի, շրջահայեցության և ձեռներեցության շնորհիվ 20-րդ դարի սկզբին արդեն արդյունահանում և արտահանում էր Բաքվի նավթի 1/3-ը: Ընկերության նավթի առևտրական տներն ու նրանց մասնաճյուղերը տարածվում էին ամբողջ աշխարհում, իսկ Մանթաշյանցը համարվում էր Ռուսական կայսրության ամենահարուստ մարդկանցից մեկը: 1899-1909 թթ. նրա ընկերությունն իր հիմնական դրամագլխի ծավալով (22 միլիոն ռուբ-

[10] Տե'ս նույն տեղում, էջ 14:

[11] Այդ ընկերության ժամանակավոր նախագահն էր Վ. Կայդանովը, անդամներ՝ Ալ. Մանթաշյանցը, Ս Ջաղելին, Ալ. Մատինյանը, Հովհ. Չիթախյանը, իսկ կառավարիչն էր Կովկասում Գ.Գ.Ադիլխանյանի կաշվի և թաղիքի արտադրության բաժնետիրական ընկերության» սեփականատեր Գ. Ադելխանյանը: Տե'ս Ալեքսանդր Մանթաշյանց, հուշագրություններ, հրապարակումներ, փաստաթղթեր, կազմող և ծանոթագրությունների հեղինակ Խաչատուր Դադայան, Ե., 2011, էջ 14:

[12] Այդ բանկի հիմնադիրներն էին ժամանակի այնպիսի խոշոր վաճառականներ, ձեռնարկատերեր և կալվածատերեր, ինչպիսիք էին Մ. Ալիխանյանը, Հ. Ամիրաղյանը, Դ. Նադիրյանը, Մ. Թամամշյանը, Ա.Ղորղանյանը, Ալ. Թայլիրյանը, Խ. Տեր-Մկրտչյանը, Ալ. Օնիկյանը, Է. Էջուբյանը, Ս. և Հ. Իզմիրյան եղբայրները,Հ. Եվանգուլյանը, Ե. Ջաղեթյանը, Մ. Շահպարոնյանը, իշխաններ Ն. Բեկթաշբեկովը և Պ. Նակաշիձեն, բարձրաստիճան պաշտոնյաներ Ի. Զուրաբովն ու Կ. Ռեյտերը և այլ նշանավոր անձինք: Տե'ս Устав Тифлисского коммерческого банка, Тиф., 1894. Տե'ս նաև Устав Тифлисского общества взаимного кредита, Тиф., 1872.

[13] Տե ս' Устав Тифлисского купеческого банка, Тиф., 1913.

[14] Տե'ս «Հովիտ», 1911, թիվ 18:

[15] Տե'ս Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883-1914, Документы и материалы, М.-Л, 1961, с. 231-233. Ֆիրմայի գլխավոր գրասենյակը Թիֆլիսում էր, Ֆրեյլինսկայա թաղոցում գտնվող Բայսագուլովի տանը:

լի) ամենախոշորն էր ռուսական արդյունաբերության մեջ: 1904 թ. Բաքվի նավթի արդյունահանման ծավալով նա զիջում էր միայն «Նոբել եղբայրներ»-ին և Ռոտշիլդ եղբայրների «Կասպիական սևծովյան ընկերությանը»[16]:

Մանթաշյանցը ֆինանսավորել է Բաքու-Բաթում նավթամուղի շինարարությունն ու 1907 թ. կառուցել աշխարհում առաջին 835 մ երկարություն ունեցող նավթամուղը: Նա ուներ նաև հանքեր, գործարաններ, կալվածքներ, տներ, հյուրանոցներ, ամառանոցներ ու շոգենավեր: Նրան ճանաչում և «նրա կարծիքի հետ հաշվի էին նստում ամենաբարձր ոլորտներում»[17]: Սակայն այդ ամենին նա հասել էր դժվարին ու քրտնաջան աշխատանքի շնորհիվ: Հատկանշական է, որ նրա մասին բոլոր գրողները միաբերան պնդում են, որ ինչ նա ձեռնարկում էր, կատարում էր փայլուն կերպով, հետևողական էր և գործն անպայման պետք է հասցներ իր տրամաբանական ավարտին: Միաժամանակ զգույշ էր, շրջահայաց և սկզբունքային[18]:

Մանթաշյանցի կյանքի գլխավոր նպատակը միայն առևտուրն ու դրամ դիզելը չէին: Գործարարությանը զուգընթաց՝ նա կարևորում էր նաև ազգօգուտ հասարակական աշխատանքներ կատարել: Նա հովանավորում էր Կովկասի ամենախոշոր որբանոցը, նրա միջոցներով շենքեր և հայկական եկեղեցիներ են կառուցվել Թիֆլիսում, Երևանում, Բաքվում, Մոսկվայում, Պետերբուրգում ու Փարիզում: Հայկական Սուրբ Հովհաննես Մկրտիչ եկեղեցին, որը գտնվում է Փարիզի հենց կենտրոնում՝ Ելիսեյան դաշտում, իր գոյությամբ պարտական է նրան:

Ալ. Մանթաշյանցը եղել է նաև հայ մշակույթի, գիտության, արվեստի և գրականության մեծ նվիրյալ ու հովանավոր: 1881 թվականից սկսած՝ նա իր միջոցներով տարեկան 200 ուսանող-որդեգիր էր պահում, որոնք սովորում էին Ռուսաստանի և Եվրոպայի լավագույն ուսումնական հաստատություններում: Նրանցից շատերը հետագայում դարձան գիտության, մշակույթի, արվեստի և գրականության հայտնի գործիչներ[19]: Ալ. Մանթաշյանցին բնորոշ էր այն, որ նա մասնագետների ընտրությունը կատարում էր առաջին հերթին գնահատելով տվյալ անձնավորության մարդկային արժանիքները՝ ազնվությունը, ճշտապահությունը և պարտաճանաչությունը: Մի կարևոր հատկանիշ էլ էր հատուկ անվանի գործարարին: Նրա բոլոր կարևորագույն գործերը, նյութական հաշիվների կատարողները, գանձապահները, արտադրության ղեկավարներն ու հսկիչները, աշխարհով մեկ սփռված նրա առևտրական գրասենյակի ղեկիավարները՝ որպես կանոն ազգությամբ հայեր էին[20]: Ալ. Մանթաշյանցի ժամանակակիցներից հայ նշանավոր գրող Շիրվանզադեն իրավացիորեն գրել է. «...Սիրտը՝ ահա գլխաւորը, որ կատարում էր միակ դերը եւ վեհ դերը Մանթաշեանցի բարեգործութիւնների մէջ: Նա տալիս էր՝ առանց ետին հաշիւների, առանց գաղտնի մտածումների, առանց սին փառամոլութեան: Տալիս էր, որովհետեւ այդպէս էր թելադրում նրա զգայուն հոգին»[21]: Բնութագրական է նաև այն, որ այդ ծով հարստության տեր և բազմազավակ Մանթաշյանցը[22] չէր սիրում ի ցույց դնել իր ունեցվածքը և ապրում էր բավականին համեստ կյանքով: Մինչև 1920-ական թթ. բոլոր ժամանակների ամենահարուստ հայ ունևորը վախճանվեց երիկամների հիվանդությունից Ս. Պետերբուրգում է 1911 թ.:

Թիֆլիսի հայ գործարար աշխարհի կարևոր դերակատարներից էր նաև Ալեքսանդր Մանթաշյանցի մտերիմ ընկեր ու գործընկեր **Միքայել Արամյանցը** (1843 թ. մայիսի 4, Լեռնային Ղարաբաղ, գյուղ Քյաթուկ – 1924 թ., Թիֆլիս): Ավարտելով տեղի ծխական դպրոցը՝ 1858 թվականին 15-ամյա Միքայելը գավառական ուսումնարանում սովորելու նպատակով հարազատ արցախյան գյուղից մեկնեց Շուշի:

---

16 Տե'ս Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883-1914, Документы и материалы, М.-Л, 1961, с. 177, 679.

17 Տե'ս Բալագյան Լ., Ալեքսանդր Մանթաշյանց (Ազգային բարերարը և գեղարվեստի մեկենասը), Ե., 1991, էջ 18-19:

18 Տե'ս «Հորիզոն», 1911 թ., թիվ 82:

19 Տե'ս ***Ավետիսյան Գ., Միրված գործարարը. http://www.magaghat.am/archives/49064***

20 Օրինակ՝ 1922 թ. Ընկերության Բեյրութի մասնաճյուղի տնօրեն էր նշանակվել հայ ազգային-ազատագրական պայքարի ռահվիրաներից Միհրան Տամատյանը: Տե'ս Իփեկեան-Ազատեան Ն., Հուշեր Միհրան Տամատյանի մասին, Ե., 2018, էջ 10:

21 Բաղդասարյան Ս., Ալեքսանդր Մանթաշով, Հայերն այսօր ամսագիր, 24.11.2013

22 Ալ. Մանթաշյանցն ուներ ութ զավակ՝ 4 աղջիկ և 4 տղա: Ծանր տանելով 1910 թ. կնոջ կորուստը՝ 1911թ. գարնանն ինքն էլ կնքեց իր մահկանացուն:

Նրան դեռ մանկությունից ավելի շատ հրապուրում էր Թիֆլիսը և քիչ էր մնում, որ իրականանար Թիֆլիսում կրթությունը շարունակելու նրա երազանքը։ Սակայն կյանք նրա համար այլ ուղի էր նախատեսել[23]:

Դեռևս 15 տարեկան հասակում Միքայելի մոտ ակնհայտ դարձավ առևտրի նկատմամբ հակումը: Գործի մեջ հմտանալու և գիտելիքներ ձեռք բերելու համար ծնողները նրան որպես օգնական ուղարկում են Իրանի Թավրիզ քաղաքի հայտնի առևտրական Թարումանյանի մոտ աշխատելու: Վերջինս առևտրական գործունեություն էր իրականացնում Իրանում, Ղարաբաղում և արտասահմանյան մի քանի երկրներում: Կարճ ժամանակում Արամյանցն այնպիսի տաղանդ է ցուցաբերում, որ նրան նշանակում են «Գործընկերություն» մասնավոր ընկերության ներկայացուցիչը Թավրիզում: Այստեղ էլ չորս տարի աշխատելու ընթացքում Միքայելը կուտակում է իր առաջին կապիտալը՝ շուրջ 3000 մանաթ: Այն ժամանակ սա արդեն բավականին մեծ կարողություն էր համարվում[24]:

Հենց այդ սկզբնական կապիտալով, 1871 թ. Արամյանցը մեկնեց և բնակություն հաստատեց Այսրկովկասի փաստացի կենտրոն, իր համար դեռ փոքր տարիքից երազանքի Թիֆլիս քաղաք՝ սեփական գործունեություն ծավալելու նպատակով: Քրտնաջան և սիրած գործին մինչև վերջ նվիրված աշխատանքի շնորհիվ, 28 տարեկան հասակում Միքայել Արամյանցն արդեն ուներ իր առաջին միլիոնը: Վաստակած այս դրամագլխով, Արամյանցն ավելի ընդարձակեց իր բիզնեսը: Նա զբաղվում էր մանվածքաթելի, բրդի, գործվածքների, մետաքսի, բամբակի առևտրով: Ներգրավված էր նաև Մարսելի, Թավրիզի ու Թեհրանի միջև շաքարավազի տարանցիկ առևտրում: Բացի այդ, նա տնօրինում էր պատկառելի թվով անշարժ գույք: Մ. Արամյանցի ղեկավարության տակ էին գտնվում վարձով տներ, կալվածատներ, ամառանոցներ և պանսիոնատներ, Ախթալայում և Կիսլովոդսկում գտնվող բուժիչ հանքային ջրերի աղբյուրներ:

Արամյանցը ֆինանսավորում էր քաղաքի մի շարք խոշոր և կարևոր շենքերի շինարարությունը: Նախևառաջ դա «Մաժեստիկ» հյուրանոցն էր և հիվանդանոցը, որոնք մինչ օրս նրա անունով են կոչվում: Չհաշված բարեգործությունը՝ Արամյանցն արդեն բազմամիլիոնանոց կարողություն ուներ և հասարակության բարօրություն համար երբեք չէր տնտեսում։ Արամյանցի անվան հետ է կապված նաև Թբիլիսիի «Մարիոտ» հյուրանոցը, որը նա կառուցել է իր սիրելի նավի՝ «Մաժեստիկի» նմանությամբ: Առաջին համաշխարհային պատերազմի տարիներին նաև ապաստաններ է կառուցել հայ գաղթականների համար[25]։

Սակայն 19-րդ դարի երկրորդ կեսի և 20-րդ դարի սկզբի հայ նավթարդյունաբերող, բարերար, Թիֆլիսի «Ազգային բարեգործական ընկերության» հիմնադիր վաճառականի իրական մեծ հարստությունը ձևավորվեց նավթարդյունաբերության ոլորտում ներգրավվելուց հետո: Նա առաջիններից էր, որ իր կապիտալի մեծ մասը տեղափոխեց Բաքու՝ նավթը երկաթուղով, ցիստեռններով տեղափոխելու համար: Ընդհանուր առմամբ, Մ. Արամյանցի դերը մեծ է եղել Կովկասում նավթարդյունաբերության զարգացման գործում: Ըմբռնելով, որ Բաքվի նավթը իսկական ոսկու երակ է՝ նա ղարաբաղցի իր երկու ընկերների՝Առաքել Ծատուրյանի ու Գերասիմ Թումայանի հետ հիմնում է «Բալախանսկայա» նավթարդյունաբերական ընկերությունը: Սակայն չդիմանալով ռուսական և ամերիկյան նավթային հսկաների՝ Նոբելի և Ռոտշիլդների մրցակցությանը, Արամյանցն իր վաղեմի ընկերոջը՝ Մանթաշյանցին, ով այդ ժամանակ

[23] Այնպես է ստացվել, որ Վահե Անթանեսյանի «Միքայել Արամյանց. կյանքի եւ գործունեության դրվագներ» (Ե., 2013) գրքույկից, ցայսօր մեծ գործարար եւ բարերար Միքայել Արամյանցի մասին որևէ ուսումնասիրություն չունենք։ Թեև Վ. Անթանեսյանը՝ օգտագործել է արխիվային նյութեր, դիմել կենսագիրներին, մասնավորապես՝ Գրիգոր ավագ քահանա Մանդակունու «Ոսկի բարեկամ հայ ընտանեաց» աշխատությանը, ժամանակի մամուլին, սակայն շատ ժլատ տեղեկություններ է ձեռք բերել, քանի որ այն ժամանակ չգրված սկզբունք է գործել՝ չբարձրաձայնել, չթմբկահարել բարեգործությունը, այլ հնարավորինս աննկատ մնալ։

[24] Այս գումարի իրական արժեքը հասկանալու համար նշենք, որ այդ ժամանակ լավ ցեղատեսակի կովն արժեր 3 մանաթ, այսինքն՝ նա ուներ հազար կով ունենալու հնարավորություն։

[25] Կյանքի որոշ դրվագների նկարագրությամբ վրացական «gza.ambebi.ge» կայքը վերջերս ծավալուն հոդված է հրապարակել 19-րդ դարավերջին եւ 20-րդ դարասկզբին Թբիլիսիում բնակված Միքայել Արամյանց հայազգի հայտնի բարերարի ու մեկենասի մասին։ Տե'ս«gza.ambebi.ge։

արդեն Թիֆլիսի Կոմերցիոն բանկի սեփականատերն էր, առաջարկում է միանալ իրենց:

Մանթաշյանցը, որ մինչ այդ արդեն հետաքրքրված էր նավթի բիզնեսով, համաձայնում է ու ոչ միայն 50 հազար ռուբլի ներդրում է կատարում, այլև իր բանկում վարկային արտոնյալ գիծ է տրամադրում, որի շնորհիվ մի քանի տարի անց ընկերությունը միլիոններ է վաստակում՝ նախ նավթը երկաթուղային ցիստեռններով արտասահման տեղափոխելու, ապա՝ Բաքվում կառուցված առաջին նավթամուղի շնորհիվ, որը Բաքվի նավթը Բաթումով տեղափոխում էր Եվրոպա ու Հնդկաստան: Կարճ ժամանակ անց Մանթաշյանցը կարողանում է գնել Առաքել Ծատուրյանի ու Գերասիմ Թումայանի բաժնեմասերը և նրանք Արամյանցի հետ մնում են գործընկերներ, Մանթաշյանցը 3/4, Արամյանցը՝ 1/4 բաժնեմասերով[26]: Սակայն շատ չանցած, ընտանեկան խնդիրների պատճառով Արամյանցը, 14 տարի Բաքվում ապրելուց հետո, վաճառում է իր մասնաբաժինը Մանթաշյանցին և վերադառնում Թիֆլիս::

«Փողերը վերջանում են, փառքը՝ նույնպես: Սակայն Հայաստանը մեր միակն է: Մի մոռացեք այդ մասին: Արարեք հանուն ձեր երկրի ու նրա ժողովրդի երջանկության»[27],-սիրում էր կրկնել Միքայել Արամյանցն ու ինքն էլ ապրում էր այդ նույն սկզբունքով: Հայրական տան վաճառքից ստացած 45 հազար ռուբլին հիմնադրման 70-ամյակի կապակցությամբ նա նվիրաբերեց Շուշիի ծխական դպրոցին[28]: Այդ առաջին քայլից հետո, նա հետագա ամբողջ կյանքն ապրեց բարեգործություններ կատարելով:

1897 թ. Արամյանցը փորձեց Մանթաշյանցին համոզել, որ արտաքին առևտրից էլ իրեն մասնաբաժին տա, սակայն կտրուկ դիմակայության հանդիպելով ի վերջո զիջեց և նրանց միջև կնքվեց նոր պայմանագիր: Համաձայն այդ պայմանագրի նրանք շարունակեցին նավթային բիզնեսը 4/5-րդ մասը Մանթաշյանցին, իսկ 1/5-րդը՝ Արամյանցին հարաբերակցությամբ[29]:

Վերադառնալով Թիֆլիս՝ Արամյանցը գործարարությամբ այլևս չի զբաղվում: Ապրում է իր կապիտալի տոկոսներից, հյուրանոցային և այլ բիզնեսներից ստացվող եկամուտներով: Նա եկամտաբեր տների, կալվածքների, ամառանոցների ու հանգստավայրերի, հատկապես՝ Ախթալայի և Կիսլովոդսկի բուժիչ հանքավայրերի տերն ու տնօրենն էր: Արամյանցը վայելում էր կյանքը և իր բարեգործության արդյունքները՝ ժողովրդի անսահման սերն ու հարգանքը: Մարդասիրական այս արարքով Արամյանցը ոչնչով հետ չէր մնում իր բարեկամ Մանթաշյանցից: Վերջինիս նման Արամյանցն էլ գտնում, որ ուսանողը հայ ազգի ապագան է և այդ սկզբունքով առաջնորդվելով շուրջ հիսուն տարի, այսինքն՝ իր առևտրային գործունեության ողջ տևողության ընթացքում: Նա կարիքավոր հայ պատանիներին լիառատ օգնում ու հնարավորություն էր ընձեռում բարձրագույն կրթություն ստանալու, որպեսզի իրենց ապագան ապահովեն և օգտակար լինեն սեփական ժողովրդին:

Բիզնեսում հաջողակ Մ. Արամյանցը սակայն ընտանեկան կյանքում այնքան էլ երջանիկ չեղավ: Բաքվի 1-ին գիլդիայի վաճառական, մեծ համբավ և համաժողովրդական ճանաչում ձեռք բերած Թիֆլիսի պատվավոր քաղաքացի, «Ս. Ստանիսլավի» շքանշանի ասպետ, հիվանդանոց, հյուրանոցներ, կինոթատրոն, մեծ թվով բնակելի շենքեր կառուցած, հայ մտավորականներին և կրթամշակութային հաստատություններին առատաձեռն աջակցած Մ.Արամյանցը վախճանվեց 1923-ին կամ 24-ին՝ լիակատար թշվառության մեջ, քանի որ խորհրդային իշխանությունները շատ այլ մեծահարուստների նման ամբողջովին ունեզրկել էին նրան[30]:

---

[26] Տե՛ս Ալեքսանդր Մանթաշյանց, հուշագրություններ, հրապարակումներ, փաստաթղթեր, կազմող և ծանոթագրությունների հեղինակ Խաչատուր Դադայան, Ե., 2011, էջ 50:

[27] Տե՛ս Հարությունյան Ա., Միքայել Արամյանց. մարդ, որը կառուցեց Թիֆլիսը, բայց մահացավ այնտեղ սովի մատնված, SHANTNEWS.AM:

[28] Տե՛ս Հարությունյան Ա., Միքայել Արամյանց: Սովորական մարդու անսովոր կյանքը, SHANTNEWS.AM:

[29] Տե՛ս Ալեքսանդր Մանթաշյանց, հուշագրություններ, հրապարակումներ, փաստաթղթեր, կազմող և ծանոթագրությունների հեղինակ Խաչատուր Դադայան, Ե., 2011, էջ 54:

[30] Տե՛ս Ալեքսանդր Մանթաշյանց, հուշագրություններ, հրապարակումներ, փաստաթղթեր, կազմող և ծանոթագրությունների հեղինակ Խաչատուր Դադայան, Ե., 2011, էջ 9:

УДК 72.032
DOI: 10.25995/NIITIAG.2019.11.2.005

А.Ю. Казарян

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В КРЫМУ НА ПРИМЕРЕ ПОРТАЛОВ XIII–XV ВЕКОВ*

Изучение средневековой архитектуры Крыма и, в частности, архитектуры армянских храмов на полуострове требует решения вопросов, связанных с происхождением и развитием отдельных форм этих построек. В статье впервые ставится задача систематизации порталов армянских церквей XIII–XV вв. Порталы служили знаковыми и художественно значимыми архитектурными элементами христианского храма. Для крымской армянской традиции роль порталов оказывается особенно весомой, если учесть, что храмы полуострова были лишены богатого внешнего оформления. Впервые прослеживается развитие двух основных типов порталов: 1) в виде прямоугольной рамы, 2) усложненные аркой на кронштейнах, помещенных выше перемычки. Самый роскошный портал церкви монастыря Сурб Хач, не принадлежащий этой типологии, остается вне рассмотрения. Автор осознает трудности прослеживания изменений форм порталов по причине отсутствия точных датировок большинства рассматриваемых построек и их слабого археологического изучения. Тем не менее перед нами предстает картина разнообразия решений и вариаций развития изначальных архитектурных идей. Выдвинуты предположения о реконструкции некоторых порталов в Средние века. Высказаны соображения по поводу датировок отдельных памятников. В результате аналитического обзора порталов становится очевидным, что на протяжении трех веков истории развивались не только формы, но приоритеты заказчиков и зодчих, их отношение к собственным традиционным ценностям и степень открытости к усвоению достижений соседей, в частности правивших в прибрежных городах генуэзцев.

Ключевые слова: *порталы, армянские церкви, архитектура средневекового Крыма, стилистическое развитие, типология.*

A. Yu. Kazaryan

STYLISTIC DEVELOPMENT OF THE ARMENIAN ARCHITECTURE IN CRIMEA: EVIDENCE FROM THE PORTALS FROM THE 13TH TO THE 15TH CENTURIES

The study of medieval architecture of the Crimea and, in particular, of the architecture of the Armenian churches on the peninsula, requires the solution of issues related to the origin and the development of the separate shapes of these buildings. The article for the first time sets the task of systematizing the portals of the Crimean Armenian churches from the 13th to the 15th centuries. The portals served as conceptual and artistically significant architectural elements of the Christian temple. For the Crimean Armenian tradition, the role of portals was particularly significant, because the churches of the peninsula were deprived of a rich exterior design. The development of two main types of portals is traced for the first time: 1) in the form of a rectangular frame, 2) with an arch on the consoles, placed above the lintel. The most luxurious portal of the church of Surb Khach Monastery doesn't belong to this typology; it remains outside of the scope of this study. The author is aware of the difficulties of tracking the changes in the shapes of portals due to the lack of strong dating of most of the buildings under consideration, the lack of their archaeological evaluation. Nevertheless, the picture of the diversity of solutions and variations of the development of the original architectural ideas has been presented. The ideas on the medieval reconstruction of some portals, as well as the thoughts about the dating of rare monuments are suggested. According to the analytical

* Исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 17-04-00643/18 «Армянское архитектурное и художественное наследие Юга России: храмы и монастыри, их литургические предметы и рукописи XVII–XIX вв. (по материалам коллекций Москвы, Ростова-на-Дону, Астрахани и Крыма)» (2017–2019 гг., рук. А.Ю. Казарян). Автор выражает искреннюю благодарность В.П. Кирилко за дополнения и весомые замечания, внесенные в ходе рецензирования статьи.

review of the portals, not only the forms, but the priorities of customers and architects, their attitudes to their own traditional values and their degree of openness to adopting the achievements of their neighbors (in particular, the Genoese), were developed during these three centuries of history.

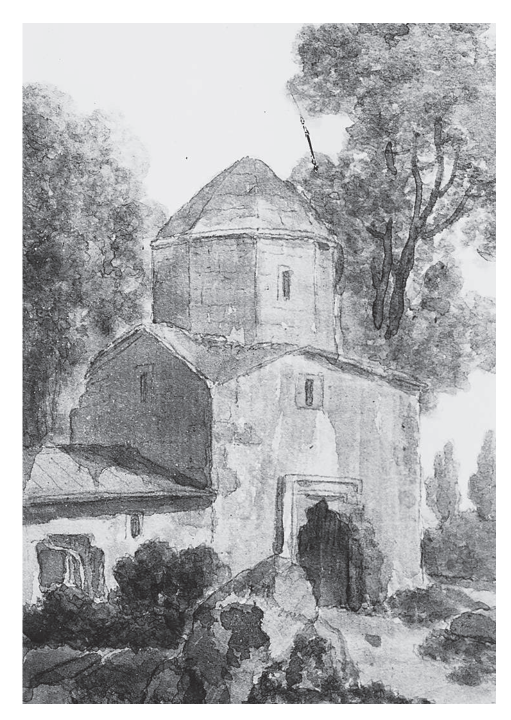
Keywords: *portals, Armenian churches, architecture of the medieval Crimea, stylistic development, typology.*

Армянские храмы Крыма, особенно Восточного, составляют количественно значительную и качественно весомую часть средневековой архитектуры полуострова. По некоторым подсчетам, армянами там было создано более 100 храмов и монастырей, 45 из которых существовало только в Каффе, нынешней Феодосии (*Григорян* 1970: 297). С.Г. Бочарову удалось локализовать в Каффе «двадцать восемь церквей и четыре армянских монастыря, и для тридцати одного объекта установлены названия» (*Бочаров* 2000: 16). Изучением этого наследия занимаются уже давно. Исследования, начатые А.Л. Якобсоном и О.Х. Халпахчьяном (*Якобсон* 1956; *Якобсон, Таманян* 1990; *Халпахчьян* 1992; *Халпахчьян* 1999), были продолжены Е.А. Айбабиной, С.Г. Бочаровым, Т.Э. Саргсян, В.П. Кирилко и др. (*Айбабина, Бочаров* 1997; *Айбабина* 2004; *Кирилко* 2008; *Саргсян* 2002; *Саргсян, Петросян* 2008). Анализ истории изучения средневековой архитектуры в Крыму, и особенно армянской, показал необходимость продолжения накопления фактологического материала, уделяя гораздо большее внимание собственно архитектурной проблематике, а именно вопросам развития стиля, архитектурных образов построек, а также отражения в архитектуре взаимодействий между культурными традициями различных национальных общин (*Kazaryan* 2017; *Казарян* 2018b). Уточнение времени основания некоторых памятников, стратиграфии строительных слоев позволяет переходить при решении подобных вопросов от общих формулировок к изучению развития армянской архитектуры в Крыму с учетом черт типологии и характера стиля. Не претендуя на масштабный охват всего материала, попробуем проследить такое развитие на примерах создания и перестроек одной из важнейших форм храма — на примерах порталов. Их наиболее ранние образцы восходят к XIII в. — времени предположительного отнесения основ пары важнейших церквей. Поздней границей рассмотрения послужит середина XV в., когда строительная деятельность крымских армян приостанавливается, вероятно, в связи с внутриполитическими изменениями, последовавшими за распадом Золотой Орды в 1441 г. и падением Генуэзской республики в 1475 г.

Порталы во все эпохи развития армянского зодчества служили знаковыми и художественно значимыми архитектурными элементами (*Азатян* 1987; *Donabédian* 1986–1987). Строгая архитектура армянских храмов, их гладкие стены способствовали выделению активно разработанных форм, которыми, наряду с окнами, нишами, карнизами, являлись именно порталы. Для крымской армянской традиции роль порталов оказывается еще более весомой, если учесть, что храмы полуострова были лишены богатого оформления оконных проемов и карнизов, а фасадные ниши и вовсе неизвестны ни на одном памятнике этого региона. Не украшались эти постройки и аркатурой, столь традиционной для зодчества коренной Армении. В этом смысле крымские армянские храмы в значительной мере провинциальны, о чем свидетельствует и строительная техника, сочетающая чисто отесанные важные архитектурные конструкции и детали с заполнением стен кладкой из груботесаного камня. Тем

более примечательно, что мастера этих храмов обращали повышенное внимание на оформление входов в храм. Порталы становятся безусловно единственным сильным акцентом на фасадах, выразительным элементом, предваряющим проход в сакральное пространство храма.

Самая общая формальная классификация позволяет выявить две основные группы крымских армянских порталов. К первой можно отнести порталы в виде профилированной и/или орнаментированной рамы, огибающей три стороны прямоугольного проема: боковые и верхнюю. Ко второй — порталы, содержащие подобную раму, выше которой на кронштейнах располагалась профилированная арка. Наряду с ними можно было бы отметить и пару других, представленных редкими примерами. Так, близкую ко второму типу структуру, усложненную колонками по сторонам от проема, имеет лишь одна постройка: церковь монастыря Сурб Хач (Креста), отдельное исследование портала которой уже начато и не входит в настоящую статью.



Ил. 1. М. М. Иванов, «Часть Старого Крыму», фрагмент, акварель 1783 г. (По фотографии ИИМК, О 419-82)

Порталы первого типа известны по меньшей мере в двух церквях. Первая из них находилась в Солхате (Старый Крым). Ее внешний вид запечатлен на акварели 1783 г. художника М. М. Иванова, как и на позднее им же созданной большой акварели, обе из которых хранятся в Русском музее [Шк А 69/III: Р-30071; Шк А 69/V: Р-5870] (ил. 1). Эта постройка идентифицируется В. П. Кирилко с церковью, отмеченной на плане И. Лютова (ок. 1783 г.) обозначением С3, и, соответственно, с храмом Св. Богородицы при въезде в город со стороны Судака, описываемым архимандритом Минаем Медици (Минасом Бжишкяном) в 1820-е гг. и П. С. Паласом в 1793–1794 гг. (*Кирилко* 2008: 35–38, рис. 1–3). Портал этой церкви, судя по изображению, содержал широкую профилированную раму, возможно отделанную орнаментальной лентой. Верхняя линия самого проема прорисована не четко и позволяет допускать существование здесь арочки, но, скорее всего, проем завершался перемычкой. Портал занимает половину высоты основного объема этого небольшого храма. Компактные и четкие формы здания позволили В. П. Кирилко с большой долей осторожности отнести его ко времени, близкому датировке ближайшего по этим качествам храма Сурб Карапет (Иоанна Предтечи) в Каффе — 1348 г. (*Там же*: 38).

Последний, расположенный у Армянской крепости (Айоц-берд) к востоку от цитадели Каффы, является второй постройкой, в которой существовал, по крайней мере, один портал того же типа. От входа в северной стене



Ил. 2. Сурб Карапет в Каффе, западный портал. Фотография А. Ю. Казаряна



Ил. 3. Сурб Карапет в Каффе, фрагмент рамы западного портала. Фотография А. Ю. Казаряна

сохранилась только покрытая рельефами перемычка, а главный портал, по оси западного фасада, дошел до наших дней с перестройками (ил. 2). Проблема состоит только в том, что последнее исследование церкви выявило два строительных периода создания нынешнего храма. Предполагается, что в результате большой реконструкции над первоначальным основным объемом и сферическими парусами подкупольного перехода была возведена новая купольная глава, а в алтарную часть интерьера введены рельефы. Если особенности рельефов в целом соответствуют общепринятой датировке храма[1], то это означает существование самой церкви задолго до ее реконструкции, т. е. до 1348 г. С этой перестройкой связано и изменение формы портала, над орнаментированной рамой которого был сооружен арочный киот, прикрывший часть западного окна церкви. Формальная и стилистическая идентичность импостов киота кронштейнам карниза под куполом подтверждает относительную единовременность их создания (*Казарян, Лошкарёва* 2017).

Датировка церкви во многом зависит от наших представлений о датиров-

[1] Первые исследователи храма сообщают о его строительстве в 1348 г., не ссылаясь при этом ни на какой источник (*Якобсон* 1956: 181; *Халпахчьян* 1999: 184), но именно эта дата устойчиво присутствует в литературе.



Ил. 4. Судак, «Церковь с колоннадой», первоначальная мечеть, михраб. Фотография А. Ю. Казаряна

ке западного портала, на раме которого представлены две полосы разных, но гармонирующих друг с другом орнаментов. Один из них — «сельджукская» цепь — начал применяться в Армении в первой половине XI в., еще до появления сельджуков на Армянском нагорье и в Анатолии. Первые примеры использования этого мотива на порталах относятся к концу XII в.: его встречаем на усыпальнице Закаридов в Санаине (1189), притворе церкви Богородицы монастыря Нор Гетик (1197) и на многих более поздних памятниках. Поэтому в Крыму на армянских постройках такой орнамент теоретически мог распространиться уже с начала XIII в., тем более что он оказался популярным и в среде других народов, живших на полуострове. Плетение толстыми жгутами на портальной раме церкви Иоанна Предтечи отличается от большинства образцов на территории Армении наличием «подложки», граница которой проходит в сантиметре от контура жгута. Аналогично и на большинстве других примеров крымских вариаций этого орнамента. Однако, в отличие от них, здесь плетение не выражено рельефными формами или рублеными пересечениями жгутов. Соединения гладкие, лишь намекающие на возможное плетение (ил. 3).

Контрастирует этой материально значимой цепи соседствующая с ней гирлянда изящного растительного орнамента с бутонами, которая также была распространена на протяжении всей средневековой эпохи на крымских постройках[2] и присутствует, в частности, в более утонченных вариациях на портале так называемой мечети Узбека 1314 г. и на обрамлении алтаря (первоначально михраба) так называемой церкви с колоннадой в Судакской крепости, строившейся в качестве мечети (до 1365 г.) (ил. 4). Последний пример показывает прямой путь проникновения восточной орнаментации в культурную среду местных католиков. Показательным примером укоренения мотива «сельджукской» цепи в искусстве генуэзцев служит находящийся в Феодосийском музее древностей камень с вариацией такого орнамента, гербом консула Марини и латинской надписью 1406 г. о строительстве

[2] Об этом мотиве издана новая публикация, предполагающая распространение подобного орнамента из Крыма в Московское княжество (*Баталов* 2018).



Ил. 5. Каффа, церковь Святых Петра и Павла, блок со строительной надписью 1406 г. Феодосийский музей древностей. Фотография А. Ю. Казаряна

в Каффе церкви Святых Петра и Павла (*Айбабина* 2001: табл. VIII–1) (ил. 5).

Если допускать, что проникновение «сельджукской» цепи в Крым произошло с помощью армянских мастеров, то следует учитывать время наиболее активного применения растительных гирлянд в коренной Армении с конца XII в. до 1230-х гг. (монгольского вторжения). В рамках настоящего исследование достаточно констатации вероятного создания портала в XIII или начале XIV в., что позволяет заключить и о распространении порталов в виде простой рамы на начальном этапе развитого Средневековья. Нам не известно какого-либо иного типа портала, хронологически опережающего применение орнаментированной рамы. Примечательно, что в Армении той эпохи этот тип был крайне редким (притвор 1181 г. в Санаине (*Азатян* 1987: таб. 15), усыпальницы рода Уканянц в Ахпате, начало XIII в.). Правда, в порталах, восходящих к эллинистическим образцам, с высоким сандриком и карнизом, орнаментированная или профилированная рама получила распространение в анийской школе зодчества в первой половине XI в. (*Азатян* 1987: табл. 11–12; *Казарян* 2018c), а в следующую эпоху, со второй половины XII в. самыми распространенными становятся порталы с арочным верхом, вписанным в прямоугольную раму.

В Крыму тип портала в виде простой рамы, воплощенный в двух отмеченных постройках, получил распространение и вне армянской общинной традиции. Так, в 1425–1427 гг. подобная схема реализуется при реконструкции большой Мангупской базилики (*Кирилко* 2005). С особенностями орнаментов ее портала перекликается декор на фрагмен-

тах дверного наличника из армянского монастыря в Двуякорной долине, относимого к XV в. (*Айбабина* 2001: 118–119, рис. 39, табл. XXXIX, XL). Сохранились нижние фрагменты наличника. Была ли воплощена и тут идея подобного портала?

В результате надстройки арочного киота[3] портал церкви Иоанна Предтечи обрел форму, характерную для второго типа крымских порталов. В своем более компактном виде — с узкой профилированной рамой, расширяющейся на перемычке, и стрельчатой аркой, выступающей от стены и опирающейся на кронштейны, этот тип получил широкое распространение. Такие порталы встречаем на трех зальных церквях на территории Армянской крепости Каффы и по соседству с церковью Иоанна Предтечи, т. е. в местности, именуемой Карантином. Это церкви Св. Георгия, Сурб Саргис (Сергия) и Иоанна Богослова, имеющая два таких портала изысканных пропорций (ил. 6–7). Аналогично мог быть оформлен вход в гавит церкви армянского монастыря в окрестностях современного поселка Орджоникидзе: сохранились нижние блоки рамы, лишенной какой-либо орнаментации (ил. 8)[4]. Возможно, два других примера присутствуют на зальных храмах Судака: церкви Двенадцати апостолов у крепости и церкви Параскевы в поселке Уютное, но на обеих фасады выглядят сильно переделанными реставраторами, а на ранней фотографии последней церкви вход оформлен гораздо проще (*Халпахчьян* 1992: рис. 4).

Того же типа портал встречаем «восстановленным» на западном фасаде церкви Апостолов Гавриила и Михаила в Каффе (ил. 9). Памятник точно датирован двумя строительными надписями. Более ранняя и широко известная, содержащая дату 1408 г., хранится во дворе Феодосийского музея древностей. Ее прочтение и перевод, впервые данные Х. Кучук-Иоаннесовым, уже в нашем столетии уточнены Т. Э. Саргсян: «Сей храм божественный построен во имя воинов небесных Габриэла и Микаэла, служителей слова божьего, на честные увещания (праведные средства. — *А. К.*) (*Кучук-Иоаннесов* 1903: 37) Аствацатура, его супруги Ахут-хатун, родителей Сатата и Хатун, детей Хачатура, Симеона, Иоаннеса, Мери Мелик. В году 857 (1408)» (*Саргсян* 2002: 119).

Вторая, обнаруженная позже надпись создана вскоре, в 1425 г. В прочтении и переводе Г. Григоряна она гласит: «Божественные святые знамения и святой храм построен (понимай — возобновлен. — *Г. Г.*) во имя Михаила и Гавриила и всех небесных воинов в память господина Авака, родителей господина Саргиса и Гарана. [Так же] нового господина Мехридера и Улухатун, старшей госпожи, Якова, Тумана и священника Саргиса и сестры Мелик. В лета 874 (1425) 15-го августа» (*Григорян* 1970: 299).

Традиционно основной объем этого храма ученые относят к 1408 г., отмечая в нем более ранние строительные слои, как и поздние перестройки. Замечание Г. Григоряна о том, что во второй надписи речь шла о возобновлении храма, справедливо. Очень часто восстанавливающий постройку ктитор провозглашает о ее строительстве. В данном случае привлекает не только содержание надписей, но и форма камня с первой из них (ил. 10). Его округлый контур

---

[3] О надстройке киота над ранее существовавшим порталом свидетельствует, по крайней мере, тот факт, что арка киота пересекает окно церкви (*Казарян, Лошкарёва* 2017).

[4] Какой-либо литературы по этому относительно недавно раскопанному памятнику обнаружить не удалось.



Ил. 6. Каффа, Карантин, церковь Иоанна Богослова: a) фрагмент западного портала. Фотография А. Ю. Казаряна; b) общий вид западного портала в начале XX в. Фотография архива ИИМК, Q 761-29; c) фрагмент северного портала. Фотография А. Ю. Казаряна





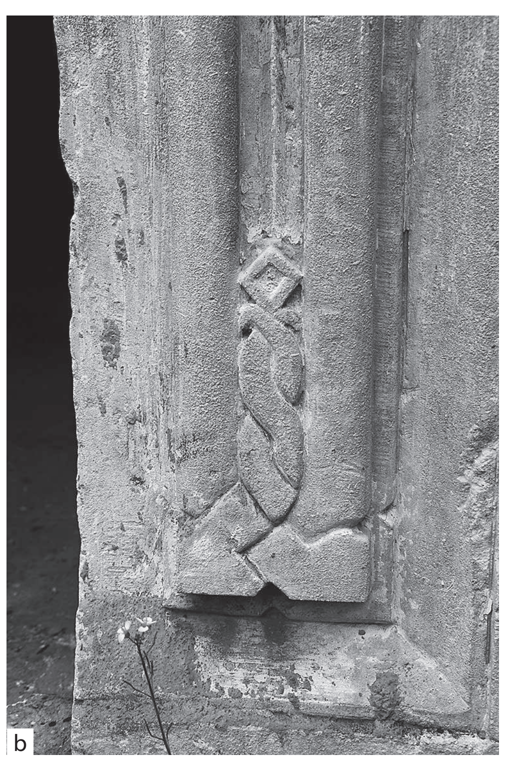
Ил. 7. Каффа, Армянская крепость, церковь Св. Стефана. Портал: a) фрагмент; b) общий вид. Фотографии А. Ю. Казаряна

предназначался для вписывания в поле арки подковообразного очертания, скорее всего, арки портала, в тимпане которого часто размещали надписи. По сообщению Е. И. Лопушинской, камень «был вмонтирован над ее (т. е. церкви. — *А. К.*) порталом или над калиткой в ограде» (*Лапушинская* 1982: 64). Случаев помещения подобной надписи над калиткой не известно; строительные надписи помещались на самом здании, в данном случае — в портале церкви. Однако ныне существующий портал увенчан стрельчатой аркой, под которую этот тимпан никак бы не вписался. Следовательно, можно было бы говорить о воздвижении западного фасада церкви Архангелов, а вместе с ним и всего основного объема



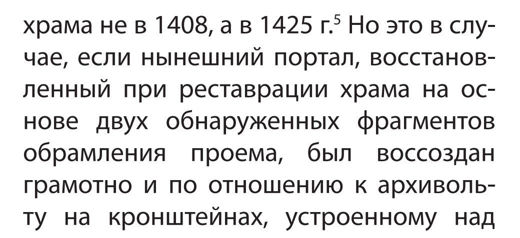
Ил. 8. Портал из раскопок армянского монастыря близ Орджоникидзе. Фотография А. Ю. Казаряна





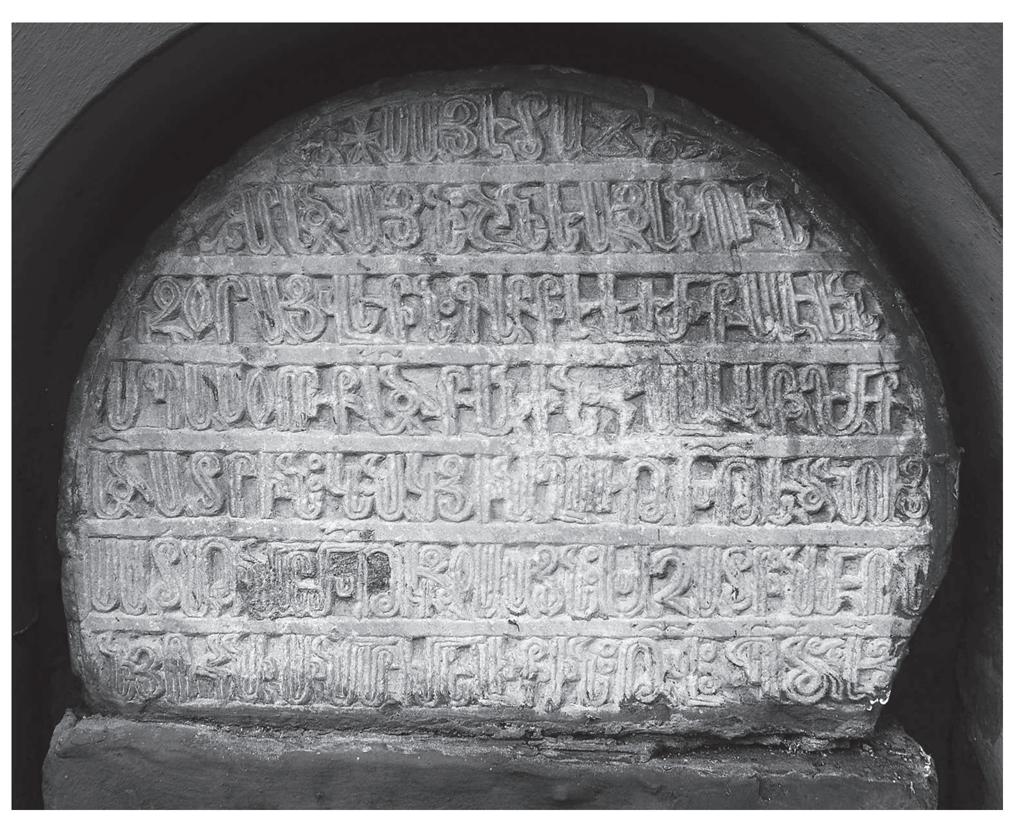


Ил. 9. Каффа, церковь Архангелов, портал: a) общий вид; b–c) фрагменты. Фотографии А. Ю. Казаряна



храма не в 1408, а в 1425 г.[5] Но это в случае, если нынешний портал, восстановленный при реставрации храма на основе двух обнаруженных фрагментов обрамления проема, был воссоздан грамотно и по отношению к архивольту на кронштейнах, устроенному над обрамлением. Из сообщений Е. И. Лопушинской и исходя из древних фрагментов стены храма, соседствующих с воссозданными участками, можно резюмировать, что нынешний портал повторил в реконструкции формы первоначального, но, возможно, на новом месте, поскольку, по оценке Лопушинской, еще в конце XVII или начале XVIII в. вход несколько сдвинулся к югу (*Лапушинская* 1982: 68), и именно на этот проем в итоге, уже в 1970-х гг. перенесены формы предыдущего. Лопушинская высказывает мнение о том, что трещина, спускающаяся от конька западного фасада вниз, «появилась еще во второй половине XVIII в. и стала причиной деформации дверной перемычки с сельджукской

[5] Это предположение должно быть подтверждено обмерами камня с надписью и портала.



Ил. 10. Каффа, церковь Архангелов. Строительная надпись на тимпане. Феодосийский музей древностей

цепью. Расколотую перемычку пришлось удалить и завершить портал лучковой аркой. Как видно, были вынуты и боковые блоки с резной цепью, а на их месте поставлены мраморные хачкары, в результате чего портал получил дошедший до наших дней малохудожественный вид» (*Там же*). Следовательно, ученый правомерно восстанавливает портальную раму с так называемой сельджукской цепью, но стрельчатый архивольт добавляет по аналогии с другими армянскими церквями Феодосии, он не мог там быть изначально. Видимо, тут не мог существовать и простой портал в виде орнаментированной рамы, как это было на первоначальной (до реконструкции в середине XIV в.) церкви Иоанна Предтечи в Карантине и на упомянутой церкви в Старом Крыму, известной по акварели Иванова. Надпись 1408 г. на камне подковообразного контура, скорее всего, располагалась над рамой портала и должна была огибаться архивольтом на кронштейнах или без них. И это вопреки тому, что для той эпохи следовало бы ожидать стрельчатую форму архивольта.

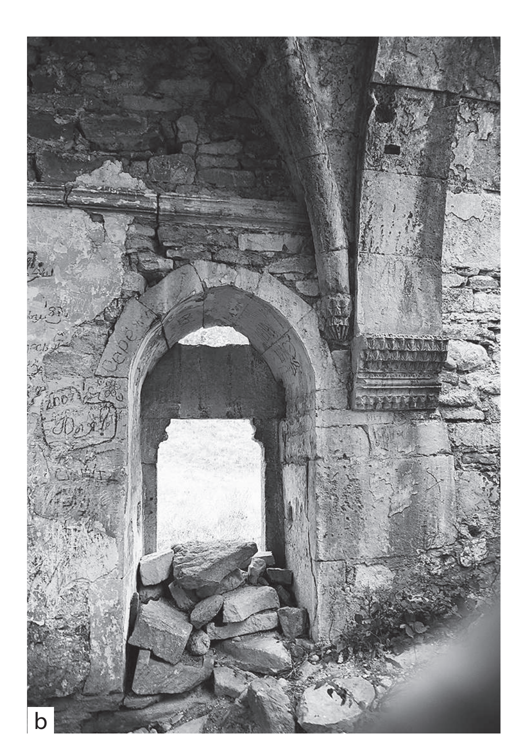
Порталы с архивольтами, устроенными выше перемычки, встречаются в архитектуре VII в. коренной Армении, причем крайне редко. С кронштейнами — в соборе Мрена 639 г. (*Казарян* 2012: 167, ил. 550), а без

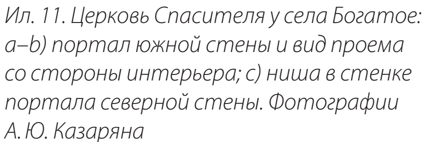
кронштейнов — на церквях Рипсиме в Вагаршапате 613 г., в Багаране 624–631 гг., в селе Нор Кянк (*Там же*: 110, ил. 451). В сочетании с профилированной рамой или с колонками, доходящими до уровня перемычки, подобная конструкция, безусловно тоже восходящая к античным образцам, является характерной для порталов романских храмов Италии. Причем в большинстве своем такие порталы имели широкую полуциркульную арку. Надо полагать, подобные порталы могли появиться и на храмах генуэзцев в Каффе, а затем идея была адаптирована армянскими мастерами, которые, по сути, непроизвольно и в новом свете возродили собственные забытые формы. Распространение готического стиля стало причиной замены циркульной арки на стрельчатую. Такой тип портала к середине XIV в. явился чуть ли не типовым для небольших армянских храмов Восточного Крыма.

Но были и вариации, точнее, отклонения от этого основного типа. В порталах монастырской церкви Спасителя у нынешнего села Богатое (ранее Бахчи-Эли) (*Халпахчьян* 1992: 39, рис. 12; *Айбабина* 2001: 159, 162, рис. 72), в датировке которой ученые расходятся во мнениях с XIV по XVII в.[6], рама как таковая отсутствует, а ставшая традиционной арка на кронштейнах сохранена. Еще одна пара кронштейнов расположена в верхней части проема (ил. 11). Будучи обращенными друг к другу, эти кронштейны поддерживают перемычку. С внутренней стороны стены за перемычкой расположена арка — решение традиционное для армянских построек, но его особенность тут состоит в том, что верхняя зона этой арки, выступая над перемычкой, оказывается видимой снаружи: она находится в плоскости тимпана. Таким образом, внешняя портальная арка, будучи лишь слегка выдвинутой кронштейнами, образует под своей сенью нишу, главным образом за счет отодвинутости тимпана. Примечательно, что кронштейны покрыты подобием сталактитового орнамента, а арка украшена «сельджукской» цепью, что в совокупности могло быть заимствовано с аналогичной арки портала церкви монастыря Сурб Хач (портал 1358 г.), важнейшего храма крымских армян. Очевидная стилистическая разница между орнаментацией этих двух памятников, а также упрощенный и вместе с тем измельченный характер резного декора на церкви Спасителя склоняют в пользу отнесения ее к значительно более позднему времени. С учетом отсутствия в декоре цветочных мотивов и кипарисов стилизации, характерной для искусства времени развитой Османской империи, церковь могла быть построена в конце XV — XVI в. Необычны для эпохи развитого Средневековья и пониженные пропорции стен этого храма. Но порталы храма отличаются еще и тем, что они вписаны в глубокие сводчатые сени с пилонами по сторонам проема. Такой прием применялся армянскими мастерами второй половины VII в., но на крымской земле он оказывается родственным мусульманской архитектурной традиции и известен по постройкам Солхата — мечети Узбека, т. н. мечети Бейбарса, медресе Инджи-бек Хатун и Куршум-Джами, причем в последних

[6] По материалам археологических исследований памятника церковь датирована XVII в. (*Сидоренко* 1988: 122); Е.А. Айбабина относит появление храма к XVI–XVII вв. и связывает его с очередной миграцией армян (*Айбабина* 2004: 6–7); В.П. Кирилко соглашается с такой оценкой и добавляет, что, учитывая использование при возведении его стен позднесредневековых кувшинов в качестве голосников, он должен быть отнесен по меньшей мере к концу XV в. (после 1475 г.) или, вероятнее всего, к XVI–XVII вв. (*Кирилко* 2016: 58).







Ил. 11. Церковь Спасителя у села Богатое: a–b) портал южной стены и вид проема со стороны интерьера; c) ниша в стенке портала северной стены. Фотографии А.Ю. Казаряна





двух, как и в армянской церкви, в теле пилонов имеются ниши.

Церковь Сурб Саргис (Сергия) в селе Топты (ныне Тополевка) и вторая церковь, на окраине того же села, посвященная Сурб Урбат (Пятнице) (*Саргсян* 2015), которые можно отнести к XIV–XV вв., отличаются наличием перекрывающих проем арок, выше которых размещены профилированные кронштейны и стрельчатые арки (ил. 12–13).

Очевидно, что в относительно раннее время, надо полагать еще в первой половине и середине XIV в., портал с аркой на кронштейнах предстает в полноценном варианте, с профилированной рамой и подчеркнуто широкой



Ил. 12 Топты (Тополевка), церковь Сурб Урбат, портал Сурб Саргис (Сергия) в селе Топты Фотография А. Ю. Казаряна



Ил. 13. Топты (Тополевка), церковь Сурб Саргис, портал. Фотография А. Ю. Казаряна



Ил. 14. Армянская церковь в Старом Крыму, портал. Фотография А. Ю. Казаряна

перемычкой, которая, в частности, на церкви Иоанна Богослова украшена рядом рельефных проросших крестов. Затем тип упрощается, сохраняя лишь верхнюю часть композиции. И наконец, перемычка заменяется низкой аркой.

В том же направлении упрощения, вероятно, трансформировался рамный тип портала. В лишенном орнаментального декора виде, но с лучковой арочной прорезью предстает вариация портала в руинированном армянском храме в Старом Крыму, который можно отнести ко второй половине XIV — XV в. (ил. 14). Над перемычкой присутствует одиночный кронштейн. Можно ли его трактовать частью структуры с аркой, которая была затем утрачена при неизвестной нам перестройке? В связи с этим вопросом остается строить догадки.

Вне устойчиво развивавшихся типов был создан лишь один портал — главного храма крымских армян, церкви Сурб Ншан (Знамения) монастыря Сурб Хач (Креста), датируемого надписью на барабане 1358 г. (ил. 15). Это большой роскошный портал с изящными колонками по сторонам от проема, украшенными резными капителями (*Якобсон* 1956; *Якобсон, Таманян* 1990: 16–17; *Саргсян, Петросян* 2008: рис. 11). По степени оригинальности и композиционной сложности это произведение не имеет себе равных среди сохранившихся на полуострове средневековых армянских порталов. Однако его анализ достоин отдельной статьи и сопряжен с подробным рассмотрением не простого вопроса датировки и средневековой перестройки самой церкви (*Сидоренко* 1988: 122, рис. 3; *Бабаян, Корхмазян* 2000: 17–18; *Кирилко* 2014: 411; *Казарян* 2018а: 6).

Главным итогом исследования стала демонстрация динамично развивавшейся архитектуры вопреки традиции показа армянской архитектуры Крыма как явления устойчиво неизменного, имеющего свои стабильные характерные черты. При разведении памятников друг от друга по хронологии становятся понятными изменения типологии и стилистических пристрастий мастеров. На примере этого краткого и неполного аналитического обзора порталов становится очевидным, что на протяжении трех веков истории изменениям подвергался и баланс приоритетов заказчиков армянских храмов по отношению к собственным традиционным ценностям и к достижениям соседей, в частности правивших в прибрежных городах генуэзцев.



Ил. 15. Церковь Сурб Ншан (Знамения) монастыря Сурб Хач, портал. Фотография А. Ю. Казаряна

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Азатян 1987 — *Азатян Ш. Р.* Порталы в монументальной архитектуре Армении IV–XIV вв. Ереван: Советакан грох, 1987.

Айбабина 2001 — *Айбабина Е. А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: Сонат, 2001.

Айбабина 2004 — *Айбабина Е. А.* Рельефы и архитектурные орнаменты средневековых армянских храмов Крыма // Научное наследие Крыма. № 5. 2004. С. 6–16.

Айбабина, Бочаров 1997 — Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // Византийский временник. Т. 57 (82). 1997. С. 211–233.

Бабаян, Корхмазян 2000 — *Бабаян Ф., Корхмазян Э.* Армянские монастыри Сурб Хач и Св. Степаноса близ города Старый Крым. Ереван: Гитутюн, 2000.

Баталов 2018 — *Баталов А. Л.* «Арабский цветок»: к вопросу о генезисе декоративных мотивов в московской архитектуре XIV–XV вв. // Российская археология. № 2. 2018. С. 154–164.

Бочаров 2000 — *Бочаров С. Г.* Историческая топография Каффы (конец XIII — 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

Григорян 1970 — *Григорян Г.* Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа // Историко-филологический журнал. № 3. 1970. С. 297–301.

Казарян 2012 — *Казарян А. Ю.* Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции. В 4 т. Т. 2. М.: Locus Standi, 2012.

Казарян 2018a — *Казарян А. Ю.* Купола армянских церквей средневекового Крыма. К определению специфики регионального зодчества // Архитектура и искусство: от теории к практике. Т. 1 / Отв. ред. А. М. Иванова-Ильичева, О. А. Кудинов. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2018. С. 4–11.

Казарян 2018b — *Казарян А. Ю.* Состояние и задачи изучения архитектуры средневекового Крыма и армянского зодчества как ее важной составляющей // Искусствознание: наука, опыт, просвещение: Сборник статей по материалам международной научной конференции. 9–11 ноября 2017 г. / Ред.-сост. Г. У. Лукина. М.: Государственный институт искусствознания, 2018. С. 289–300.

Казарян 2018c — *Казарян А. Ю.* Цитирование античности. Порталы эллинистического типа в армянской архитектуре XI века // Даниловские чтения. Античность — Средневековье — Ренессанс: Сборник статей и материалов / Сост. О. Э. Этингоф. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 151–169.

Казарян, Лошкарёва 2017 — *Казарян А. Ю., Лошкарёва Е. А.* Загадки церкви Иоанна Крестителя в Феодосии и задачи ее нового архитектурно-археологического исследования // Материалы научной конференции «Археология средневекового храма», 25–29 сентября 2017 г. Севастополь: музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2017. С. 31–34.

Кирилко 2005 — *Кирилко В. П.* Южный вход большой Мангупской базилики // Античная древность и средние века. Вып. 36. Екатеринбург: [б. и.], 2005. С. 260–272.

Кирилко 2008 — *Кирилко В. П.* Памятники армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. Симферополь, 2008. С. 35–41.

Кирилко 2014 — *Кирилко В. П.* Строительная летопись Таврики второй половины XIII — третьей четверти XV веков // История и археология Крыма. Вып. I / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 406–434.

Кирилко 2016 — *Кирилко В. П.* Каменные кровли в архитектуре средневекового Крыма // STRATUM plus. Вып. 6. 2016. С. 53–62.

Кучук-Иоаннесов 1903 — *Кучук-Иоаннесов Х.* Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах юго-западной Руси и в Крыму // Древности восточные: Труды Восточной комиссии Московского археологического общества. Т. II. Вып. 3. М., 1903. С. 33–75.

Лапушинская 1982 — *Лапушинская Е. И.* Архитектура армянской церкви св. Архангелов Михаила и Гавриила в Феодосии и ее реставрация // Вестник общественных

наук = Herald of the Social Sciences. №9. 1982. С. 64–72.

Саргсян 2002 — *Саргсян Т.Э.* Еще раз об армянских церквах в Феодосии XIII–XV вв. Церковь Архангелов Габриэла и Микаэла // Историко-филологический журнал. №2. 2002. С. 112–130.

Саргсян 2015 — *Саргсян Т.* Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники // Вестник Арменоведения. №2. 2015. С. 84–117.

Саргсян, Петросян 2008 — *Саргсян Т. Э., Петросян М.В.* Крым: монастырь Сурб Хач. Симферополь, 2008.

Сидоренко 1988 — *Сидоренко В.А.* Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, Наукова думка, 1988. С. 115–128.

Халпахчьян 1992 — *Халпахчьян О.Х.* Культовые постройки крымских армян // Архитектурное наследство. Вып. 39. М., 1992. С. 32–45.

Халпахчьян 1999 — *Халпахчьян О.Х.* Два армянских храма Феодосии // Архитектурное наследство. Вып. 43. М., 1999. С. 184–195.

Якобсон 1956 — *Якобсон А.Л.* Армянская средневековая архитектура в Крыму // Византийский временник. Т. 8 (33). М., 1956. С. 166–191.

Якобсон, Таманян 1990 — *Якобсон А. Л., Таманян Ю.А.* Армянская архитектура в Крыму. Ереван: Айастан, 1990.

Donabédian 1986–1987 — *Donabédian P.* Le portail dans l'architecture arménienne du Haut Moyen Age // Revue des études arméniennes. T. XX. 1986–1987. P. 337–380.

Kazaryan 2017 — *Kazaryan A.* Contemporary State of Research, Goals and Preliminary Conclusions regarding the Architecture of Medieval Crimea // Proceedings of the International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Paris: Atlantis Press, 2017. P. 153–156.

REFERENCES

Azatian Sh. R. *Portaly v monumental'noi arkhitekture Armenii IV–XIV vv. (Portals in the monumental architecture of Armenia of the 4th–14th centuries)*. Yerevan: Sovetakan Grogh Publ., 1987 (in Russian).

Aybabina E.A. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy XIV–XVIII vv. (Decorative stone carving of Kaffa of the 14th–18th centuries)*. Simferopol: Sonat Publ., 2001 (in Russian).

Aybabina E. A. Rel'efy i arkhitekturnye ornamenty srednevekovykh armianskikh khramov Kryma (Reliefs and architectural ornaments of the medieval Armenian churches of Crimea). *Nauchnoe nasledie Kryma (Scientific Heritage of Crimea)*, no. 5, 2004, pp. 6–16 (in Russian).

Aybabina E. A., Bocharov S.G. Novye materialy po istorii srednevekovoi armianskoi kolonii Kaffy (New materials on the history of the medieval Armenian colony of Kaffa). *BYZANTINA XPONIKA*, vol. 57 (82), 1997, pp. 211–233 (in Russian).

Babaian F., Korkhmazian E. *Armianskie monastyri Surb Khach i Sv. Stepanosa bliz goroda Staryi Krym (Armenian monasteries of Surb Khach and St Stephanos near town Stanyi Krym)*. Yerevan: Gitutiun Publ., 2000 (in Russian).

Batalov A. L. "Arabskii tsvetok": k voprosu o genezise dekorativnyx motivov v moskovskoi arkhitekture XIV–XV vv. ("Arab blossom": On the genesis of ornamental motifs in Moscow architecture of the 14th–15th centuries). *Russian Archaeology*, no. 2, 2018, pp. 154–164.

Bocharov S.G. *Istoricheskaia topografiia Kaffy (konets XIII — 1774 g.) (Historical topography of Kaffa (end of the 13th — 1774))*, extended abstract of dissertation. Moscow, 2000.

Grigoryan G. Novye dannye ob armianskikh epigraficheskikh nadpisiakh Kryma i Severnogo Kavkaza (New data on Armenian epigraphy of Crimea ans Northern Caucasus). *Historical-Philological Journal*, no. 3, 1970, pp. 297–301.

Kazaryan A. Yu. *Tserkovnaia arkhitektura stran Zakavkaz'ia VII veka: formirovanie i razvitie traditsii (Church architecture of the 7 th century in transcaucasian countries: Formation and development of the tradition)*, in 4 vols., vol. 2. Moscow: Locus Standi Publ., 2012 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. Kupola armianskikh tserkvei srednevekovogo Kryma. K opredeleniiu

spetsifiki regional'nogo zodchestva (The Domes of Armenian Churches of Medieval Crimea. Revisited Specific Features of the Regional Architecture). Arkhitektura i iskusstvo: ot teorii k praktike (Architecture and Art: From Theory to the Practica), vol. 1, eds. A. Ivanova-Ilyicheva, O.A. Kudinov. Rostov-on-Don: Southern Federal Uneversity Publ., 2018, pp. 4–11 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. Sostoianie i zadachi izucheniia arkhitektury srednevekovogo Kryma i armianskogo zodchestva kak ee vazhnoi sostavliaiushei (State and the problems of the study of the Architecture of Medieval Crimea and of the Armenian architecture as its important part). *Iskusstvoznanie: nauka, opyt, prosveshenie: Sbornik statei po materialam nauchnoi konferentsii, 9–11 noiabria 2017 g. (Proceedings of the International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education. 9–11 November 2017)*, ed. G. U. Lukina. Moscow: State Institute for Atr Studies Publ., 2018, pp. 289–300 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. Tsitirovanie antichnosti. Portaly ellinisticheskogo tipa v armianskoi arkhitekture XI veka (Quoting Antiquity: the portals of Hellenistic types in Armenian architecture of the 11th century). Danilovskie chteniia. Antichnost' — Srednevekov'e — Renesans (Danilov Readings: Classical Antiquity — Medievality — Renessans), ed. O. E. Etinhof. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2018, pp. 151–169 (in Russian).

Kazaryan A. Yu., Loshkareva E. A. Zagadki tserkvi Ioanna Krestitelia v Feodosii i zadachi ee novogo arkhitekturno-arkheologicheskogo issledovaniia (The riddle of the church of John the Baptist in Feodosia and the problems of its new architectural-archeological investigation). *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia "Archeologiia srednevekovogo Kryma", 25–29 sentiabria 2017 g. (Scientific conference "Archeology of Medieval Church", 25–29 of September 2017)*. Sevastopol: Khersones Tavricheskii Publ., 2017, pp. 31–34 (in Russian).

Kirilko V. P. Iuzhnyi vkhod bol'shoi Mangupskoi baziliki (Southern entrance of the large basilica of Mangup). *Antichnaia drevnost' i Srednie veka (Ancient Antiquities and the Middle Ages)*, no. 36, 2005, pp. 260–272 (in Russian).

Kirilko V. P. Pamiatniki armianskoi arkhitekturi Solkhata (The monuments of Armenian architecture of Solkhat), *Issledovaniia po armeniatike v Ukraine (Armenological Studies in Ukraine)*, vol. 1. Simferopol, 2008, pp. 35–41 (in Russian).

Kirilko V. P. Stroitel'naia letopis' Tavriki vtoroi poloviny XIII — tret'ei chetverti XV vekov (Building chronicle of Taurica of the second half of the 13th — third fourth of 15th centuries). *Istoriia i arkheologiia Kryma (History and Archeology of Crimea)*, vol. 1, ed. V. V. Maiko. Simferopol: Biznes-Inform Publ., 2014, pp. 406–434 (in Russian).

Kirilko V. P. *Kamennye krovli v arkhitekture srednevekovogo Kryma (Stone roofs in the architecture of the Medieval Crimea)*. *STRATUM plus*, vol. 6, 2016, pp. 53–62.

Kuchuk-Ioannesov Kh. Starinnye armianskie nadpisi… (Old Armenian inscriptions…). Drevnosti Vostochnye: Trudy Vostochnoi komissii Moskovskogo arkheologicheskogo obschestva (Oriental Antiquities: Works of the Oriental Commission of the Moscow Archeological Society), vol. II, no. 3, 1903, pp. 33–75.

Lapushinskaia E. I. Arkhitektura armianskoi tserkvi sv. Arkhangelov Gabriela i Mikaela i ee restavratsiia (The architecture of the Armenian church of St Arkhangels of Gabriel and Mikael and its restoration). *Herald of the Social Sciences*, no. 9, 1982, pp. 64–72 (in Russian).

Sargsyan T. E. Escho raz ob armianskikh tserkvakh v Feodosii XIII–XV vv. Tserkov' Arkhangelov Gabriela i Mikaela (Again on the Armenian churches in Feodosia of the 13th–15th cent. The church of the Archangels Gabriel and Mikael). *Historical-Philological Journal*, no. 2, 2002, pp. 112–130 (in Russian).

Sargsyan T. Selo Topolievka in Crimea and its Armenian monuments. *Vestnik Armenovedeniia (Herald of Armenology)*, no. 2, 2015, pp. 84–117 (in Russian).

Sargsyan T. E., Petrosyan M.V. *Krym: monastyr' Surb Khach (Crimea: The monastery of Surb Khach)*. Simferopol, 2008 (in Russian).

Sidorenko V. A. The study of architectural styles of the monuments of the South-Eastern

Crimea. *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Architectural-Archeological Investigations in Crimea*). Kiev: Naukova Dumka Publ., 1988, pp. 115–128.

Khalpakchian O. Kh. Kul'tovye postroiki krymskikh armian (Cult constructions of the Crimeam Armenians). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, vol. 39, 1992, pp. 32–45 (in Russian).

Khalpakchian O. Kh. Dva armianskikh khrama Feodosii (Two Armenian churches of Feodosia). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, vol. 43, 1999, pp. 184–195 (in Russian).

Yakobson A.L. Armianskaia srednevekovaia arkhitektura v Krymu (Armenian medieval architecture in the Crimea). *BYZANTINA XPONIKA*, vol. 8 (33), 1956, pp. 166–191 (in Russian).

Yakobson A. L., Tamanian Yu. A. *Armianskaia arkhitektura v Krymu (Armenian architecture in the Crimea)*. Yerevan: Hayastan Publ., 1990 (in Russian).

Donabédian P. Le portail dans l'architecture arménienne du Haut Moyen Age. *Revue des études arméniennes*, vol. XX, 1986–1987, pp. 337–380.

Kazaryan A. Contemporary State of Research, Goals and Preliminary Conclusions regarding the Architecture of Medieval Crimea. *Proceedings of the International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education. Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Paris: Atlantis Press Publ., 2017, pp. 153–156.

УДК 551.4.02: 551.435.8: 551.44: 551.584.65: 552.08: 581.9(24): 591.9(24): 622: 903.27: 903.7: 904: 908: 910.2: 911.6: 93
ББК 26.823
С 23

Speleology and spelestology: Proceedings of the VIII International Scientific Correspondence Conference. — NGPU, Naberezhnye Chelny, 2017. — P. 372.

С23 Спелеология и спелестология. Сборник материалов VIII Международной научной конференции. — Набережные Челны: НГПУ, 2017. — 372 с.

В сборник включены материалы докладов, представленных на VIII Международную научную конференцию «Спелеология и спелестология» (г. Набережные Челны, 1 декабря 2017 г.). Материалы группируются по пяти разделам: «Спелеология», «Спелестология», «Экология и охрана пещер», «Исторические городские подземные сооружения», «Использование подземного пространства». В публикуемых материалах освещается широкий круг теоретических, практических и прикладных вопросов спелеологии и спелестологии.

Издание предназначено для специалистов спелеологов, спелестологов, геологов, географов, историков, биологов, экологов, а также для краеведов, аспирантов, студентов и всех интересующихся вопросами исследования, охраны и использования пещер.

ISBN 978-5-98452-161-1

На первой странице обложки: колодец в пещере им. Верёвкина (фото А. Бородина).
На четвертой странице обложки: в новой части пещеры им. Верёвкина (фото Д. Паршина).

Г.Г. Погосян (Хахбакян)*, С.Г. Багдасарян**
Спелеологический центр Армении, Ереван, Армения
*Редактор научно-аналитического журнала «Регион и Мир», Ереван, Армения
**ФГКОУ «СОШ № 21», Ереван, Армения

ПЕЩЕРНЫЙ КОМПЛЕКС «МАРТИРОС»: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АНТРОПОГЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

G.H. Poghosyan (Chaghbakyan), S.G. Baghdasaryan

THE "MARTIROS" CAVE COMPLEX: SOME PROBLEMS OF ANTHROPOGENIC ARCHITECTURE

The "Martiros" ancient Armenian monastery complex was situated in old Vayots Dzor district, in Syunik province of Greater Armenia. Nowadays the "Martiros" monastery complex is situated in Vayots Dzor province of Armenia, in 2 km to the South of village Martiros. Only a few anthropogenic caves have been saved nowadays. The anthropogenic caves consist of a church and two narthexes which are connected with passages. It is remarkable for its very interesting structure and lapidary inscriptions. One of the lapidary inscriptions says that this anthropogenic complex was founded by grand duke Prosh and his son Amir-Hasan Chaghbakyan in 1286 and cut out by architect Grigorik and vardapet Matteos.

Введение

Антропогенная архитектура Армянского нагорья, наблюдающаяся с древнейших времен, получила значительное распространение со времен зарождения, а затем и принятия христианства в Великой Армении и ее сателлитных царств. В силу исторических обстоятельств подавляющее большинство территорий автохтонного проживания оказались вне пределов исследовательской досягаемости. В антропогенных сооружениях этого периода преобладает религиозно-культовая составляющая.

Местоположение

Описываемое место находится на территории исторической области Вайоц Дзор провинции Сюник Великой Армении. Ныне локализуется на территории сегодняшней Республики Армения в области Вайоц Дзор[1] в 2,5 км на юго-восток от с. Мартирос[2]. Расположено на правобережье неглубокого ущелья, по которому течет р. Пшонк, которая является левобережным притоком р. Арпа, левобережного притока р. Аракс. Истоки р. Пшонк питаются многочисленными родниками и таянием снегов с г. Гоги Айоцдзорского[3] хребта, которая находится в 7,5 км на юго-восток от рассматриваемого места. На топографических картах Генштаба ВС СССР (рис. 1) отмечена пещера, которая находятся под г. Назар[4] (2446 м) в западной части небольшого ущелья на высоте 2000 м н.у.м, с координатами с.ш. 39°35′9.55″; в.д. 45°31′9.84″. [Топографическая карта, л. 10-38-020 Шахбуз].

Исследования

Первое письменное упоминание и исследование рассматриваемого монастырского комплекса в XIX в. сделал епископ Саргис Джалалянц[5]. После своих путешествий по Армении он успел опубликовать лишь две книги [Джалалянц, 1842; Джалалянц, 1858]. В первой из книг в главе под названием «Мартирос, а в древности Летняя резиденция князя Проша» автор указывает местонахождение села, количество домов и историю его основания в 1283 г. по повелению князя князей Проша и его сына Амир-Хасана, затем указывает на то, что на расстоянии двух аспарезов[6] есть высеченная в скале церковь, построенная вардапетом[7] Маттеосом во время княжения Проша. Хотя Джалалянц первоначально указал на существование одной церкви, при описании он дает размеры (в шагах) для двух церквей и одного притвора с описани-

[1] Вайоц Дзор (арм. Վայոց Ձոր) — марз (область) на юго-востоке Армении. Административный центр — г. Егегнадзор. Территория марза входит в бассейн р. Арпа.

[2] Мартирос (тур. Մարտիրոս) — село в марзе Вайоц Дзор, на северном склоне Вайоцдзорского хребта. Согласно лапидарной надписи на хачкаре 1283 г., село основано (или благоустроенно) по повелению князя князей Проша Хахбакяна и его сына Амир-Хасана неким Мхитаром сыном Дехка.

[3] Айоцдзорский (ранее Даралагезский) хребет находится в восточной части Армянского нагорья (арм. Հայկական լեռնաշխարհ) в пределах Республики Армения. На востоке примыкает к Зангезурскому хребту. Протяженность 70 км. Наивысшая точка — г. Гоги (арм. Գոգի) (3120 м), которая находится на восточной оконечности хребта.

[4] Назар (арм. Նազար) — гора в сев. ответвлении Айоцдзорского хребта, высота 2446 м.

[5] Джалалянц Саргис (арм. Սարգիս Ջալալյան) (1819 г., с. Елинд гавара Артаз — 16.10.1879 г., Тифлис) — деятель армянской апостольской церкви, писатель. Происходил из рода [h]Асан-Джалалянов из Хачена (ныне территория Нагорного Карабаха). Епископ (1855 г.), архиепископ (1857 г.). Член синода (1855 г.). Глава армянской епархии Грузии и Имеретии (1857–1861 гг.). Путешествовал по Восточной Армении и записывал ряд материалов, представляющих историческую ценность, изданных частично в двухтомнике «Путешествие по Великой Армении» [Джалалянц, 1842; 1856]. Остальные рукописи с географическим описанием армянских провинций Утика и Арцаха, просопографией княжеских родов, а также историей находятся в хранилище армянских рукописей Матенадаране.

[6] Аспарез — мера длины.

[7] Вардапет — духовное звание в армянской церкви, ученый монах, обладавший правом проповедовать и наставлять паству. В православной церкви аналогом является архимандрит.

ем, как они соединены между собой и какие имеются световые отверстия. Затем Джалалянц приводит лапидарную строительную надпись 1286 г., имеющуюся внутри одной из церквей. Далее повествует о кладбище, находящемся в двух аспарезах к западу от церкви, и приводит лапидарные надписи с четырех хачкаров (1275, 1279, 1285 и 1286 гг.) [Джалалянц, 2016: 393–395].

В работе Д.З. Бакрадзе[8] рассматриваемый комплекс упоминается весьма кратко, но отдельным пунктом — «*Мартиросская церковь*». В одном абзаце Бекрадзе, ссылаясь на Джалалянца, указывает местонахождение села, количество дворов, наличие церкви в селе с частичным переводом лапидарной надписи 1283 г. (ошибочно датируя ее 1289 г. и не указывая на то, что она на хачкаре) и церкви, «*высеченной въ скале*», с полным переводом лапидарной надписи 1286 г. Помимо того, Бекрадзе, ссылаясь на С. Орбеляна[9], повествует о том, что *«Мартиросъ въ старину служилъ летнею резиденціею кн. Проша»* [Бакрадзе, 1875: 97].

В своих пространных «*замечаниях*» Каджберуни[10] [Каджберуни, 1879] в 49-й главе среди прочих сел и культовых памятников описывает интересующий нас объект. Приводит лапидарную надпись об основании села 1283 г. Указав на наличие пяти кладбищ в округе, предполагает существование некогда цветущего села, в то время как при нем в селе 75 домов: 334 мужчин и 310 женщин — переселенцев из Персии. В день посещения села был праздник Св. Богоматери и все сельчане отмечали его в скальном монастыре. При описании монастыря Каджберуни первым довольно подробно рассматривает среднее помещение, называя его, как и Джалалянц, церковью, но тут же с сомнением называет его усыпальницей. Причиной тому служит указание, что в три ряда лежат одиннадцать плоских надгробных плит, занесенных землей. Вторым рассматривается «*следующая церковь*» и приводится лапидарная строительная надпись 1286 г., при этом указывается, что на северной стене имеется еще две надписи, но сильно пострадавшие и не поддающиеся чтению. Размышляя о том, сколько времени понадобилось для высечения в скале «*двух церквей*

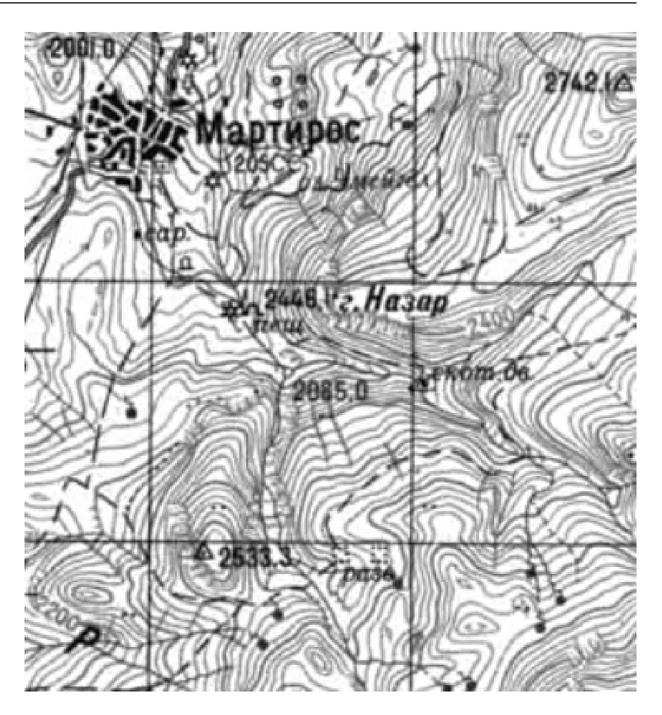


Рис. 1. Фрагмент топографической карты, листа 10-38-020

и притвора», Каджберуни приводит надпись на хачкаре, находящемся к югу (на самом деле к западу) от скального комплекса на взгорке, на котором указано, что установил его в 1275 г. тот же вардапет Маттеос, построивший скальный комплекс. Из разницы дат Каджберуни делает вывод, что комплекс рыли в течение одиннадцати лет, а может и более. Каджберуни говорит, что нынешние сельчане называют комплекс в честь Св. Богоматери. С внешней стороны перед комплексом автор упоминает о нескольких надгробиях, одно из которых датировано 1478 г., а в пятнадцати шагах к югу о «*месте отшельника*» [Каджберуни, 2003: 373–377].

Очередное письменное описание принадлежит перу крупного арменоведа-этнолога, члена армяно-католической конгрегации венецианских мхитаристов Гевода Алишана[11]. В своей очередной книге [Алишан, 1893], в третьей главе «Южный Вайоц Дзор», во второй части № 68 под названием «Долина ущелья Мартироса», он не только повторяет выше приведенных авторов, но и дополняет новыми сведениями. Так, в сведениях о селе он указывает на то, что среди жителей села есть армяне, переселившиеся из Пер-

[8] Бакрадзе Дмитрий Захарович (груз. დიმიტრი ზაქარიას ძე ბაქრაძე) (26.10.1826 г., с. Хашми близ Телави — 10.02.1890, Тифлис) — историк, археолог, этнограф, член-корреспондент Петербургской академии наук (с 1879 г.). Окончил Московскую духовную академию. Работал в Казанском отделении Русского географического общества (с 1861 г.).

[9] Орбелян Степанос (арм. Ստեփանոս Օրբելյան) (ок. 1250 г., в гаваре Цхук — 1304 г.) — церковный и политический деятель, летописец. В 1280 г. принял духовное звание. В 1286 г. совершил визит в Киликийское Армянское Королевство, где был посвящен в митрополиты Сюника. Автор труда «История области Сисакан» (1297 г.).

[10] Каджберуни, настоящее имя — Габриэл Тер-Ованнисян (арм. Քաջբերունի / Գաբրիել Տեր-Հովհաննիսյան,) (1837 г., с. Узунтала, ныне Айгеовит Тавушской обл. — 1920 г., Каравансара ныне Иджеван) — врач, писатель, путешественник. Окончил школу Нерсисян в Тифлисе, медицинский факультет в университете Москвы. Вернувшись на родину, работал врачом, писал и путешествовал по Армении.

[11] Гевонд Алишан, настоящее имя Керовбе Алишанян (арм. Ղեւոնդ Ալիշան) (6.07.1820, Константинополь — 9.11.1901, Венеция), — арменовед, этнолог, ученый, поэт. Образование получил в школе, а затем в семинарии мхитаристов при армянском католическом монастыре Св. Лазаря в Венеции. В совершенстве изучил древнеармянский язык — грабар, а также итальянский, английский, немецкий, французский, приобрел обширные знания по истории, географии, филологии. По окончании учебы, за особые успехи назначается учителем той же школы. Кроме Венеции преподавал в Париже. Награжден орденом Почётного легиона (1866), член Итальянского Азиатского общества, Московского Археологического общества, С.-Петербургского Общества любителей русской словесности, Йенской Академии философии и др.

сии, а именно из 75 или 80 домов около 20 домов переселенцев. Кроме того, Алишан делает исправления в прочтении некоторых лапидарных надписей [Алишан, 1893: 176–177].

С началом XX в. описания монастыря стали публиковаться в различных сборниках. Так, Е. Лалаян поместил в своем «Этнографическом журнале» в статье «Южный Вайоц-дзор» раздел «Ущелье Мартироса», где описал местонахождение села, лапидарную надпись на хачкаре и указал количественный состав жителей и сёла, из которых они переехали. Кроме того, указал, что в селе имеется 2 магазина, 11 мельниц и 2 маслобойни. Далее он указывает местонахождение *«двух вырытых в скале церквах»* и описывает их, приводя лапидарную надпись 1286 г. Указывает на наличие пещеры, именуемой *«место отшельника»*, в которой есть небольшой алтарь; а также на то, что перед церквами на левом берегу речки заметны развалины церкви и следы зданий, места для хранения зерновых, развалины двух мельниц и т.д. Так как жители села не коренные жители, у них не сохранилось никаких преданий относительно указанных церквей и называют их в честь Св. Богоматери [Лалаян, 1904: 288–290].

Следующее письменное описание нашло место в «Материалах по археологии Кавказа», собираемых экспедициями Императорского Московского Археологического Общества под редакцией графини П.С. Уваровой. Автором собранных в 1907–1908 гг. материалов является В.М. Сысоев[12], а редактором издания был Х.И. Кучук-Иоаннесов[13]. Глава, посвященная с. Мартирос, построена немного иначе, чем у предыдущих авторов. Изначально говорится о кладбище на юге села с одной лапидарной надписью 1288 г., о церкви в селе и хачкаре с лапидарной надписью без датировки (у предыдущих авторов 1283 г.). Указывается местонахождение *«двух пещерных церквей»* с планом, снятым сопровождающим Сысоева учеником Строгановского училища Тарагросом Вартанянцем. Далее идет достаточно подробное описание с приведением лапидарной надписи на стене церкви, а также с указанием размеров и в дополнение к предыдущим авторам — указанием высот. При описании помещений автор приходит к выводу, что в пещере лишь одна церковь и два притвора. Затем следуют три лапидарные надписи, местонахождение которых указано ошибочно. Подобное легко определяется по предыдущим авторам, у которых после надписи 1286 г. в пещерной церкви следуют четыре надписи с указанием наличия их на хачкарах, установленных на кладбище в двух верстах к западу от пещерной церкви. Сравнив надписи четырех хачкаров у предыдущих авторов с тремя надписями, находящимися якобы на стенах церкви, приходим к выводу: во-первых, пропущена надпись второго хачкара (1279 г.); во-вторых, надписи в точности воспроизведены из труда Г. Алишана (выше уже говорилось, что он исправил предыдущие прочтения надписей)[14]. Подобная ошибка могла возникнуть по причине указанной графиней Уваровой в слове от редакции[15]. В заключении автор, ссылаясь на Бекрадзе, повторяет, что *«Селеніе Мартиросъ въ древнія времена было летней резиденціей Проша Кахбакіанца»* [Сысоев, 1916: 157–159].

Архиепископ Гарегин Овсепян[16], составивший трехтомное исследование, посвященное роду Хахбакян, в первой книге упоминает о с. Мартирос, пересказывая Джалаляна и задаваясь вопросом, на каком основании последний считал это село летней резиденцией князя Проша [Овсепян, 1928: 126]. При упоминании о самом главном сооружении с. Мартирос автор считает, что это *«вырытые вардапетом Маттеосом в 128 г. в скале церкви»*. Кроме того, он упоминает о евангелии с приписанным рукой того же Маттеоса в 1292 г. колофоном, в котором *«содержатся подробности о строительстве монастыря»*. [Овсепян, 1928: 148]. В отличие от всех остальных исследователей, Овсепян указывает точные размеры самой церкви и притвора [Овсепян, 1928: 148–149].

Ованнес Егиазарян в работе, посвященной памятникам культуры района, в отдельной главе *«Село Мартирос»* среди описываемых памятников в селе и округе, сразу после краткой истории об основании села описывает интересуемый монастырский комплекс, практически повторяя предыдущие описания, хотя и с незначительными отличиями. Так, среднее помещение автор называет *«главной»* церковью, не упо-

---

12 Василий Михайлович Сысоев (1864–1933) — историк, этнограф, археолог и краевед. Служил преподавателем и инспектором при гимназиях Кавказского Учебного Округа.

13 Христофор Иванович Кучук-Иоаннесов (05.12.1852, Григореуполь Херсонской губернии — 1915) — археолог, арменолог. Профессор и директор Лазаревского института восточных языков (1911–1914). Член Московского археологического общества, Таврической ученой архивной комиссии (1910). Во время полевых исследований собрал около 150 древних армянских надписей, в частности, в Аккермане, Измаиле, Феодосии, Подолье.

14 В конце главы Мартирос указывается: «*Все вышеозначенныя надписи переведены г. Кучукъ-Іоаннесовымъ по тексту, данному у о. Алишана, такъ какъ въ настоящее время только надпись № 149 сохранилась более или менее хорошо, остальныя же надписи въ высшей степени повреждены сыростью, которая сверху спускается по всемъ стенамъ. Отъ надписи № 152, напр., теперь сохранилось только до 30 едва заметныхъ буквъ, О. Алишанъ, вероятно, пользовался текстомъ С. Джалальянца*».

15 «*В.М., посвятивъ обеъзду описываемыхъ памятниковъ два свободныхъ лета, не могъ, служа <…> посвящать много времени обработке собраннаго весьма разнообразнаго и сложнаго матеріала, — обстоятельство, заставившее его растянуть работу на несколько летъ. Масса труда стоило и Москве разобраться въ собранныхъ многочисленныхъ армянскихъ надписяхъ, въ ихъ переводе на русскій языкъ, сличеніе ихъ съ эстампажами и фотографіями и проверке по прежде изданнымъ Бакрадзе, Алишаномъ и др.*»

16 Овсепян Гарегин (арм. Գարեգին Հովսեփյան) (17.12.1867 г., с. Магавуз, Арцах — 21.06.1952 г., Антилиас, Ливан) — религиозный деятель, арменовед, историк искусства. Доктор философских наук, действительный член Кавказского отделения Московского и Петербургского императорских этнографических обществ. Участник Сардарапатской битвы (25.05.1918 г.). Архиепископ (1925 г.). Духовный предводитель епархии Грузии (1900–1901 гг.), Ново-Нахичеванской епархии (1927 г.), епархии США (1938 г.). Католикос Киликии (1943 г.).

миная о надгробиях. Упоминает о полуразрушенной часовне, находящейся южнее извне внутрискального комплекса, а также о большой пещере, находящейся выше монастырского комплекса, которую называют *«пещера отшельника»*, по предположению автора, могла временами служить жилым помещением для членов обители [Егиазарян, 1955: 81–86].

Далее в хронологическом порядке можно указать блок литературы энциклопедического склада. В Своде армянских надписей Вайоц дзора лапидарные памятники, относящиеся к селу Мартирос, разбиты на три группы. В первую группу входит 17 надписей (№№ 546–562), находящихся во внутрискальном монастыре (№№ 547–550, 1286 г.) и на кладбище напротив (№№ 546, 551–562, с 1275 г. по 1501 г.). Во второй — сгруппированы 29 внутрисельских надписей: в центре села (№№ 563–568, с 1283 г. по 1644 г.); на кладбище и часовне на сев.-зап. окраине села (№№ 569–572, с 1257 г. по 1551 г.), на кладбище зап. окраины села (№№ 573–591, с 1451 г. по 1662 г.). В третьей — одна надпись, относящаяся к заброшенному селению «Верхнее озеро» (№ 592, 1499 г.). Всего в «Своде» по с. Мартирос издано 47 надписей, из которых 27 публикуются впервые [Свод армянских…, 1967: 178–181].

В Армянской Советской энциклопедии в статье *«Мартирос»* указывается внутрисельская церковь, три средневековых кладбища в округе и описывается (для энциклопедического формата достаточно подробно) внутрискальный монастырь [Армянская Советская.., 1981; 346].

В Словаре топонимов Армении говорится, что рассматриваемый монастырь имеет несколько наименований — Св. Богоматери, Мартирос, Мартироса, но наиболее правильное «монастырь Мартиросац» (арм. Մարտիրոսաց վանք, Սբ. Աստվածածին, Մարտիրոս, Մարտիրոսի) [Словарь топонимов.., 1991, с. 781].

В энциклопедии «Армения Христианская» в статье *«Монастырь Св. Богоматери Мартироса»* указывается местонахождение, время основания, ктиторы, исполнитель и архитектор строительства. Кратко описываются помещения. В отличие от предыдущих, упоминается евангелие, переписанное исполнителем строительства вардапетом Маттеосом в монастыре в 1292 г. [Энциклопедия.., 2002: 710–711].

История

Как уже сказано выше, рассматриваемый монастырский комплекс находится близ с. Мартирос. Вокруг села в радиусе 4–5 км имеется множество развалин сёл, старых кладбищ, одиноко стоящих хачкаров и иных сооружений, что указывает на обжитость ущелья Мартирос с давних времен. Кроме того, имеются веские причины предполагать, что одно из сёл, находящихся в развалинах, есть село [h]Охацим, упоминаемое с V в., в котором родился Овсеп Вайоцдзорци[17].

Основным источником об исторических событиях в данной местности являются лапидарные надписи, сохранившиеся на памятниках большой и малой архитектуры. К памятникам малой архитектуры относятся надгробные плиты и хачкары, установленные не только в память об усопших, но и в память о неких действах и событиях. Из надписей становится очевидно, что территория была вотчиной рода Прошян-Хахбакянов.

В центре села рядом с родником установлен больших размеров хачкар с лапидарной надписью от 1283 г., гласящей об основании села Мхитаром сыном Дехка по приказу князя князей Проша Хахбакяна и его сына Амир-Хасана. Так как в округе имеется много хачкаров с лапидарными надписями более раннего времени, то можно предположить, что речь идет не об основании села, как говорится «с нуля», а о его благоустройстве, а может и реставрации после какого-то события, типа землетрясения или нашествия. На это указывает также и тот факт, что, согласно надписи на хачкаре, он установлен у двери некоего культового строения (часовни или церкви) во имя мученика (арм. ի դուռն սբ. վկայարանիս). Впрочем, на это указывает и название села — Мартирос (арм. մարտիրոս), что в переводе с армянского означает мученик, аналогично (др.-греч. μάρτῦρος, лат. martyr).

Приблизительно в 2 км к юго-востоку от села на правой стороне небольшого ущелья находится тот самый монастырский комплекс, согласно одной из сохранившихся настенных надписей, он построен в 1286 г. Надпись по своей структуре не отличается от других строительных надписей. Помимо реверансов в начале и конце надписи указаны, во-первых, духовные и гражданские правители, при которых производилось строительство, а во-вторых, кем именно оно осуществлено: *«Волею Божiей, въ патрiаршество Владыки Акопа и въ первосвященство местнаго Владыки Саргиса и въ владычество (владетельнаго) князя князей Проша и сыновей его Папака и Гасана <...> и сына (его) барона Ячи и матери его <...> я, Матфеосъ, вардапетъ, соорудилъ <...> и довершилъ постройку церкви, ради предстательства за себя и Петроса и родителей и бароновъ нашихъ и всехъ верующихъ (христiанъ). Входящие въ сiю (церковь) скажите: да помилуетъ насъ Богъ, и вамъ да будетъ та же милость; въ лъто 735 (1286 г.)»* [Сысоев, 1916: 158].

[17] Овсеп Вайоцдзорский (hОхоцмеци) (арм. Հովսեփ Վայոցձորցի) (?, с. Охацим в Вайоц-Дзоре — 25.07.454 г.) — политический и духовный деятель. Один из старших учеников Месропа Маштоца. Епископ Айраратский. Католикос Армянской апостольской церкви (с 440 г.). Инициатор Шаапиванского церковного собора (7.08.444 г.) и Арташатского собрания (449 г.), на котором было отвергнуто требование Йездигерда II о принятии зороастризма, что послужило началом войны. Активный деятель антисасанидского движения 449–451 гг. После Аварайрского сражения (26.05.451 г.) арестован персами. Предстал перед судом Йездигерда II, после чего сослан в Вркан, а затем в Апар, где и погиб. Возведен в лик святых Армянской апостольской церкви.

В числе духовных правителей указаны: патриарх Тер-Акоп[18] и местный первосвященник Вайоц Дзора Тер-Саргис[19]. В числе гражданских правителей указано три поколения из княжеского рода Хахбакянов: основатель ветви князь князей Прош[20], двое из оставшихся к тому времени в живых сыновей — Папак[21] и Хасан[22], единственный внук — Эачи[23] и его мать Тачер. Здесь необходимо отметить, что дата 1286 г. указывает на окончание строительства, так как Прош Хахбакян умер за два года до того — в 1284 г. [Овсепян, 1928: 135–136].

Строительство осуществлено Маттеосом. Как справедливо заметил Каджберуни, основываясь на разнице дат двух надписей, сделанных от имени одного и того же священника вардапета Маттеоса, — на хачкаре 1275 г. и внутри церкви 1286 г., — комплекс рыли не менее одиннадцати лет [Каджберуни, 2003: 377].

По всей видимости, вардапет Маттеос по окончании строительства стал членом монастырской общины. К такому заключению пришел архиепископ Гарегин Овсепян при исследовании евангелия[24] с колофоном 1292 г., написанным тем же вардапетом Маттеосом [Овсепян, 1928: 149]. Однако подобное утверждение сложно, так как в колофоне евангелия на странице 218а переписчик сам указал, что работа совершена в скриптории пустыни Ахав в Вайоц Дзоре [Памятные записи.., 1984: 676; Барсегян, 2017: 57–62].

На первый взгляд может показаться, что рассматриваемый монастырский комплекс и есть пустынь Ахав. Но для подобного утверждения нет достаточных аргументов. В податном списке сёл и монастырей Татевского монастыря, духовного центра Сюника, приведенного в летописи конца XIII в. митрополитом Сюника архиепископом Степаносом Орбеляном, входящее в гавар Вайоц Дзор с. Мартирос, платившее 7 частей[25] [Орбелян, 1986: 395], и Ахеав[26], платившее 10 частей, находятся не рядом [Орбелян, 1986: 396]. Из этого следует, что Ахав как минимум богаче и крупнее Мартироса [Алишан, 1893: 97].

Здесь уместно будет дать сведения о величине села Мартирос и количестве его населения, с учетом того, что оно частично состояло из переселенцев (табл. 1; 2; 3).

Описание памятника

Монастырский комплекс состоит из помещений, вырубленных в скальной породе, имеющей брекчиевую текстуру (рис. 3/2), внешних строений, близлежащих пещер и монастырского кладбища.

Помещения, вырубленные в скальной породе. Основная часть комплекса вырублена в скальной породе и состоит из трех помещений: церкви, большого притвора и малого предпритвора (рис. 2). Вход во внутрискальную часть комплекса осуществляется через единственный малый низкий проход, находящийся в западном склоне г. Назар (рис. 3/1).

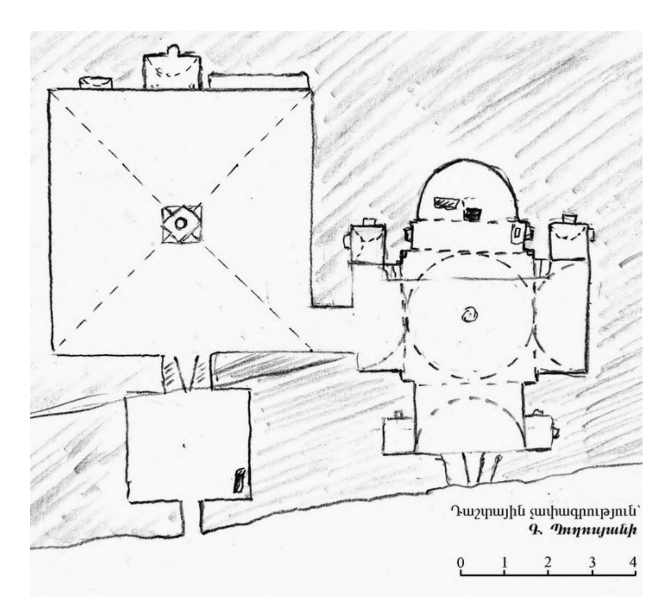


Рис. 2. Полевой план пещерного монастыря Мартирос

Вход ведет в квадратное в плане помещение, размерами 3×3 м. Стены в помещении оставляют впе-

[18] Акоп I Клаеци (арм. Հակոբ Ա Կլայեցի) (1200-е гг. — 12.02.1286 г., Ромкла) — деятель армянской апостольской церкви. Католикос Всех армян (с 1268 г.).

[19] Саргис (арм. Սարգիս) — епископ из монастыря Нораванк. В 1216 г. центральная власть митрополитов Сюника, сидящих в Татевском монастыре, подверглась расколу. Вплоть до 1287 г. духовная власть имела второй центр, находящийся в монастыре Нораванк в Вайоц Дзоре.

[20] Хахбакян Прош-Хасан (арм. Խաղբակյան Պռոշ-Հասան) (1223–1284 гг., Кечарис) — князь князей, выдающийся представитель древнего феодального рода. Третий младший сын Васака Хахбакяна, разбившего в 1228 г. хорезмского Джалал-эд-Дина. Основатель династийной ветки Прошян-Хахбакянов. Строитель и ктитор многих монастырей и церквей. В супружестве с Хутлу-хатун (арм. Խութլու Խաթուն) имел пятерых детей: дочь Гоар-хатун (? –1268 гг.) и четверых сыновей — Мкдем (? –1268 гг.), Васак (? — 1273 гг.), Папак (? –1298/99 гг.) и Амир-Хасан (? –1292 гг.).

[21] Прошян-Хахбакян Папак (арм. Պռոշյան-Խաղբակյան Պապաք) (?–1298/99 гг.). Третий сын Прош-Хасана. В супружестве с Рузукан (арм. Ռուզուքան), наследники не упоминаются.

[22] Прошян-Хахбакян Амир-Хасан I (арм. Պռոշյան-Խաղբակյան Ամիր-Հասան Ա) (?–1292 гг.) — князь князей, представитель древнего феодального рода. Младший из пятерых детей Проша Хахбакяна. Строитель и ктитор многих монастырей и церквей. В супружестве с Тачер (арм. Թաճեր) имел единственного сына Эачи.

[23] Прошян-Хахбакян Эачи (арм. Պռոշյան-Խաղբակյան Էաչի) (?–1317 гг.). Единственный сын Амир-Хасана. Жена — Мама-хатун (арм. Մամա Խաթուն).

[24] Евангелие с колофоном (памятной записью) 1292 г., во время исследования архиепископа Г. Овсепяна [Овсепян, 1928: 149–154] хранилось под № 1669 хранилище древних рукописей в монастыре Эчмиадзин. Ныне евангелие хранится под № 6292 в Матенадаране [Памятные записи.., 1984: 674–677].

[25] Для сравнения скажем, что самое большое село области выплачивало подать в 20 частей.

[26] В податном списке, приводимом у С. Орбеляна — Ахеав (арм. Աղեաւ), дано без комментариев, а в колофоне евангелия 1292 г. место написания дано с указанием культового статуса, т.е. пустынь Ахав (арм. Աղաւ անապատ).

Таблица 1

Количество дворов и численность населения в селе Мартирос согласно изданным исследованиям

Годы издания	Авторы исследования	Количество			всего
		дворов	мужск.	женск.	
1842	Джалалянц	30	-	-	-
1875	Бекрадзе	36	-	-	-
1879	Каджберуни	75	334	310	644
1893	Алишан	75 или 80	-	-	-
1904	Лалаян	125	681	638	1319

Таблица 2

Численность постоянного населения в селе Мартирос
[Населенные пункты.., 1962: 60]

Годы	1831	1873	1886	1908	1914	1916	1922	1931	1959
Количество жителей	301	644	933	1503	1503	1312	1241	1612	1184

Таблица 3

Численность наличного населения в селе Мартирос
[Населенные пункты.., 1962: 12]

Годы	1897	1926	1939	1959
Количество жителей	1027	1293	1876	1160

чатление грубо тесанных. В восточной стене высечен проход, имеющий размеры 1,2×0,5×0,5 м (рис. 3/2), ведущий в следующее помещение. Рядом с проходом с правой стороны на высоте 0,5 м имеется небольшая ниша. К южной стене около входа прислонены куски поломанного хачкара, в нижней части которого имеется трехстрочная лапидарная надпись[27] с поврежденной правой половиной (рис. 3/3). Потолок высечен в виде свода, в центре которого на высоте 3,5 м имеется световое отверстие, в армянской архитектуре именуемое *ердик*, что позволяет в архитектурном смысле классифицировать помещение как малый притвор или ***предпритвор***.

Из предпритвора восточный проход ведет в следующее почти квадратное в плане помещение, имеющее среди остальных наибольшие размеры 7×6,7 м. Стены помещения отесаны значительно лучше стен предыдущего помещения. В западной стене непосредственно над входным проемом, через 0,4 м сделан классический, присущий культовым строениям Армении, световой проем, сужающийся к выходу и расширяющийся во внутрь (рис. 3/4). На восточных частях северной и южной стен имеется множество крестов различной величины и сложности орнаментировки (рис. 3/5; 3/6). Восточная стена является наиболее насыщенной из стен. На ней, кроме множества крестов, имеется три ниши разной величины, но примерно на одной высоте 0,5±0,1 м (рис. 3/7). Ниша, вырубленная в левой части стены, является обычной сужающейся к верху и часто встречающейся, размерами 0,4×0,4 м с такой же глубиной. Ниша, вырубленная в левой части стены, соответствует своей высотой и глубиной предыдущей нише, но в длину значительно превосходит ее, достигая 2,7 м. Наиболее интересна центральная ниша, выделяющаяся на фоне остальных ниш узорной окантовкой, окрашенной красной краской, являющая собой стилизованный алтарь уменьшенных размеров: шириной 0,5 м, высотой 1,7 м, глубиной 0,8 м (рис. 3/8). Все стены на высоте 2,7 м имеют окантовочную ступеньку в 5 см, для контраста окрашенную красной краской (рис. 3/9). Потолок организован в виде перекрещивающихся сводов, образующих в центре на высоте 9,4 м квадрат, в котором вырезан куполоподобный ердик — световое отверстие (рис. 3/10). Для придания иллюзии обработки сводов от подкупольного квадрата до окантовочной ступеньки по ширине квадрата опущены грунтовочные полосы (рис. 3/11). В южной стене в самой западной части имеется проем, ведущий в следующее помещение. Описывая следующее помещение, Сысоев правильно предполагает, что это помещение не является церковью: *«Вторая церковь меньше первой, но архитек-*

[27] В названных выше источниках хачкар с лапидарной надписью не упоминается. Откуда и когда перенесен хачкар, нам не известно. Лапидарная надпись публикуется впервые. «ՅԱՌԱՋՆՈՐԴ[ՈՒԹԵԱՆ] ..../ Վ[ԱՐ]Դ[ԱՊԵՏ] ԵՍ ԱԲՐԱՀ[Ա]Մ .../ … ԻՆԿ ԵՒ ԾՆՈՂԱ ՋԻՄ», перевод: «в предводительство ..../ вардапета я Абраам .../ ... и родителей моих».

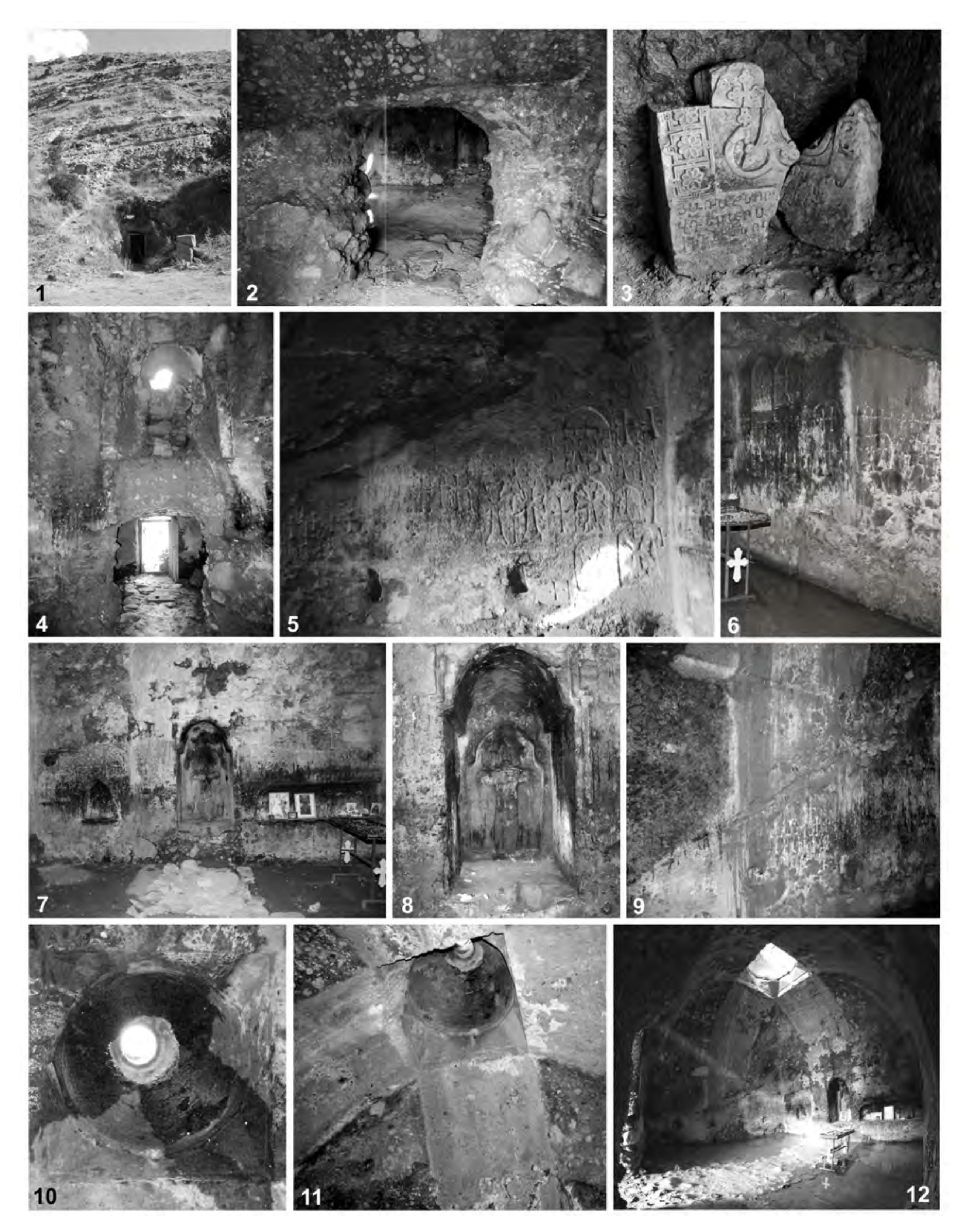


Рис. 3. 1 — Вход во внутрискальную часть комплекса монастыря Мартирос; 2 — проход из предпритвора в большой притвор; 3 — хачкар в предпритворе; 4 — световой проем и проемы в большом притворе; 5 — восточная часть северной стены большого притвора; 6 — восточная часть южной стены большого притвора; 7 — восточная стена большого притвора; 8 — стилизованный алтарь в восточной стене большого притвора; 9 — окантовочная ступенька в большом притворе; 10 — куполоподобный ердик — световое отверстие большого притвора; 11 — обработка сводов от подкупольного квадрата большого притвора; 12 — вид большого притвора из юго-восточного угла

тура ея сложнее, чемъ въ первой: здесь есть и ясно выделанный алтарь и солея и т. д. На основаніи этого можно полагать, что описанная выше первая церковь была въ сущности не церковью, а только гавитомъ или жаматуномъ; описываемая же вторая церковь и была именно главной святыней. Это же подтверждают и надписи, находящаяся на стенахъ второй церкви». [Сысоев, 1916: 157–159]. Кроме того, в полу помещения имеется 11 захоронений [Каджберуни, 2003: 376; Алишан, 1893: 176], как известно, согласно догматам армянской апостольской церкви, захоронения в церкви запрещены, в частности, для восполнения этой функции в армянской культовой архитектуре и появились в X в. сооружения, именуемые *гавит,* или *жаматун*, т.е. притворы. Последнее окончательно указывает на то, что данное сооружение в архитектурном смысле являет собой ***притвор***, и ни в коей мере не церковь (рис. 3/12). Хотелось бы отметить, что из всех исследователей приведенных выше лишь двое — Каджберуни и Сысоев — сделали оговорки на эту тему, хоть и представляли указанное помещение как церковь.

Из описанного притвора проход в южной стене ведет в следующее, в плане крестово-купольное, помещение, в архитектурном смысле безоговорочно определяемое как ***церковь***. Алтарная апсида, как и полагается в армянской церкви, направлена на восток. Контур апсиды являет собой неправильное полукружье. Определить высоту алтарной вимы не представляется возможным. Однако традиционный световой проем для встречи лучей восходящего солнца отсутствует, по причине того что восточное направление — это направление внутрь горы (рис. 4/1). На сильно поврежденном алтаре рядом с престолом слева лежит неизвестно откуда и когда принесенный верхний обломок хачкара, не имеющего лапидарной надписи. Во



Рис. 4. 1 — Алтарная апсида церкви; 2 — северо-восточный придел церкви; 3 — лапидарная надпись 1286 г. над юго-восточным приделом церкви; 4 — северо-западный угол церкви; 5 — лапидарная надпись с указанием имени мастера Григорика; 6 — западная стена церкви; 7 — купол церкви; 8 — следы внешнего строения, защищающего вход от камнепадов; 9 — маленькая апсида внешней часовни

всех диагональных углах церкви имеются небольшие приделы (рис. 4/2). В церкви в четырех местах имеются лапидарные надписи. Первая наиболее крупная и содержательная десятистрочная надпись находится над юго-восточным приделом, последние четыре строки которой переходят на южную стену. Начало последних семи строк надписи повреждены, но надпись в целом читабельна. Под надписью заметна грунтовка, а буквы окрашены красной краской (рис. 4/3). Это та самая надпись, опубликованная всеми исследователями, в которой говорится, кто заказал и кто построил в 1286 г. пещерный комплекс [Свод армянских.., 1967: 180]. Вторая надпись находится над проходом в северной стене. Она практически не повреждена, состоит из четырех строк, высечена в первый год по окончании строительства церкви, но не содержит полезной информации [Свод армянских.., 1967: 181]. Третья надпись находится над северо-восточным приделом (рис. 4/4). Она восьмистрочна и сильно повреждена [Свод армянских.., 1967: 181]. Четвертая надпись находится над тем же приделом, но на северной стене со стороны алтаря над нишей (рис. 4/5). Она состоит из восьми строк, из которых читабельна лишь первая строка, остальные сильно повреждены. Согласно Бархударяну, составителю «Свода», в этой надписи указано имя архитектора строительства комплекса, которого зовут «мастер Григорик» [Свод армянских.., 1967: 180]. В западной стене находится заваленный проем, в верхней части имеется световой проем, сужающийся к выходу и расширяющийся вовнутрь, который тоже завален снаружи (рис. 4/6). Купольная часть организована таким же образом, как если бы это была построенная, а не высеченная в скале церковь. Между тромпами, осуществляющими переход от подкупольного квадрат к ложному куполу, вытесаны парные полуарки, придающие иллюзию круговой аркады. Отличие лишь в том, что в самой вершине купола имеется световое отверстие (рис. 4/7). Наличие светового отверстия в куполе церкви объясняется тем, что в алтарной апсиде оно отсутствует.

Из ***внешних строений*** сохранились следы лишь двух строений. Первое из них располагалось над входом во внутрискальные помещения комплекса, по всей видимости, защищало от камнепадов (рис. 4/8). От второго сооружения, находящегося в 7–8 м к югу от входа, сохранилась лишь маленькая апсида, вытесанная в скале (рис. 4/9). Об этом строении как о *«месте отшельника»* упоминали Каджберуни [Каджберуни, 2003: 377] и Лалаян [Лалаян, 1904: 289]. Егиазарян же называет это место *«часовней»* [Егиазарян, 1955: 82].

Из близлежащих пещер наиболее примечательна одна, упоминаемая Егиазаряном как *«пещера отшельника»* [Егиазарян, 1955: 82].

Монастырское ***кладбище*** состоит из двух групп. Первая группа состоит из одиннадцати плоских прямоугольных надгробных плит, уложенных в три ряда, которые находятся в большом притворе. Ныне надгробные плиты, упоминаемые Каджберуни [Каджберуни, 2003: 376] и Алишаном [Алишан, 1893: 176], скрыты под значительным слоем наносной земли. Вторая группа находится на площадке перед входом во внутрискальные помещения. Среди плоских надгробных плит имеется несколько хачкаров (рис. 5).





Рис. 5. Вверху — некоторые хачкары второй группы монастырского кладбища; внизу — некоторые надгробные плиты монастырского кладбища

Литература

[Алишан Г.], Сисакан Сведения о замле Сюника. Отец Гевонд М. Алишан. Конгрегациа Мхитаристов. — Венеция: монастырь Мхитаристов на о. Св. Лазаря, 1893. (на арм. яз.).

Армянская Советская Энциклопедия. — Том. VII. / Ред. коллегия: В. Амбарцумян (председатель). — Ер.: Академия Наук Армянской ССР, главная редакция армянской советской энциклопедии. 1981. (на арм. яз.).

Бакрадзе Дм. Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства // Записки общества любителей Кавказской археологіи. — Книга I, изданная подъ редакціею помощника председателя общества

Ад. Берже и члена комитета общества Дм. Бекрадзе. — Тифлисъ: В Типографіи Главнаго Управленія Наместника Кавказскаго, 1875. — С. 19–179.

Барсегян Л. Иллюстрированная рукопись 1292 года из пустыни Ахав // Вестник Матенадарана. — Том 24. / «Матенадаран» институт древних рукописей им. Маштоца. — Ер.: Изд. «Наири», 2017. — С. 57–62. (на арм. яз.).

Джалалянц Саргис вар. Путешествие по Великой Армении. — Часть I. — Тпхис, 1842. (на арм.яз.).

Джалалянц Саргис археп. Путешествие по Великой Армении. — Часть II. — Тпхис, 1858. (на арм.яз.).

Джалалянц Саргис архиеп. Путешествие по Великой Армении / Перевод с грабара на ашхарабар и примечания: М. Григоряна. — Часть I и II. — Ер., 2016. (на арм.яз.).

Егиазарян О. Памятники культуры Азизбековского района. — Ер.: Айпетрат, 1955. (на арм.яз.).

Каджберуни (Габриел Тер-Ованннесян) Путевые замечания / 21 — 1879. (на арм. яз.).

Каджберуни (Габриел Тер-Ованннесян) Путевые замечания. — Ер.: Мугни, 2003. (на арм. яз.).

Лалаян Е. Южный Вайоц-дзор // Этнографический журнал. — Тифлис, 1904. — № 12. — С. 283–293. (на арм.яз.).

Населенные пункты и население Армянской ССР за 1831–1959 годы. Статистический сбор ... / Сост. А.П. Манвелян и Г.М. Мартиросян. — Ер.: Армянское Государственное издательство, 1962.

Овсепян Гарегин архиеп. Хахбакяны или Прошяны в армянской истории: историко-археологическое исследование. — Часть первая. — Вагаршапат, 1928. (на арм. яз.).

Памятные записи армянских рукописей, XIII век / Материалы к истории арм. народа. — Книга 20. / Институт древних рукописей им. М. Маштоца Матенадаран при Совмине АССР / Сост. Матевосян А.С., отв. ред. Л.С. Хачатурян. — Ер.: изд. АН АССР, 1984. (на арм.яз.)

Свод армянских надписей. — Выпуск III, Ехегнадзорский и Азизбековский районы / Сост. С.Г. Бархударян/. — Ер.: изд. АН Арм ССР. 1967. (на арм. яз.).

Словарь топонимов Армении и прилегающих областей / сост. Т.Х. Акопян, Ст.Т. Мелик-Бахшян, О.Х. Барсегян. — Том 3. — Ер.: Издательство ереванского университета, 1991. (на арм. яз.).

Степанос Орбелян История Сюника / Предисл., перевод и примечания: А.Г. Абраамяна. — Ер.: «Советакан грох», 1986. (на арм. яз.).

[Сысоев В.М.] Материалы, собранные В.М. Сысоевым в 1907 и 1908 г. в Закавказье // Матеріалы по археологіи Кавказа. — Вып. XIII. / Подъ ред. П.С. Уваровой и Х.И. Кучук-Іоаннесова. — М.: Типографія Г. Лиссмера и Д. Совко, 1916.

Топографическая карта, лист 10-38-020 — Шахбуз (J-38-20). Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР. Масштаб 1:100000. Издание 1975 г.

Энциклопедия «Армения Христианская». — Ер.: Главная редакция армянской энциклопедии, 2002.

VII междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 24–25 октября 2018 года. СПб., 2018. С. 143–166.

17. Копелев Д.Н. Пиратство в XVI–XVIII веках: на острие мировой политики. СПб.: Вита Нова, 2013. 734 с.

18. Копелев Д.Н. Раздел Океана в XVI–XVIII веках: истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крига, 2013. 736 с.

19. Губарев В.К. Фрэнсис Дрейк. М.: Молодая гвардия, 2013. 374 с.

20. The World Encompassed by Sir Francis Drake / ed. by W.S.W. Vaux. L.: Hakluyt Society, 1854. 295 p.

21. Voyages of Hawkins, Frobisher and Drake. Select narratives from the «Principal Naviagations» / ed. by E.J. Payne. Oxford: Clarendon Press, 1907. 280 p.

22. New Light on Drake: A Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577–1580 / ed. by Z. Nuttall. L.: Hakluyt Society, 1914. 443 p.

23. Hakluytus Posthumus, or Purchas His Pilgrimes, contayning a History of the World, in Sea Voyages, and Lande Travells by Englishmen and others / ed. by S. Purchas. Vol. 16. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1906. 579 p.

24. D'Avila de Mello A. Peter Carder's Strange Adventures Revealed // The Mariner's Mirror. 2007. Vol. 93, № 3. P. 261–268.

25. Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas / ed. by M. Hume. Vol. II. 1568–1579. L.: Public Record Office, 1894. 742 p.

A FAILED CIRCUMNAVIGATION OF «ELIZABETH»

Mikheev Dmitry Vladimirovich, candidate of historical sciences,
associate professor of World History Department; associate professor of World History and Area Studies Department
Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation);
Pskov State University (Pskov, Russian Federation)

Abstract. The second circumnavigation, accomplished by the Englishman under the leadership of Francis Drake, followed the expedition of Magellan to one of the most important enterprises of the Age of Discovery. The expedition members who returned with Drake on the «Golden hind» became heroes and were enriched by the robbery of the Spanish colonies on the Pacific coast of America. However, another ship was able to return to England under the command of Captain Winter. We can judge about his journey, relying on the few reports and diaries of two members of the crew of «Elizabeth» – notes of John Cook and more detailed notes of Edward Cliff. The Vice-Admiral's ship «Elizabeth», having lost the flagship of the expedition, was thrown back into the Strait of Magellan and returned to its homeland across the Atlantic, without having made a circumnavigation. The choice of the way back and the refusal to continue the expedition was the sole decision of Captain Winter. Attempts to go along the Brazilian coast in order to achieve profitability by means of trade or robbery led to serious losses among the crew and the prosecution of the Captain Winter. Probably for this reason British studies don't pay any serious attention to the journey of «Elizabeth».

Keywords: circumnavigation; Anglo-Spanish relations; Portuguese colonies; New World; Brazilian coast; Strait of Magellan; South Sea; he Atlantic; Francis Drake; Francis Fletcher; John Cook Edward Cliff; Peter Carder; Bernardino de Mendoza; Elizabeth Tudor; Captain Winter.

УДК 93/94
DOI 10.24411/2309-4370-2019-11205
Статья поступила в редакцию 11.01.2019

УЧАСТИЕ АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛАЗАРЕВСКОГО ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

Аветисян Владимир Рудольфович, кандидат исторических наук,
заведующий отделом публикации документов
Государственный архив Ставропольского края (г. Ставрополь, Российская Федерация)

Аннотация. Институт восточных языков (Лазаревский институт) на протяжении своего существования (1815–1921) претерпел ряд преобразований, а именно: начав свою деятельность с частного училища, он достиг статуса государственного высшего учебного заведения. Понимая особую роль религии в сохранении этнических особенностей армянской нации в условиях отсутствия государственности, видные российские общественные и государственные деятели Лазаревы способствовали укреплению статуса церкви в стенах института. Представители Армянской Апостольской церкви (ААЦ) оказывали всяческое содействие образовательному и воспитательному процессу сначала в училище, а затем и в институте. Апогеем стало юридическое закрепление в 1841 г. прав ААЦ на непосредственное участие в осуществлении руководства институтом и получение католикосом статуса почетного члена института. Многие армянские священнослужители внесли существенный вклад в развитие образовательного учреждения, выступая гарантом культурных основ армянского народа. При содействии церкви в Лазаревском институте действовали новые направления, учреждались стипендии и публиковалась литература. Полученные в ходе исследования материалы могут служить основой для дальнейшего изучения роли церковных организаций в образовательной жизни средних и высших учебных заведений страны.

Ключевые слова: Армянская Апостольская церковь; Армяно-григорианская церковь; Лазаревский институт восточных языков; Армянское московское училище; Лазаревы; образование; духовное отделение; специальные классы; церковные стипендии; армянская община; Москва; Католикос всех армян Ефрем; патриарх Нерсес.

Представители семейного рода Лазаревых вошли в историю России второй половины XVIII–XIX вв. не только как видные государственные деятели и предприниматели, но и как крупные благотворители и меценаты. Благодаря их деятельности, в 1815 г. в Москве состоялось открытие Армянского московского училища, преобразованного в 1827 г. в Лазаревский институт восточных языков и отнесенного правительствующим указом 1835 г. «во второй разряд правительственных учебных заведений» [1, л. 2]. За свою чуть более чем вековую историю институт стал крупнейшим армянским образовательным учреждением Российской империи, в котором отдельную роль играла Армянская Апостольская церковь (в дореволюционной историографии именуемая также как Армяно-григорианская церковь).

История изучения Лазаревского института как образовательного учреждения XIX – начала XX вв. ранее не раз затрагивалась в трудах советских и постсоветских отечественных историков, в первую очередь в трудах А.П. Базиянца [2], А.А. Игнатяна [3], Ж.А. Ананян [4], С.М. Саядова [5] и др. Несмотря на это, в настоящее время существует ряд аспектов, требующих более детального изучения, в частности – оценка роли Армянской Апостольской церкви в деятельности Лазаревского института, что и послужило целью данного исследования.

Община и церковь

Прежде чем определять основные направления деятельности Армянской Апостольской церкви (ААЦ) в стенах института, необходимо выявить исторические предпосылки, способствовавшие приобщению церкви к управлению столичным образовательным учреждением. С этой целью обратимся к рассмотрению армянских общин Москвы и Санкт-Петербурга, которые уже во второй половине XVIII в. начали активно развиваться.

Говоря об истории армянских общин двух столиц, исходя из проблематики заявленной темы, следует более детально остановиться на вкладе в их развитие представителей семьи Лазаревых. Важным фактором в сохранении и развитии этнической самобытности общины Лазаревы считали духовное воспитание армянского народа, достичь которого можно было через церковь. Так, на средства главы семьи Лазаря Назаровича Лазарева (1700–1782) и его старшего сына Ивана Лазаревича (1735–1801) в Санкт-Петербурге на Невском проспекте в 1771 г. была построена армянская церковь, названная в честь Св. Екатерины. Позже, в первой половине XIX в., духовный пастырь и знаток армянской литературы отец Хорен основал при церкви хор, состоявший из молодых людей, обучавшихся в средних и высших учебных заведениях Санкт-Петербурга.

После смерти Ивана Лазаревича строительство армянских церквей продолжил его брат Мина Лазаревич Лазарев (1737–1809). Благодаря его активной общественной позиции, в 1808 г. на Ваганьковском поле в Москве состоялось открытие церкви Сурб Арутюн (Воскрешения Христова), рядом с которой расположилось «армянского исповедания кладбище» [6, с. 9]. Мина Лазаревич считался сторонником пророссийской ориентации Армении и всячески содействовал присоединению закавказских областей к Российской империи. Возможно, благодаря именно этим заслугам правительство не препятствовало строительству церквей под его руководством. Также примечателен и тот факт, что с 1801 по 1809 гг. он занимал должность попечителя армянских церквей Москвы и Петербурга и представителя всех армян в столице России. Младший из Лазаревых – Христофор Лазаревич (1741–1774), как и старшие братья, занимался храмовым строительством в Москве. Однако при сооружении одного из них простудился и вскоре умер. Открытие вышеназванных соборов имело важную историческую значимость, поскольку вплоть до начала XIX в. армянские религиозные учреждения страны не были признаны юридическим лицом, за которым закреплялись бы официальные имущественные права.

Отношение к армянским религиозным организациям начало изменяться только во второй трети XIX в., когда Указом императора Николая I от 11 марта 1836 г. было утверждено «Положение об управлении делами Армяно-Григорианской Церкви в России» [7, с. 600–601], согласно которому Армянская церковь могла претендовать на собственное церковное имущество. Во многом такие колебания в правительствующих кругах объясняются общей внешнеполитической обстановкой и были связаны с интересами российского государства в Закавказье. Тем не менее процесс объединения армян и появление в разных русских городах страны армянских храмов свидетельствовали об укреплении позиции Армянской Апостольской церкви в России. Таким образом, следует сделать вывод, что в сохранении духовных основ армянской нации Лазаревы уделяли особое место именно церкви.

Участие в управлении институтом

Представители семьи Лазаревых одной из своих задач видели способствование интеграции армянского населения в российское общество и приобщении его к русской передовой культуре (с присоединением в 1828 г. Эриванского ханства к России данное стремление стало более актуальным). Один из главных способов осуществления задуманного они видели в образовании. Уже во второй половине XVIII в. Иван Лазаревич Лазарев приступил к разработке проекта организации образовательного учреждения, в котором дети из армянских семей смогли бы получить достойное по тем временам образование. Уникальностью данного учреждения должно было стать осуществление интеграции армянских детей в российское общество при сохранении этнических особенностей. Иван Лазаревич скончался в 1801 г., так и не успев осуществить начатое. Его идеи воплотил в жизнь брат – Иоаким Лазаревич, который на средства, оставленные братом, открыл в 1815 г. в Армянском переулке города Москвы Армянское Московское господ Лазаревых Училище [8, л. 3–5].

В фондах центральных архивов Москвы (Российский государственный архив древних актов, Центральный государственный архив Москвы) и Санкт-Петербурга (Российский государственный исторический архив) сохранились уникальные документальные свидетельства об истории формирования и развития Лазаревского института восточных языков. Благодаря анализу накопленного в архивах материала можно проследить роль Армянской Апостольской церкви в образовательном процессе института с момента его учреждения. Условно ее можно подразделить на следующие категории: участие в управлении институтом, деятельность духовного отделения института, церковные стипендии, публикационная деятельность. Рассмотрим каждое направление подробнее.

В 1815 г. в Армянском московском училище начались первые занятия. Для работы в училище Лазаревы пригласили священнослужителя ААЦ Артемия Мануковича Аламдаряна (1796–1834), который самостоятельно вел все предметы. Исключением являлось лишь преподавание русского языка, для которого приглашался отдельный преподаватель [9, с. 2]. Заслуга А.М. Аламдаряна заключалась в том, что он подготовил русскую грамматику, понятную для воспитанников армянского происхождения.

На протяжении всего своего существования детище Лазаревых не раз наталкивалось на противоборство со стороны Министерства народного просвещения, не заинтересованного в развитии сначала училища, а затем – института. С целью обезопасить учебное заведение от нападок министерства Лазаревы, при поддержке Армянской Апостольской церкви, старались находить влиятельных покровителей. Так, в 1824 г. в адрес императора Александра I поступило письмо, подготовленное И.Л. Лазаревым и Католикосом всех армян Ефремом. В нем адресаты обращались к главе государства с просьбой о присвоении Армянскому московскому училищу определенных прав и назначении покровителем учебного заведения графа А.А. Аракчеева (Католикос хорошо понимал значимость фигуры графа в российском государстве). В письме отмечалось: «Армянская нация пылает духом верности к благословенной державе Всероссийской… я приемлю дерзновение с благоговением всеподданнейше просить Ваше Императорское величество… даровать оной Президента Его Святительство генерала от Артиллерии графа Алексея Андреевича Аракчеева» [10, л. 2]. Немногим позже Католикос всех армян Ефрем повторно обратился с подобной просьбой. В письме от 12 мая 1824 года он писал: «…я соединяю мольбу мою со всеми верными церкви нашей Армянами, дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества соизволением… звание президента возложено было на Графа Алексея Андреевича Аракчеева» [11, с. 129]. Данное стремление принесло свои плоды, и 30 июня 1825 г. граф А.А. Аракчеев был назначен на должность покровителя училища. Однако через два года он сложил с себя полномочия.

В 1827 г. Армянскому московскому училищу были дарованы новые права и статус, а само училище преобразовано в институт с официальным наименованием – «Армянский Лазаревых институт восточных языков». Новшества требовали особого покровителя, которым, по мнению Лазаревых, мог стать шеф жандармов генерал-адъютант граф Александр Христофорович Бенкендорф (1782–1844) [12, л. 440]. Как и ранее, союзником Лазаревых в решении данного вопроса выступила Армянская Апостольская церковь. 13 января 1828 г. в адрес императора Николая I поступило прошение армянского епархиального архиепископа Иоанесса с просьбой о назначении на вакантную в Лазаревском институте восточных языков должность главного начальника графа А.Х. Бенкендорфа. Архиепископ Иоанесс писал: «Я соединяю мольбу со всеми верными церкви нашей Армянами, дабы Высочайшим соизволением Главного Начальника над восточным сим институтом возложено было ныне на Генерал-Адъютанта Вашего Императорского Величества Александра Христофоровича Бенкендорфа» [11, с. 134]. Выбор Бенкендорфа на данную должность окажется одним из самых удачных. За 16 лет пребывания на своем посту он будет не только содействовать развитию института, но и сможет сохранить статус крупнейшего армянского образовательного учреждения.

Осознавая значимость Армянской Апостольской церкви в деятельности учебного заведения, члены семьи Лазаревых стремились расширить права церкви в стенах института, которые официально были закреплены в новом уставе, принятом 10 мая 1848 г. Согласно тексту документа особое внимание теперь уделялось подготовке юношей для армянского духовенства, а патриарх и католикос всех армян объявлялся почетным членом института и входил в его правление [13, л. 6–6 об.]. В дополнение к прочему за церковью закреплялось право назначения попечителя института в случае пресечения рода Лазаревых.

Параллельно представители армянского духовенства занимались поиском новых кадров для института. В личном фонде Лазаревых сохранилось письмо архиепископа Нерсеса в адрес руководства института, в котором священнослужитель просит принять на должность инспектора преподавателя из Тифлиса С. Тер-Аветисяна. Отмечая качества кандидата, он подчеркивал его «религиозное нравственное влияние на учеников…» [14, л. 9 об.].

Духовное отделение

В 1841 г. при содействии Армянской Апостольской церкви в Лазаревском институте восточных языков состоялось открытие духовного отделения как «особого отделения для образования юношества духовного звания…» [15, л. 54]. Это позволяло детям из несостоятельных семей армянских священнослужителей получать не только светское, но и теологическое образование.

Текст проекта будущего духовного отделения был разработан к 1840 г. и направлен на рассмотрение святейшему Эчмиадзинскому Верховному патриарху Нерсесу, который вскоре подписал его. Получив одобрение патриарха, главный начальник Лазаревского института А.Х. Бенкендорф направил министру внутренних дел А.Г. Строганову прошение об открытии нового отделения. В ответе на обращение главного начальника института, полученном 14 марта 1841 г., отмечалось, что с целью «улучшения состояния Армянской церкви и образования его духовенства» [11, с. 151] Указом Правительствующего Сената от 4 марта 1841 г. принято решение учредить в Лазаревском институте особое отделение по подготовке юношей для вступления в духовное звание [16, л. 189–191].

В стенах самого института новые положения были закреплены в своде правил, утвержденных 31 ян-

варя 1841 г. [16]. Согласно новым поправкам Лазаревский институт восточных языков обязывался готовить «юношей из духовного сословия Армяно-Григорианского исповедания для службы по духовному ведомству» [17, с. 87].

Уникальность Лазаревского института заключалась в его многопрофильности, которая сочетала в себе как светское, так и теологическое образование. В Уставе специально для воспитанников, обучающихся с целью дальнейшего посвящения себя духовному званию в рамках Армянской Апостольской церкви, в дополнение к основным предметам (русскому и армянскому языкам, математике, истории, Закону Божьему по армянскому образцу и др.) [13, л. 8], было прописано преподавание истории церкви, Священного Писания и догматического богословия.

Указывая на особенности приема воспитанников в духовное отделение института, отметим, что одним из обязательных требований являлось закрепленное в Уставе хорошее владение русским языком, поэтому при поступлении необходимо было «представлять свидетельство о достаточном знании ими русского языка» [17, с. 87]. Это свидетельствует о заинтересованности Лазаревых в скорейшей адаптации, в том числе и представителей армянского духовенства.

Специальные классы

Говоря о специфике образовательного процесса в Лазаревском институте, следует остановиться также на специальных классах, организованных в 1871 г. Согласно тексту Устава они относились к высшим учебным заведениям, изучающим восточные языки. Примечателен тот факт, что при специальных классах значился Совет, состоящий из директора и инспектора. В качестве почетного члена в Совет избирался и «Верховный Патриарх – Католикос армянского народа» [18, с. 1145].

Стипендии для воспитанников духовного отделения

Воспитанниками Лазаревского института восточных языков в основном становились дети из несостоятельных армянских семей, а это, в свою очередь, требовало серьезного финансирования со стороны благотворителей. К середине XIX в. в учебном заведении уже существовал ряд стипендий, учрежденных частными лицами, в том числе и самими Лазаревыми. С открытием духовного отделения возникла потребность в дополнительных стипендиях, распространявшихся только на воспитанников данного направления. В документах Центрального государственного архива Москвы сохранилось обращение в Совет Лазаревского института некоего П.В. Сариева с прошением о приеме на бесплатное обучение его сына. Однако, в связи с отсутствием свободных стипендий светским воспитанникам, в просьбе ему было отказано. Совет института сообщил о продолжении приема на бесплатное обучение только детей армянских священнослужителей, которые по завершении обучения должны будут «посвятить себя в духовное звание» [19, л. 40].

С целью увеличения приема новых воспитанников в духовное отделение и их материального обеспечения, Совет Лазаревского института при участии Армянской Апостольской церкви обратился к армянским церковнослужителям с предложением их сыновьям поступить на обучение в институт, если они «согласные посвятить себя церковному служению» [19, л. 39]. Среди основных требований, предъявляемых к кандидатам, значились «умение читать и писать на армянском и русском языках», а также знание первых четырех действий арифметики [19, л. 39]. Для них также устанавливались и возрастные ограничения от 10 до 13 лет. Из этого следует, что члены правления Лазаревского института были не только заинтересованы в увеличении количества воспитанников, но и стремились критически подходить к отбору кандидатов.

Распространение религиозной литературы

29 июня 1829 г. при Лазаревском институте восточных языков начала действовать типография [20, с. 222]. Для образовательного процесса ее открытие имело важнейшее значение, т.к. литературу на армянском языке институт теперь во многом печатал сам, а не привозил из Закавказья. Вскоре наравне с учебной литературой в типографии начали издавать и религиозную.

В архивном фонде Лазаревского института восточных языков в ЦГАМ сохранилось письмо попечителя института И.И. Лазарева от 27 декабря 1855 г. № 661, информирующего о прибытии из Парижа книг, изданных по заказу института и на его средства. В числе доставленных книг значился труд «История, догматы, предания и литургия Армянской Восточной церкви», подготовленный известным арменистом профессором Дюлерье и армяно-католическим архимандритом Гавриилом Айвазовским, целью которых было «отличить (Армянскую Апостольскую церковь) от Западно-Армянской католической церкви» [21, л. 2]. Обращая внимание правления Лазаревского института на значимость труда, И.И. Лазарев указывал, что «перевод догматической книги столь необходим для доказательства православия Апостольской древней армянской церкви» [21, л. 9 об.].

24 июля 1856 г. И.И. Лазаревым в адрес директора Лазаревского института Н.Д. Делянова было подготовлено и направлено письмо с перечнем последних трудов, изданных институтской типографией. Среди наиболее значимых изданий указывалась публикация иллюстрированных книг с биографией представителей семьи Лазаревых в количестве 800 экземпляров. В издание были включены такие иллюстрации, как: «Московская Армяно-григорианская церковь», «Санкт-Петербургская Армяно-григорианская церковь», «Переселение армян в Россию» и портреты представителей семьи Лазаревых [19, л. 40].

Выводы

Таким образом, на основе проведенного анализа различных направлений деятельности Лазаревского института восточных языков приходим к выводу, что стремление семьи Лазаревых приобщить Армянскую Апостольскую церковь к управлению образовательным учреждением следует считать оправданным. Благодаря участию церкви в жизни института, удалось не только сохранить особенности национальной идентичности у воспитанников армянского происхождения, но и выступить защитником интересов Лазаревского института как одного из центров арменоведения в Российской империи. При их содействии в учебном заведении открывались новые направления, стала публиковаться религиозная литература, учреждались новые стипендии. В истории Лазаревского института восточных языков участие Армянской Апостольской церкви стало одним из элементов уникальности и многопрофильности образовательного учреждения.

Список литературы:

1. Российский государственный исторический архив. Ф. 880. Оп. 2. Д. 168.
2. Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М.: Издательство «Наука», 1973. 224 с.
3. Игнатян А.А. История Московского Лазаревского института восточных языков (арм.): дис. … канд. пед. наук: 13.00.01. Ереван, 1969. 186 с.
4. Ананян Ж.А. Лазаревский институт восточных языков в контексте русского Просвещения // Человек эпохи Просвещения. 1999. № 4. С. 202–218.
5. Саядов С.М. Лазаревы и история армянского народа // Вторые Лазаревские чтения по истории армян России, 25–27 ноября 2003. М., 2006. С. 191–200.
6. Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1855. 149 с.
7. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1898. 940 с.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1252. Оп. 1. Д. 331.
9. Материалы для истории Лазаревского Института восточных языков, издаваемые иждивением г. попечителя князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева. М., 1914. Вып. 1. 20 с.
10. РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 262.
11. Кананов Г.И. Семидесятипятилетие Лазаревского Института восточных языков. 1815–1850 гг. М.: Тип. А.А. Гатцука, 1891. 256 с.
12. Дмитриев А.А. Пермские земледельцы Лазаревы и их преемники князья Абамелеки // Исторический вестник. 1893. Т. 52, № 5. С. 425–447.
13. РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 263.
14. РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 300.
15. РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 17.
16. РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 390.
17. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1841. Т. 16, № 14235. 924 с.
18. Высочайше утвержденный устав Лазаревского института восточных языков // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1875. Собрание 2-е. Т. 47. Ч. 2. № 51655. 1276 с.
19. Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 213. Оп. 1. Д. 98.
20. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. 458 с.
21. ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 7.

PARTICIPATION OF THE ARMENIAN APOSTOLIC CHURCH IN THE EDUCATIONAL AND ADMINISTRATIVE ACTIVITIES OF LAZAREV INSTITUTE OF ORIENTAL LANGUAGES

Avetisyan Vladimir Rudolfovich, candidate of historical sciences, head of Publication Department
State Archive of the Stavropol Krai (Stavropol, Russian Federation)

Abstract. The Institute of Oriental Languages (Lazarev Institute) throughout its existence (1815–1921) has undergone a number of transformations, namely, having started its activity from a private school, it achieved the status of a state higher educational institution. Understanding a special role of religion in preserving the ethnic characteristics of the Armenian nation in the absence of statehood, prominent Russian public and state figures of Lazarev contributed to strengthening the status of the church within the walls of the institute. Representatives of the Armenian Apostolic Church (AAC) provided all possible assistance to the educational process, first at school, and then at the institute. The apogee in 1841 became the legal consolidation of the rights of the AAC to directly participate in leading the institute and obtaining the status of the honorary member of the institute by the Catholicos. Many Armenian clergies have made a significant contribution to the development of the educational institution, acting as a guarantor of the cultural foundations of the Armenian people. With the assistance of the church, new directions acted at the Lazarev Institute, scholarships were established, and literature was published. The materials obtained during the research can serve as a basis for further studying the role of church organizations in the educational life of secondary and higher educational institutions of the country.

Keywords: Armenian Apostolic Church; Armenian Gregorian Church; Lazarev Institute of Oriental Languages; Armenian Moscow School; Lazarev; education; spiritual department; special classes; church scholarships; Armenian community; Moscow; Catholicos of All Armenians Efrem; patriarch Nerses.

УДК 343.812 (091) (470.56)
DOI 10.24411/2309-4370-2019-11206

Статья поступила в редакцию 12.01.2019

ОБЩЕУГОЛОВНЫЕ ТЮРЬМЫ РОССИЙСКОМ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Кузнецова Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии
Оренбургский государственный аграрный университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. В статье предпринята попытка на основе архивных и опубликованных материалов дать краткую характеристику состояния общеуголовных тюрем Российской империи в XIX в. на примере Оренбургской губернии. В первой половине XIX веке многие тюремные здания находились в ветхом состоянии, при этом большинство из них были деревянные. Заключённые страдали от перенаселения камер, не разделялись по полу и возрасту, больные содержались вместе со здоровыми, голодали, жили подаянием. Очень часто помещениями для тюрем служили частные наёмные дома. Медицинский персонал в тюрьмах отсутствовал, случались

УДК 378

ВОПРОСЫ ИНТЕНСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ (АРМЯНСКОЙ) АУДИТОРИИ

Айрапетян Наира Львовна
кандидат педагогических наук, доцент
преподаватель кафедры русского языка
Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна
г. Ереван, Республика Армения

Аннотация. В статье обосновывается необходимость изменения подхода к изучению русской орфографии в качестве конкретного объекта изучения в армяноязычной аудитории. В целях интенсификации процесса обучения и формирования стойких орфографических навыков как доминирующего компонента грамотного письма очевидна необходимость разработки и применения нестандартных приемов презентации материала, выработки умений и навыков на основе сопоставительно-типологического анализа и перевода сходных языковых фактов в русском и армянском языках.

Ключевые слова: орфография, интенсификация, интерференция, перевод, сопоставление.

Традиционно основной задачей при изучении русского языка как иностранного является первоочередное овладение устной речью, поскольку на первом плане всегда находятся вопросы коммуникативной компетенции учащихся. Исходя из этого, уроки русского языка в национальных общеобразовательных школах имеют четко направленный коммуникативный характер, и это правильно, если подходить к проблеме обучения русскому языку как иностранному. Однако требования, предъявляемые сегодня к уровню владения языком, не могут и не должны ограничиваться только умением выражать мысли средствами изучаемого языка.

В школьной и вузовской практике преподавания орфографии русского языка все более усиливается осознание необходимости интенсификации процесса обучения, новых подходов к процессу формирования орфографических умений. В частности, с учетом целей и условий обучения в задаче обучения грамоте выдвигается на первый план усвоение, закрепление орфографического материала на основе активизации возможностей учащихся, в основу которой положен сопоставительно-типологический и контрастивный анализ языковых фактов родного и изучаемого языков.

Социально-экономические преобразования и их прогнозируемые последствия, характерные для образованных на постсоветском пространстве государств, в первую очередь затронули подрастающее поколение. Врачи, психологи, учителя отмечают, что за последние годы возросло число школьников со слабой памятью. Ученики часто жалуются на то, что добросовестно готовятся к урокам, учат заданный материал, выполняют письменные задания, но запомнить материал и тем более применить его в другой ситуации не могут. Усилия методистов, учителей, преподавателей-практиков направлены на обучение учащихся-армян устной русской речи, выработку умения понимать устную русскую речь в естественном темпе и выражать мысли средствами изучаемого языка. Умение это вырабатывается уже на начальном этапе обучения, совершенствуется и превращается в навык на последующих этапах. Умение грамотно писать также вырабатывается на всех этапах обучения, и предполагается, что оно должно превратиться в навык в самом курсе обучения, однако практика показывает, что достаточный уровень умений не формируется, в навык они не превращаются, а результативность практикуемых приемов обучения дает временный эффект. Подобное положение дел не в последнюю очередь объясняется тем, что традиционные методы обучения письму не оправдывают

себя, особенно с учетом немотивированной адаптации в школьных учебниках орфографических правил, без учета реальных последствий их «сужения».

При всей бесспорности коммуникативной направленности уроков русского языка в армянской школе очевидно, что работа над формированием навыков грамотного письма требует иного, более серьезного подхода. Трудно не согласиться с мнением учащихся и учителей, признающих недостаточность сообщаемых в школьных учебниках теоретических основ правописания, которые, как правило, подкрепляются одним (реже двумя) упражнениями, недостаточность учебного времени, отведенного на изучение орфографии. Неудивительно, что усвоение орфографических знаний, а также формирование орфографических умений вызывает у обучающихся серьезные трудности.

Изучение программных тем в связи с основной задачей обучения русскому языку как иностранному следует проводиться с учетом необходимости владения русским языком в полном объеме, в том числе и грамотным письмом. Что касается умения правильного употребления графических средств при передаче на письме звучащей речи в соответствии с правилами написания, то модернизация системы образования должна стать порождением новых подходов и методов обучения с учетом необходимости владения грамотной письменной русской речью. Сегодня очевидна необходимость поиска, разработки и применения новых методических приемов формирования и развития необходимых навыков, которые, будучи достаточно эффективными, соответствовали бы актуальным требованиям учебного процесса, способствовали бы его интенсификации.

На существенное повышение уровня грамотности письма оказывает влияние интенсификация обучения, применение в учебном процессе нетрадиционных методов, отличающихся от обычных не только сроками обучения, но и возможностью широкого использования всех возможных каналов воздействия на сознание обучаемых. Это, в свою очередь, предполагает изменение подходов к содержанию обучения, введение соответствующих средств и приемов обучения с учетом контингента и требований, предъявляемых к уровню владения устной и письменной русской речью, а также разработку, совершенствование и использование в учебном процессе инновационных технологий.

Разработка методов интенсивного обучения орфографии и их введение в учебный процесс следует проводить с учетом реальных возможностей учащихся. При выборе метода необходимо учитывать следующие факторы: слабую память учащихся, проблемы с запоминанием учебного материала; отсутствие в школьных учебниках по русскому языку достаточного и понятного учащимся теоретического и практического орфографического материала; наличие «языкового» барьера; отсутствие условий для приобретения навыков свободного общения на русском языке, предельную ограниченность сферы пользования русским языком; ограниченное количество часов, отведенных в школах на изучение русского языка, в том числе орфографии; нелюбовь к чтению; вторичность письменной речи по отношению к устной; ограниченные возможности реализации принципа единства языковой теории и речевой практики и практики письма.

Серьезным препятствием в понимании аудированной информации и затрудняющем осуществление основной цели – формирование навыков грамотного письма – является недостаточный базовый уровень обучающихся. На практике нам приходится работать с учащимися, которые не понимают звучащие на русском языке слова, а следовательно, и смысл прочитанного или аудированного текста, не различают подвижное русское ударение, не владеют техникой синтетического чтения, в среднем в диктантах (200-220 слов) допускают от пятидесяти до ста и более орфографических и пунктуационных ошибок, большая часть которых вызвана неразличением звука и буквы, незнанием фонетических законов и орфоэпических норм русского литературного языка. Разве может грамотно писать ученик, не различающий звук и букву, не знающий, как написать то, что слышит? В условиях искусственного двуязычия в таком положении оказываются учащиеся, перед которыми стоит трудная задача овладения навыками грамотного письма.

Недопустимо низкий уровень орфографической грамотности наблюдается не только у подавляющего большинства учащихся средних школ, но и многих студентов, магистрантов, дипломированных специалистов. В связи с переходом высших учебных заведений республики на кредитную систему обучения, предусматривающую уменьшение количества аудиторных часов на изучение русского языка, существенно ограничиваются возможности студентов, желающих углубить знания по русскому языку, ограничиваются их возможности в достижении конечной цели – овладение устной и письменной речью на русском языке на более высоком профессиональном уровне, в том числе и умение писать рефераты, статьи, рецензии, курсовые, дипломные работы и т.д.

Обучение грамоте изучаемого языка в сложившихся условиях предполагает качественно иной подход к объекту изучения (орфографии) по сравнению с существующим. Поэтому вполне естественна необходимость введения такого курса, в котором учащимся будет представлена необходимая сумма знаний, сформирована достаточная лингвистическая компетенция, позволяющая выработать умение анализировать отдельные элементы текста или речевого сообщения – слов, их форм, словосочетаний, предложений на основе знания правил написания орфограмм и постановки пунктограмм.

Какие же в условиях жесткого лимита времени применять методические приемы, которые гарантировали бы усвоение материала всеми (даже слабыми) учащимися? И в методике, и в практике преподавания русского языка вопрос активного использования родного языка и применения приемов перевода и сопоставления языковых явлений контактирующих языков рассматривается только с точки зрения коммуникативно-деятельностного характера обучения. Между тем в процессе обучения недооцениваются возможности применения и практическая значимость использования конкретных фактов армянского языка при обучении русской грамматике и правописанию.

С учетом слабой степени владения устной русской речью и невладения учащимися навыками грамотного письма, большого объема необходимого для изучения материала и временного фактора наиболее эффективным при обучении русской орфографии (особенно на начальном этапе) является использование приема перевода и сопоставления языковых фактов изучаемого и родного языков.

Во-первых, предлагаемые приемы обучения отражают поставленные цели, выбор практикуемых приемов прямо связан с материалом обучения, трудностями его усвоения учащимися-армянами.

Во-вторых, это такие методические приемы, которые позволяют интенсифицировать учебный процесс, сделать его более доступным и легким способствуют формированию не нарушаемых во времени орфографических навыков.

Наконец, особо привлекательным, как доказывает практика, является тот факт, что создается особая атмосфера психологического комфорта; использование сформированных при изучении родного языка навыков минимизирует влияние интерференции и не связано с формированием новых, отличных от уже имеющихся навыков владения родной речью и письмом.

Таким образом, целесообразность интенсификации процесса обучения с использованием знаний по родному языку заключается в возможности более продуктивного решения конкретных задач.

Следующий вопрос заключается в том, по каким критериям отбирается материал для интенсивного курса. Отбор языкового материала определяется конкретными задачами, целями и принципами интенсивного курса. Основной задачей становится усвоение материала на основе понимания сущности языковых явлений, сопоставления, формирования системы знаний, основанной на аналитической деятельности. Критерием отбора языкового материала выступает значимость для письма, необходимость предоставления учащимся того учебного материала, незнание которого становится причиной ошибочного написания значительного количества слов. Задача концентрации

материала имеет принципиальное значение для отбора и объединения того учебного материала, усвоение которого поможет учащимся правильно писать слова на основе знания фонетических и орфоэпических норм, орфографических правил, а также по аналогии с языковыми фактами родного языка до специального изучения правил и для составления упражнений.

Отбор материала проводится с учетом критериев актуальности, доступности, экономичности и ценности для письма, а также с учетом интерференции и обязательного учета возможностей позитивного переноса при взаимодействии родного и изучаемого языков. С точки зрения объема предлагаемый материал небольшой, но очень важный в орфографическом плане. Критерий актуальности предполагает отбор языкового материала, необходимого и достаточного для формирования орфографических умений, критерий доступности обеспечивается обучением орфографии, в том числе и на основе аналогичных явлений в родном языке, легких и доступных для запоминания и применения каждым, даже слабым учащимся. В целях экономии учебного времени в интенсивный курс вводятся лексические единицы, значимые для демонстрации фонетических, орфоэпических явлений, орфографических правил и трудные для написания.

Поскольку проводимая в интенсивном курсе работа над языковым материалом ориентирована на минимизацию частотных орфографических ошибок учащихся, вызванных в основном интерференцией, постольку доступность материала и экономичность его презентации обеспечивают максимальную активность учащихся в рамках минимального учебного времени. Отбор языкового материала в предлагаемом интенсивном курсе определяется:

– целью обучения;
– интенсификацией;
– влиянием устной и письменной речи на родном языке на орфографию изучаемого языка.

Основными лингвистическими принципами отбора фонетического, орфоэпического, лексического, орфографического и грамматического материала являются:

– частотность языкового явления в упражнениях, текстах для диктантов, изложений;
– знание правил, регулирующих то или иное написание;
– умение графической фиксации слов в случаях отсутствия соответствующих правил;
– умение оперировать словом, данной моделью;
– умение расширять модель (составлять словосочетания и предложения);
– доступность усвоения материала на данном этапе;
– языковое мышление учащихся.

Список литературы

1. *Айрапетян Н.Л.* Русский язык. Орфография / Н.Л. Айрапетян. – Ереван: Авторское издание, 2014. – 574 с.

2. *Зильберман Л.И.* Интерференция языков и методика преподавания иностранного языка на основе родного / Л.И. Зильберман // Преподавание иностранных языков и его лингвистические основы. – М., 1972 – С. 23.

3. *Керквуд Г.У.* Перевод как основа контрастивного лингвистического анализа / Г.У. Керквуд // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. – М. Прогресс, 1989. – 341 с.

4. *Леонтьев А.А.* Психология и методика интенсивного обучения иностранным языкам / А.А. Леонтьев. – М.: НИИОП, 1978. – 79 с.

7. *Петров Е.* Филипп Дзядко: «Быть чисто медиа неинтересно, быть университетом еще рано»// Colta. 2015. 24 февр. URL: https://www.colta.ru/articles/media/6395.

8. *Третьяков А.* Фэнзины: анатомия протеста // Эксперт. Северо-Запад. 2013. № 41(628). URL: http://expert.ru/northwest/2013/41/fenzinyi-anatomiya-protesta/.

9. *Яблоков А.* Весь ужас бытия // Журналист. 2017. № 9. URL: https://jrnlst.ru/pavel-nikulin.

Д. В. Петросян
Ереванский государственный университет

Субъективное время в современных армянских медиатекстах

В статье анализируется ряд проявлений субъективного времени в армянских медиатекстах на тему Бархатной революции в Армении в апреле — мае 2018 г. Посредством анализа структурных компонентов субъективного времени выявлены некоторые тенденции. Исследуется прошлое в политических оценках, отмечено, что оно окрашено в основном в отрицательные тона. Выявлено: образ будущего не имеет четкого описания; важную роль при этом играют психологические переживания. Рассматривается связь прошлого и будущего с настоящим как объединяющая концепция материалов, которую авторы воплощают с помощью специальных творческих приемов.

Ключевые слова: субъективное время, армянский медиатекст, прошлое, настоящее, будущее.

D. V. Petrosyan
Yerevan State University

Subjective time in current Armenian media texts

The article examines a number of manifestations of subjective time in the Armenian online press reactions to the Velvet Revolution in Armenia in

April — May 2018. By analyzing the structural components of subjective time, some trends have been identified. The past in political assessments is presented mainly in negative colors. The image of the future is not clear while psychological experiences play an important role. The past and the future are being united by the present, which the authors portray using peculiar tools. It is in their integrity that the subjective time in the Armenian media texts is perceived.

Keywords: subjective time, Armenian media texts, the past, the present, the future.

Среда обитания журналистики определяется, кроме прочего, временем ее существования. Бытует традиционное восприятие времени: время — это жизнь души [16]. И если это так, то душевные переживания могут стать основой для субъективного времени индивида и его отражения в СМИ.

Понятие это уже давно находится в поле зрения философов, психологов, культурологов. Глубокое понимание субъективного времени прослеживаются в работах Августина, Э. Канта, Э. Гуссерля, А. Бергсона, М. Хайдегера [4; 9; 17]. В их дискурсах очерчено обобщенное восприятие данного измерения бытия: «Время принадлежит не только внешнему миру, но и внутреннему миру человека. Человек не только познает время, но и переживает его существование» [19, с. 103]. Внутренние переживания времени формируют настоящее индивида, и это настоящее связано с прошлым воспоминаниями, а с будущим оно связано надеждами [12, с. 132].

Восприятие субъективного времени следует рассматривать в этом аспекте. Оно синтезируется в человеке в тесной связи с социально-политическими, культурными событиями и их влиянием на личность. Медиа, как ключевой фактор коммуникации и распространении информации, находятся в центре подобных метаморфоз: воплощения субъективного времени здесь всегда звучат в контексте современности. Целью данного исследования является анализ фактора субъективного времени в армянских

медиатекстах в свете «бархатной революции» апреля-мая 2018 г. Учитывая, что круг материалов для анализа весьма широк, мы решили сосредоточиться только на аналитических публикациях.

Несколько слов об Апрельской, или Бархатной революции в Армении. В конце марта 2018 г. оппозиционный политический деятель, депутат Национального собрания Никол Пашинян с группой единомышленников (в рамках инициативы «Мой шаг») начал шествие из города Гюмри в Ереван в знак протеста против решения Республиканской партии предоставить бывшему президенту Сержу Саркисяну должность премьер-министра. С 13 апреля в течение десяти дней в Ереване разворачивались действия гражданского неповиновения, перешедшие во всенародное движение. Под его давлением 23 апреля С. Саркисян подал в отставку.

Далее акции движения продолжались на Площади Республики. 1 мая республиканцы, которые составляли абсолютное большинство в Национальном собрании, провалили избрание Никола Пашиняна на пост премьер-министра. Однако под протестным давлением вскоре уступили, 8 мая Пашинян был избран на эту должность. Внутриполитическая жизнь вошла в новое русло. Пришедшие к власти оппозиционный деятель и его сподвижники теперь стараются претворить в жизнь свои политические и социальные проекты.

Возвращаясь к нашей теме, отметим, что наличие субъективного временнóго измерения в посвященных этим событиям публикациях весьма ощутимо. Их авторы участвовали в событиях, и, естественно, субъективное восприятие преобладало в их интерпретациях и оценках.

Изучение опубликованных в указанный период (апрель-май 2018 г.) более трех десятков материалов привело нас к следующему ключевому выводу: их авторы большей частью были настроены на футуристический лад, то есть их помыслы были обращены в будущее. Психологически этот подход кажется оправданным, поскольку ожидания от революции были велики. Вот что говорят заглавия статей: «Бархатная революция — как состоится процесс передачи власти» (А. Мгдесян), «Когда народ будет жить лучше?»

(Б. Тунян), «Все только начинается: сценарии Бархатной революции в Армении» (А. Галстян)…

Тем не менее аналитический подход также ощущался. Чаще всего он принимал ретроспективную окраску, и это понятно. Оглянуться назад весьма полезно, ибо прошлое таит ответы на многие проблемы настоящего и будущего: «11 дней, изменившие Армению» (М. Хачатрян), «Как Серж Саркисян “сотворил” революцию» (Д. Малхасян) и др.

Осмысление прошлого в контексте субъективного времени. В осмыслении прошлого немаловажную роль играет память, способная выявить причинно-следственные связи важнейших политических, социальных, психологических событий. Однако в памяти наличествуют элементы и личной ретроспекции помнящего. Посему в восстанавливаемой картине прошлого и настоящего много субъективного.

В отдельных материалах прессы единое прошлое раздваивается на давнее и недавнее. Хотя события протекают в той же плоскости субъективного времени автора, они выполняют разные функции. В частности, один из авторов (Ст. Даниелян) приводит опыт из далекого прошлого. Он пишет об Англии XV века, когда принималось правовое решение вопроса об имуществе короля Генриха IV. Суть аналогии такова: Сержу Саркисяну перед революцией хотели безвозмездно предоставить одно из правительственных зданий, которое он пытался оформить в собственность себе как «политическому телу», а не как «физическому телу». Отсюда вывод: в Армении «правовое и общественное сознание о разграничении этих “тел” находится на очень низком уровне» [10]. В ассоциативных размышлениях некоторых авторов давнее и недавнее прошлое сопряжены с теми или иными ключевыми событиями настоящего. Говоря о Республиканской партии, утратившей власть в результате революции, автор мысленно возвращается к Древнему Риму: «Эта партия готова предать огню Армению, как в 64-ом году нашей эры это сделал Нерон. Он поджег Рим, только бы не потерять власти над ним» [1].

В медиатекстах воплощенное прошлое — это не только конкретные события и явления, но и конкретные люди, при безраз-

дельной власти которых преобладали «догматизм и стереотипное мышление», «шаблоны и ложное стремление к модернизации» [11]. Иными словами, субъективное время в авторском понимании охватывает не только событийные, но и аксиологические измерения прошлого. В большей части публикаций политические оценки прошлых лет имеют отрицательные коннотации, что, пожалуй, можно объяснить желанием подчеркнуть значение революции.

Один из способов сопряжения ресурсов субъективного времени — это «риторическая выдумка», а именно попытка окрасить прошлое в цвета будущего и, наоборот, будущее в цвета прошлого. Она ясно прослеживается в статьях ряда авторов. Редакционная статья «Идеальная революция также имеет свою цену» обращает внимание на возникшее по ходу революции недовольство в некоторых слоях общества. Согласно автору, этого и следовало ожидать.

Прошлое, которое обычно изображается в виде свершившихся фактов (перфект), в данном случае получает футуристический оттенок. Как ни странно, оценки автора аргументируется «строго логическими доводами», например, в следующем ключе: если бы на республиканцев не оказывалось психологическое давление (физического насилия во время революции не было), то революция не победила бы, а если бы победила контрреволюция, то «власть попросту подавила бы своих граждан не только психологически, но и физически — под гусеницами танков…» [13]. Так происходит сознательное расширение границ субъективного времени, и текст становится монологическим с оттенками императивнсти.

Образ будущего после революции. В целом, в координатах субъективного времени, в отличие от времени прошлого и настоящего, границы будущего расплывчаты. Оно предстает в картинах, нарисованных в разных тонах, от осторожного пессимизма до эмоционального оптимизма (Г. Аветикян: «Сможем ли войти в пространство настоящего парламентаризма?» [2]; А. Григорян: «Должны быть готовы к такой Армении, наследниками прошлого которой будем мы» [7] и др.). Образ будущего становится особен-

но зримым в тех материалах, где авторы ссылками на известных литературных персонажей пытаются обосновать справедливость своих суждений. В этом отношении примечательна ассоциация с историей о том, как Дон Кихот создавал свой рыцарский образ в бессонной ночи на скотном дворе: «все донкихоты, ни у кого нет времени уединиться, изолироваться и осмыслить, что от вызовов революции нужно избавляться как можно скорее» [6].

Есть ряд статей, авторы которых, кроме публицистических размышлений, предлагают «серьезный анализ» текущих событий и даже обрисовывают собственные сценарии «завтрашнего дня» [20]. В этом случае будущее приобретает более четкие контуры. Причем в основном выдвигаются задачи на ближайшее будущее, поскольку ход грядущих событий революции непредсказуем. «Если хотим избежать судьбы прошлой армянской революции… и построить стабильное, демократически свободное, безопасное и благоустроенное государство, уже сегодня нужно начать осуществлять большой пакет реформ» [20], — пишет А. Чалабян и указывает основные направления реформ: конституционные, избирательные, судебно-правовые, социальные, образовательные.

Настоящее как место встречи прошлого и будущего. Ключевым фактором формирования субъективного времени, без сомнения, является настоящее, в фокусе которого объединяются прошлое и будущее. Настоящее формирует алгоритмы движения времени, подчеркивая важность то прошлого, то настоящего. С этой точки зрения ряд авторов пытается осветить важнейшие события настоящего. К примеру, его обобщенный образ представлен словами четвертого президента страны Армена Саркисяна: «В истории Армении уже имеем новую страницу. Мы живем в Новой Армении…» [18]. В ракурсе субъективного времени (с участием прошлого и будущего) авторы находят новые способы изображения настоящего; мы отметим следующие:

а) наличие внутренних диалогов в медиатекстах. Внутренний диалог позволяет автору общаться со своим внутренним Я. Задаваемые при этом вопросы делают авторский текст живым и динамичным [15, с. 53-59], они обычно формулируются так, как будто и в самом деле происходит диалог в настоящем времени. В

пространстве текста такие вопросы превращаются в заголовки и подзаголовки, предполагающие точные ответы. Одновременно и внутри текста появляются краткие вопросы и ответы: «Кому должны служить они — стране или одному негодному человеку? Ведь великая честь — служить народу, и позор служить одному» [8];

б) воплощение постоянного настоящего в субъективном времени. Это свойственно, в частности, тем текстам, авторы которых ведут речь о революционной эйфории. Они выявляют типичные свойства характера и психологии главного героя главного события — нашего общества. Эти свойства (хорошие или плохие) неизменно проявляются перед, во время и после революции, и тем самым обеспечивается постоянство исторического настоящего. В статье А. Атанасяна дается анализ отрицательных сторон общества, с сатирическими акцентами: «Еще один национальный комплекс: каждый из нас — вождь-самозванец: президент, мэр, мудрый царь, эффективный бизнесмен… Ведь каждый армянин "от рождения гений", так что, поверхностно ознакомившись с любым вопросом, мы можем достичь в его рассмотрении непомерных высот…» [3].

г) слова — индикаторы временно́го измерения, характеризующие субъективное время: сейчас, теперь, в данный момент, в настоящем, пока что и др. Они играют важную роль в паузах и смысловых переходах внутри текста: «Сейчас никто не знает, что происходит в кабинетах разных чиновников» [5]; «Теперь два пути — правовой и политический, и они в случае последовательности шагов могут дополнять друг друга» [14].

Иными словами, субъективно выбранные отрезки времени (настоящее, прошлое и будущее), как по отдельности, так и во взаимодополнении, характеризуют направление мысли и психологическое устремление автора. Тем самым они существенно расширяют коммуникативные возможности текста.

Подведем итоги. Отраженное в медиа субъективное время служит ключевым измерением современного информационного пространства. В этом контексте особенно важны трансформации, которые происходят с субъективным временем в медиатекстах в переломные моменты истории. Сказанное в полной мере отно-

сится к Бархатной революции. Подходы армянских аналитиков к прошлому, настоящему и будущему выявляют следующую картину. В измерении *прошлого* субъективное время представляет событийный пласт истории преимущественно в отрицательных тонах. Образ же *будущего* не столь однозначен: здесь расставляются и скептические, и оптимистические акценты, которые переплетаются с психологическими переживаниями авторов. У прошлого и будущего есть общая базовая характеристика: их трактовка обусловлена реалиями *настоящего*. Того настоящего, которое по-разному отражается в профессиональной деятельности авторов, и тем самым формируется многоплановость субъективного переживания времени в медиатекстах сегодняшней Армении.

Литература

1. *Авакян Л.* Республиканцы, подойдите к выходу… // Айкакан жаманак [Армянское время]. 2018. 27 апр. URL: http://armtimes.com/hy/article/136438.

2. *Аветикян Г.* Сможем ли войти в поле настоящего парламентаризма? // Азг [Нация]. 2018. 5 мая. URL: https://azg.am/AM/2018050401.

3. *Атанесян А.* О необходимости изменения комплексов // Аналитикон. 2018. Май. URL: http://theanalyticon.com/?p=10643.

4. *Бергсон А.* Непосредственные данные сознания. Время и свобода воли. М.: ЛКИ, 2010.

5. *Галустян А.* Все только что начинается: сценарии бархатной революции в Армении // Анках [Независимый]. 2018. 1 мая. URL: http://www.ankakh.com/article/95583.

6. *Григорян А.* Донкихоты революции // И лур ашхари [По всему миру]. 2018. 25 апр. / URL: http://www.ilur.am/news/view/68338.html.

7. *Григорян А.* Должны быть готовы к такой Армении, наследниками прошлого которой будем мы // И лур ашхари [По всему миру]. 2018. 22 мая. URL: www.ilur.am/news/view/68267.html.

8. *Григорян Р.* Бархатная революция и роковая ошибка Сержа // Гала TV. 2018. 21 апр. URL: http://galatv.am/hy/news/227179/.

9. *Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени. В 2 т. М.: Гнозис,1994.

10. *Даниелян Ст.* «Два тела» Президента, или то, чего не понял Серж Саркисян // Хетк [След]. 2018. 10 мая. URL: https://hetq.am/hy/article/88677.

11. *Демирчян М.* Бархатная революция: армянский вариант // Аналитикон. 2018. Май. URL: http://theanalyticon.com/?p=10646.
12. *Дильтей В.* Категории жизни // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 132-135.
13. Идеальная революция также имеет цену // Айкакан жаманак [Армянское время]. 2018. 7 мая. URL: http://armtimes.com/hy/article/136985.
14. *Мгдесян А.* Бархатная революция: как состоится процесс передачи власти? // Айкакан жаманак [Армянское время]. 2018. 24 апр. URL: http://www.armtimes.com/hy/article/136152.
15. *Петросян Д. В.* Причуды инверсии: текст и обратная перспектива. Saarbrucken: LAP Lambert Acad. Publ., 2017.
16. Субъективное и объективное время. URL: https://studopedia.ru/1 19973 sub-ektivnoe-i-ob-ektivnoe-vremya.html.
17. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003 .
18. *Хачатрян М.* 11 дней, изменившие Армению // Азг [Нация]. 2018. 20 апр. URL: https://azg.am/AM201804703.
19. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001.
20. *Чалабян А.* Как укрепить демократические достижения революции // Медиамах. 2018. Май. URL: https://mediamax.am/am/column/12849/?fb_comment_id=1925961424105136_1926460374055241?fb_ comment_id=1925961424105136_1926460374055241.

В. А. Сидоров
Санкт-Петербургский государственный университет

«Пикейные жилеты» маскульта и медийные деструкции культурной памяти

В статье рассматриваются условия проявлений медийных деструкций важнейшей составляющей культуры общества — его памяти, коммуникативная форма которой в цифровой среде оказалась наиболее уязвимой. В этой связи ставится вопрос о подлинном и мнимом как ценностной дихотомии коммуникативной памяти.

Ключевые слова: медиа, деструкции, культурная память, коммуникативная память, ценностная дихотомия.

Гусева А.М.

МОДНОЕ НАСЛЕДИЕ АРМЯНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению «национального» как тренда армянской моды. В статье ставится задача рассмотреть современную моду Армении с позиции отражения в ней традиционного костюма. Показано, что современные армянские дизайнеры все больше используют национальные элементы в своих коллекциях. Традиционный армянский костюм существует более трех тысяч лет. За это время он вобрал в себя богатую историю Армении, оказал влияние на соседние государства и в тоже время сам поддавался влиянию других культур.

Ключевые слова: национальный костюм, мода, армянский костюм, тараз, фестиваль моды.

Guseva A.M.[1]

THE FASHIONABLE HERITAGE OF THE ARMENIAN NATIONAL COSTUME

Abstract. The article is devoted to the «national» as the trend of Armenian fashion. The article seeks to examine the contemporary fashion of Armenia from the reflection in her traditional costume. It is shown that the modern Armenian designers are increasingly using national elements in their collections. Traditional Armenian costume, there are more than three thousand years. During this time he absorbed the rich history of Armenia, had an impact on neighboring countries and at the same time he succumbed to the influence of other cultures.

Keywords: national costume, fashion, Armenian costume, Taraz, fashion festival.

Наследие и современность обретают в глобализующейся культуре новый формы для взаимодействия. Наследие в информационном обществе может выступать брендом, по-

[1] **Гусева Арина Михайловна**, аспирант Самарского государственного института культуры (Самара).

литическим слоганом, быть объектом экономической деятельности и актуальных эстетических практик [4; 6-8]. Ярким тому примером является одежда и индустрия моды.

Национальный костюм любого народа рассказывает об укладе, истории и образе жизни этого народа, его религиозном и экономическом устройстве, о социальной и региональной принадлежности каждого человека. Крой, ткань и отделка костюма формируются в первую очередь благодаря климатическим и географическим условиям окружающей среды, а также традициям и обычаям того или иного народа.

Армянский народ очень древний. История этого народа насчитывает более трех тысяч лет. Столько же существует и национальный армянский костюм, со своей богатой историей, переменами в зависимости от времени и эпохи и заимствованиями под влиянием других культур [1].

В наши дни армянский национальный костюм получил свое второе развитие. В последнее время в мире моды наблюдается приятная тенденция - модельеры стали все больше использовать элементы из национальных костюмов.

Сегодня в Армении проводятся различные фестивали и показы мод, направленные на поддержку молодых армянских дизайнеров. По мнению художника-модельера Карине Дноян, молодые дизайнеры в современных условиях глобализации и в погоне за западными дизайнерами должны помнить о своей культурной идентичности и самобытности [3].

Армянские модельеры в своих коллекциях стремятся показать целостный образ современного человека, который следует модным тенденциям [3]. Однако это не мешает исполнять свои модели в лучших традициях армянской культуры, используя традиционные сюжеты, элементы кроя, орнамента и декора. Особенно интересно то, что вдохновение современные модельеры ищут в том числе в богатых музейных коллекциях. Тем самым добиваются всеобщего признания не только на выставках и показах Армении, но и за рубежом. Платье «от кутюр» от Ваана Хачатряна из коллекции «Сокровища Армении» было представлено на выставке мировой моды в Париже [3]. Дизайнер отмечает, что приветствует новый тренд и очень рад тому, что в

Армению возвращаются национальные узоры, орнаменты и вышивка. По его мнению, именно известные люди должны пропагандировать эту тенденцию, так как на них ориентируется и берет пример широкая аудитория [11].

Знакомство с современной армянской модой масштабно проходит и в других европейских городах, что является показателем признания на международном рынке моды. Совсем недавно в Риге и Таллинне прошли презентации коллекций армянских дизайнеров.

Традиционные мотивы имеют отражение и в современных ювелирных изделиях. Арпи Авдалян, Аревик Симонян, Геворг Шадоян, Сирушо и другие дизайнеры умело сочетают национальное и современное в своих коллекциях аксессуаров. На таких модных изделиях можно увидеть даже изображения древних императоров Армении. Например, известная армянская певица Сирушо не только выпустила свою коллекцию аксессуаров с национальными мотивами, но и на сцене всегда отдает предпочтение костюмам с традиционными элементами. То же можно сказать и о других известных актрисах, телеведущих и других публичных людях Армении [10].

Еще одним примером органичного сочетания традиционных орнаментов и Высокой моды является известный дизайнер Тигран Альберти, своеобразной «подписью» которого стал узор древних армянских ковров на подошвах обуви его бренда [3].

Один из выпусков телепередачи «Модный приговор» был посвящен армянскому национальному костюму и его современным интерпретациям в мире высокой моды. Эксперт в области национального костюма, этнограф, художнк-дизайнер, директор Культурного армянского центра «Терян» Лилит Маликян рассказала об особенностях традиционного армянского костюма, о его цветовой символике. Например, под любой одеждой была обязательно надета рубаха красного цвета, ведь красный цвет и все его оттенки - символ оберега [2]. В ходе телевизионного шоу его ведущий и историк моды Александр Васильев вместе с Лилит Маликян пришли к выводу, что старинные армянские узоры, вышивки и орнаменты органично вплетаются и в современные наряды. Особенно популярно в



последнее время использование такого роскошного декора в свадебных нарядах. Даже за пределами Армении армянские невесты предпочитают выходить замуж если уж не в традиционном наряде, то с непременным использованием стилизованных акцентов. Древние армянские вышивки и узоры и сегодня в большом почете среди модниц.

Именно культурный центр «Терян» возрождает культуру и ценности Армении, внедряет традиционные элементы в современную культуру. В 2000-е гг., когда центр «Терян» был основан, национальной культурой и традиционной одеждой интересовались немногие. Но благодаря его плодотворной работе наблюдается большой интерес к таразам, мода на традиционный армянский костюм обрела второе дыхание [9].

В 2016 г. культурный центр «Терян» представили коллекцию под названием «Прошлое будущего», в которой продемонстрировали сочетание современной одежды и аксессуаров с мотивами традиционных армянских средневековых ковров. Вообще тема ковров, архитектуры и художественного искусства действительно очень популярны в современных предметах одежды. На наш взгляд, директор Культурного армянского центра «Терян» Лилит Маликян верно подчеркнула: «Одежда с национальными элементами не может не быть модной» [11].

На дне армянской моды в Москве в 2015 г. (armFASHIONday) были представлены коллекции армянских дизайнеров из Москвы и Еревана. Помимо современных и смелых коллекций зрителям была продемонстрирована коллекция Артема Сюнеци – ведущего дизайнера армянского национального костюма в Ереване. Его коллекция олицетворяет величие и благородство образов армянских царских династий. Все это результат глубокого изучения модельером исторических фактов и традиций. По его словам, в его коллекции национальные костюмы сами по себе очень разные. Здесь можно увидеть и крылья ангела – символ плодородия, в данном случае это говорит о том, что женщина – главный источник жизни, а также разукрашенные цветы, которые символизируют жизнь. Вышивка на костюмах его коллекции сделана точно так, как ее делали в Урфе и Мараше [5].

В августе 2017 г. состоялся Третий фестиваль национальной армянской моды и культуры Yerevan Taraz Fest 2017. Фестиваль стал огромной площадкой, на которой одновременно было представлено искусство народных мастеров и современных армянских дизайнеров, использующих в своих работах образцы тараза. Одна из таких коллекций носит название «Возрождение» и посвящена 100-летию Геноцида армян. В качестве популяризации национального наследия на фестивале была возможность сфотографироваться в национальных костюмах, а также были представлены коллекции из музеев Еревана [12].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Армения переживает период подъема национального самосознания. Из рассмотренного выше следует, что индустрию моды этот процесс не обошел стороной. Одной из основных задач армянских модельеров стала – сделать армянский костюм популярным и рассказать о его значении, символике. Все это позволяет по-новому взглянуть на такие традиционные вещи и опорные столпы каждой культуры, как национальный костюм.

Литература

1. Армянский национальный костюм [Электронный ресурс]. – URL: http://wlooks.ru/nacionalnye-kostyumy/armyanskie/ (дата обращения: 10.12.2017).
2. Армянские традиционные костюмы на программе «Модный приговор» [Электронный ресурс]. – URL: https://style.news.am/rus/news/25444/armyanskie-tradicionniye-kostyumiy-na-programme-modniyiy-prigovor.html (дата обращения: 05.12.2017).
3. Высокая мода с «армянским лицом»: амбиции стиля и философия вкуса [Электронный ресурс]. – URL: http://imyerevan.com/ru/culture/view/9318 (дата обращения: 15.12.2017).
4. Герасимов, Б.Н. Перспективы взаимодействия культуры, экономики политики в современном мире / Б.Н. Герасимов, В.И. Ионесов // Междунар.журн. гуманитарных и естественных и наук. – 2017. – № 8. – С. 9–17.
5. День армянской моды в Москве [Электронный ресурс]. –

URL: http://russia-armenia.info/node/22949 (дата обращения: 13.12.2017).

6. Ионесов, В.И. Модели трансформации культуры: типология переходного процесса / В.И. Ионесов // Автореферат дис… доктора культурологии / С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. Самара, 2011
7. Ионесов, В.И. Всемирное наследие в дискурсе культурно-антропологического знания / В.И. Ионесов // Наследие и гуманизм: культурная антропология на службе человечества: материалы Междунар. науч. конф.: посвящается 100-летию и памяти Анны Хоэнварт-Герлахштайн / М-во культуры РФ; СГАКИ; Междунар. комис. по срочным антропологическим исследованиям; Самарское культурологическое общество «Артефакт – культурное разнообразие». – Самара, 2010. – С. 58–87.
8. Ионесов, А.И. Малая энциклопедия зарубежной Самаркандианы: культура, объединяющая мир: науч.-информ. изд. / А.И. Ионесов, В.И. Ионесов; Самаркандский общественный Музей мира и солидарности; Самарское культурологическое общество «Артефакт – культурное разнообразие»; СГАКИ. – Самара; Самарканд, 2014. – 483 с.
9. Как центр «Терян» возрождает армянские таразы [Электронный ресурс]. – URL: http://barev.today/news/teryance (дата обращения: 12.12.2017).
10. Национальное как тренд армянской моды [Электронный ресурс]. – URL: http://fashiony.ru/page.php?id_n=119188 (дата обращения: 15.12.2017).
11. Тараз в современной интерпретации: Армения возрождает традиции [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.armeniasputnik.am/culture/20170331/6865647/taraz-v-sovremennoi-interpretatsii-armeniya-vozrozhdaet-traditsii.html (дата обращения: 05.01.2018).
12. Yerevan Taraz Fest 2017: дизайнерские коллекции, культура других стран и фото в национальных костюмах [Электронный ресурс]. – URL: http://newsarmenia.am/news/society/yeravan-taraz-fest-2017-dizaynerskie-kollektsii-kultura-drugikh-stran-i-foto-v-natsionalnykh-kostyum/ (дата обращения: 05.01.2018).

УДК 343.352.4

Н. Г. Григорян
адъюнкт
Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1.
E-mail: nargrigspb.@mail.ru.

Уголовная ответственность за взяточничество в армянском праве (ретроспективный анализ древних и средневековых армянских памятников)

Аннотация: Статья посвящена памятникам уголовно-канонического права, принятым в период господства над Арменией государств с иной культурой и религией. Статья через призму памятников права отражает устремления армянского народа к самостоятельности канонической и светской.

В статье тщательно проанализированы древние и средневековые армянские церковно-канонические грамоты, уставы, светские законы и судебники, регламентирующие правоотношения в сфере противодействия взяточничеству. Оцениваются исторические условия создания этих памятников, изучаются нормы древнего и средневекового армянского права, дана классификация разновидностей взяток и связанных с ними преступлений.

Автором особо подчеркивается, что уникальность древних и средневековых армянских памятников заключается в том, что большинство из них были составлены в условиях отсутствия государственности, когда народ находился под игом различных империй и держав. Именно поэтому они должны были соответствовать законодательству государства, под игом которого на тот период находилась Армения, но при этом учитывать национальные интересы армянского народа.

Изучая эти памятники, автор логично приходит к выводу, что становление уголовного законодательства в области взяточничества проходило поэтапное развитие: от канонов и церковно-канонических грамот до светских законов и судебников. В них предусматривалась как дача, так и получение взятки, а в отдельных случаях – вымогательство взятки. Совершение этих преступлений имело повышенную опасность в обществе и, следовательно, создавало необходимость систематизирования таких преступлений с выделением присущих им признаков и соответствующих наказаний, которые нашли своё отражение в древних и средневековых законодательных памятниках.

Ключевые слова: нормы, церковно-канонические грамоты, уставы, светские законы, судебники, взяточничество.

Для цитирования: Григорян Н. Г. Уголовная ответственность за взяточничество в армянском праве (ретроспективный анализ древних и средневековых армянских памятников) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (81). – С. 95–99.

Narek G. Grigoryan
Graduate
Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation.
E-mail: nargrigspb.@mail.ru.

Criminal liability for bribery in Armenian law (retrospective analysis of ancient and medieval Armenian documents)

Annotation: The article is devoted to the documents of criminal canon law adopted in the period of domination over Armenia by states with a different culture and religion. The article through the

prism of the documents of law reflects the aspirations of the Armenian people to the independence of the canonical and secular.

The article thoroughly analyzes the ancient and medieval Armenian church canonical letters, charters, secular laws and judicial records regulating legal relations in the field of countering bribery. In this article the historical conditions for the creation of these documents are evaluated, the norms of ancient and medieval Armenian law are studied, the classification of various bribes and related crimes is given.

The author emphasizes that the uniqueness of the ancient and medieval Armenian documents lies in the fact that most of them were composed in the absence of statehood, when the people were under the yoke of various empires and powers. That is why they had to correspond with the legislation of the state under the yoke of which Armenia was at that time, but at the same time the national interests of the Armenian people are taken into account.

Studying these documents, the author logically comes to the conclusion that the formation of criminal legislation in the field of bribery was a gradual development: from the canons and church-canonical charters to secular laws and judicial records. They provided both giving and receiving a bribe, and in some cases – extortion of a bribe. The commission of these crimes were considered to be dangerous in the society, and therefore, such types of crime created the need of systematization of them, which are reflected in the ancient and medieval legislative documents.

Keywords: norms, church canonical letters, charters, secular laws, judicial records, bribery.

For citation: Grigoryan N.G. Criminal liability for bribery in Armenian law (retrospective analysis of ancient and medieval Armenian documents) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2019. – № 1 (81). – P. 95–99.

Чтобы понять настоящее, человечество обращалось и будет обращаться к своим истокам, к апробированным историческим и культурным ценностям. И это естественная потребность любого поколения, а не дань традиции. В то же время, если взглянуть на любую цивилизацию через призму начал её правовой мысли и культурных памятников, которые как зеркало отражают социально-правовую жизнь и культуру этого народа, то логичность её правового развития предстанет перед нами более широко, реально и зримо [1, с. 3].

Памятники армянского права можно считать выражением тех суждений и идей, руководствуясь которыми народ боролся за сохранение своей культуры, языка и национальности. Особенность этих памятников заключается в том, что большинство из них были составлены в условиях отсутствия армянской государственности. Именно поэтому они должны были соответствовать законодательству государства, под игом которого на тот период находилась Армения, но при этом учитывать национальные интересы армянского народа. Еще одной характерной чертой древних и средневековых армянских памятников является то, что во всех источниках права нормы расположены хаотично, не имеют определённой системы и регулируют различного рода общественные отношения [2, с. 13].

По своему географическому положению и культурному наследию Армения находится на стыке Запада и Востока, Азии и Европы. Однако воздействие восточной культуры на армянский народ исторически более длительное и сильное. Столетиями Армения была под властью то персов, то турок, то арабов, то монголов. Не секрет, что взяточничество считалось и до сих пор считается неотделимой частью восточного образа жизни. Более того, не имея государственности, находясь под властью различных империй и держав с иной культурой и религией, армянин вынужден был изыскивать способы и средства для выживания. Одним из таких механизмов служили подкуп и взяточничество [4, с. 118].

В Армении с принятием христианства в 301 г. [5, с. 312] религиозные каноны стали оказывать существенное значение на правовой менталитет. В зависимости от субъекта правотворчества, их принято делить на две группы: 1) каноны, исходящие от отдельных духовных лиц; 2) каноны, принятые на церковных соборах. Это объясняется тем, что в данный исторический период право было тесно связано с духовными и морально-нравственными началами, которые и послужили почвой для дальнейшего развития новых суждений [2, с. 73].

На становление и развитие древнего и средневекового армянского права существенное влияние оказали Каноны Григория Просветителя, Никейские, Аштишатские, Шаапиванские и Сисонские каноны, Судебник Давида Гандзакеци сына Алавика, Каноны Ионна Одзнеци, Соборное послание Нерсеса Шнорали, судебники Мхитара Гоша и Смбата Спарапета [2, с. 31].

В памятниках армянских церковно-канонических законов мы находим первые нравоучительные фразы и правовые нормы о

необходимости наказания за взяточничество как преступное деяние.

Такие понятия и нормы включают частично законы Моисея, частично канонические законы иностранного происхождения. Однако, несмотря на этот факт, важнейшую роль в становлении и развитии церковно-канонических законов сыграла армянская политико-правовая мысль в научном смысле этого слова.

В правилах, приписываемых первому армянскому просветителю апостолу Фадею, уставах, принятых Никейским собором (состоявшимся в июне 325 г. в городе Никее), в Вагаршапатском (принят в 325 г. в городе Вагаршапат – ныне Эчмиадзин), Шаапиванском (24 июня 444 г. в Шаапиванском соборе) и Анийском (в 1039 г. в Анийском соборе) соборах красной нитью проходит идея о том, что взяточничество как «корень всего зла», «продающее право Господа», как «болезнь Иуды и волхва Симона» должно строго преследоваться, а его исполнители безжалостно наказываться [10, с. 270–271]. По словам А. Т. Товмасяна, основными преступлениями, предусмотренными в этих нормах, являлись дача и получение взятки, симония (святокупство) и получение подарка [10, с. 270–271].

Законы считали взяточничеством получение материальных выгод от отдельных лиц путём злоупотребления властью людьми, выполняющими государственные, общественные и духовные функции. Взяточничеством считалось, например, положение, когда судья, получая деньги или другие материальные ценности, оправдывал преступника, или когда епископ, получив материальную выгоду, не сообщал о распространении или деятельности религиозных сект в области, которую он обслуживал.

Получением подарка в целом считалось вымогательство денег или материальных ценностей, злоупотребление служебным или духовным положением, ограбление людей под видом принятия подарков. Как преступный акт, получение подарка было тесно связано с получением взятки, и нормы религиозных и светских законов часто не разделяли эти два преступления. В них термины «взятка», «взяточничество» и «получение подарка» использовались как синонимы.

Симонией (святокупством) считалось получение духовного чина за деньги.

Дача взятки также считалась преступлением, потому что люди, предоставляя материальные блага государственным, духовным служащим или общественным работникам, «приспосабливали» их деятельность к своим интересам и требованиям: «ослепляли их и получали выгоду» [10, с. 266]

Из перечисленных преступлений самым распространённым и самым опасным в древней и средневековой Армении было получение взятки [10, с. 267].

Строгие, а иногда жёсткие правила, принятые на Шаапиванском церковном соборе, часто ссылались на наказание за эти преступления. В главе 16 говорится о правилах назначения предводителей и законодателей, выборы которых должны были осуществляться без взятки. Одновременно следует отметить, что в этих правилах запрещалось не только получение, но и дача взятки: «Пусть будут прокляты дающие взятку, что серебром и имуществом хотели получить от апостолов благодать Святого духа. И берущие взятки… пусть будут прокляты всеми соборами и отстранены от власти» [3, с. 335].

Эти каноны были приняты после утраты армянской государственности, когда под игом Персии армянская церковь взяла на себя обязанность сохранения не только религии, но и правового регулирования общественных отношений. По нашему мнению, осознание повышенной опасности такого деяния, как «покупка» с помощью взятки высокой должности, в условиях отсутствия государственности подтолкнуло церковь предусмотреть в своих церковных канонах такие нормы. Следует особо подчеркнуть, что в Шаапиванских канонах впервые в истории древнеармянского права наказывались не только получение, но и дача взятки. Из вышесказанного следует, что в древней Армении четко понимали общественную опасность и получения, и дачи взятки, что отражалось и в предусмотренных наказаниях – за дачу взятки наказывали только проклятием, а за получение – проклятием всеми соборами и отречением от должностей.

20-е правило упомянутого памятника гласило, что если священник знал, что среди людей есть сектант и не сообщал о нём епископу, он подвергался наказанию, предусмотренному для человека, который состоял в религиозных сектах, то есть ему ставили клеймо с изображением лисы, после чего он навсегда лишался права быть священником. Если было подтверждено, что священник сообщил епископу и выдал сектантов, но епископ, получив взятку и злоупотребив своим положением, помог им, то есть защитил и покрыл, такой епископ лишался своего (епископского) достоинства и был проклят. Если епископ хотел наказать преступников, а светские власти (губернатор провинции, глава города или деревни), беря взятки, защищали или другими способами покрывали их, за эти действия они объявлялись проклятыми и лишались права молиться в церкви до тех пор, пока не передадут сектантов соответствующим органам [3, с. 339].

Не имея достаточной власти наказать взяточников-губернаторов и других представителей светской власти, церковь боролась с ними

путём «проклятия», одновременно предусматривая поощрительную норму – «…проклятие до тех пор, пока не передадут сектантов».

Следует отметить, что в древней Армении взятку давали для разных целей.

Историк IV века Павстос Бюзанд рассказывает, как однажды князь Сюникской губернии Андок пытался с помощью взятки поссорить персидского короля Шапуха и армянского короля Аршака. Чтобы достичь своей цели, Андок дал большое количество золота армянскому полководцу Васаку, подкупил многих князей, которые согласились работать на него [6, с. 87]. Другой историк и богослов V века Егише[1], описывающий восстание армян против Сасанидов в 449–451 гг. пишет, что в преддверии войны с Персией персидские элементы (персолюбы) взятку сделали средством для достижения политических целей. По его словам, армянский губернатор принес с персидского двора много денег и с большой хитростью повлёк невинных людей на свою сторону, якобы удостаивая их честью и подарками. Вне всякого сомнения, речь идёт о подкупе должностных лиц и государственных служащих.

Эти свидетельства показывают, что преступные элементы в древней Армении посредством взятки преследовали различные цели – имел место подкуп судей, чиновников, военных, общественных и религиозных деятелей. С помощью взятки получали должности, духовные чины, покрывали и оправдывали преступников, еретиков и сектантов. Однозначно можно сказать, что в древней Армении имелось чёткое понимание разновидности взяток и связанных с ним преступлений, и что такие преступления непосредственно посягали на государственный строй. Осознавая повышенную опасность взяточничества, армянская церковь в условиях отсутствия государственности устанавливала соответствующие законы, которые определяли как уголовные, так и церковно-канонические наказания.

В Средние века – в эпоху армянского Возрождения, правовые идеи армянских мыслителей достигли своих вершин. Свод законов «Армянский Судебник Мхитара Гоша»[2] – один из замечательных памятников средневековой армянской культуры. Судебник состоит из Введения, содержащего 11 глав, и двух частей – «Церковные каноны» и «Светские законы», включающих соответственно 124 и 130 статей [7, с. 13].

В статье 85 «Об искривляющих правосудие» указывается следующее: «Настоящий Закон предупреждает судей не действовать по лихоимству и каким-либо иным обманным образом. Судья, который совершил подобное, должен быть лишён (судейского) достоинства»[3]. Изложенное свидетельствует, что в средневековом армянском праве различались простой и квалифицированный виды взяточничества (в последнем случае – с признаками вымогательства).

Наиболее важной является 6-я глава Судебника, в которой прямо говорится о взяточничестве: «Достоинство в том, что судьи были бескорыстными, потому что взятка ослепляет глаза мудрого, поскольку так написано, что для утверждения права судья не должен брать взяток ... Нельзя искажать справедливый суд ради взяток… Не подкупайте судей, обворовывая имущество ваших друзей, не заразитесь сребролюбием, которое есть корень всего зла…»[4].

В 28-й главе «Судебника» об утверждении прав говорится: «Не искажай право бедняка, сироты и вдовы» и «Для судей написан этот закон, чтоб они не судили взятками или иными иллюзиями (ожиданиями)…»[5].

В Судебнике Мхитара Гоша осуждались и дача и получение взятки. Хотя в основном речь идёт о получении взяток духовными и светскими судьями, для нас важно, что эти явления считались преступлениями и наказывались в средневековой Армении.

В 1265 году Смбат Спарапет завершил работу над своим Судебником[6] – официальным кодексом Киликийского Армянского королевства. Новый Судебник пришел на смену Судебнику Гоша и применялся в Киликийской Армении до самого распада царства, до 1375 года. [8, с. 93]. Источниками нового Судебника стали нормы обычного права, религиозные нормы, законы других народов и т. д. Основной источником этого законодательного акта, разумеется, выступили нормы «Судебника» Мхитара Гоша, но в отличие от Гоша, Смбат сначала излагал нормы государственного характера, а затем нормы церковного права, устанавливая тем самым превосходство светской власти над церковной. Это в первую очередь обусловлено историческими условиями, так как в Киликии церковь не обладала той неограниченной властью, какую она имела в Великой Армении [9, с. 113].

[1] Егишэ. О Вардане и войне армянской / Перевод с древнеармянского академика И. А. Орбели, подготовка к изданию, предисловие и примечания К. Н. Юзбашяна. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1971. – 192 с.

[2] Армянский Судебник Мхитара Гоша / перевод с древнеармянского А. А. Паповяна. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1954. – 203 с.

[3] Армянский Судебник Мхитара Гоша / перевод с древнеармянского А. А. Паповяна. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1954. – С. 196.

[4] Там же. С. 192

[5] Там же. С. 215

[6] Судебник Смбата Спарапета (Гундстабля) 1265 год / под ред. А.Г. Абрамян. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1971. – 208 с.

В своём «Судебнике» Смбат Спарапет определяет взяточничество как свойство продажности интересов власти. Статья 10 «Судебника», именуемая «О продажности. Закон Божий за взятку», гласит: «Если доказано против судьи церковного или мирского, что он предает закон Божий за взятку, то его лишают (судейского) достоинства»[7].

Анализ содержания юридических памятных источников древней и средневековой Армении позволяет сделать вывод о том, что становление уголовного законодательства в области взяточничества проходило поэтапное развитие: от канонов и церковно-канонических уставов до светских законов и судебников. В них предусматривалась как дача, так и получение взятки, а в отдельных случаях – вымогательство взятки. Совершение этих преступлений имело повышенную опасность в обществе, следовательно, появлялась необходимость систематизации таких преступлений с выделением присущих им признаков, а также соответствующих наказаний, которые нашли своё отражение в древних и средневековых законодательных памятниках.

[7] Меграбян, Л. Н. Уголовное право Киликийского армянского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Меграбян Люба Николаевна. – Ереван, 1998. – 21 с.

Список литературы

1. *Авакян Р. О.* Сокровищница армянской правовой мысли (IX в. до н.э. – XIX в. н.э.). – Т. 2. – Ереван: Еф Мнюи –XXI век, 2002. – 374 с. (на арм. яз).
2. *Авакян Р. О.* Памятники армянского права. – Ереван: Еф Мнюи – XXI век, 2000. – 289 с.
3. *Апресян Г. З.* Из историй армянской эстетической мысли (V в. до н.э. – XIX в. н.э.) / под ред. С.К. Дарояна. – Ереван: Айастан, 1973. – 269 с.
4. *Аревшатян С. К.* Шаапиванские каноны – древнейший памятник армянского права // Историко-филологический журнал. – 1959. – № 2/3. – С. 335–339.
5. *Габузян А. А.* Проблемы преступности в РА в переходный период. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 2007. – 256 с.
6. История армянского народа: С древнейших времён до наших дней / под ред. М. Г. Нерсисяна. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1980. – 524 с.
7. *Мовсес Хоренаци.* История Армении / пер. с древнеарм. языка, прим. Г. Саркисяна; ред. С. Аревшатян. – Ереван: Айастан, 1990. – 291 с.
8. *Сафарян Г. Г.* Средневековое армянское право и политико-правовая мысль (X–XIII вв.). – Ереван: Арт, 2008. – 255 с. (на арм. яз).
9. *Сукиасян А. Г.* История Киликийского армянского государства и права (IX–XI вв.). – Ереван: Митк, 1969. – 184 с.
10. *Товмасян А. Т.* Древний и средневековый армянский уголовный закон. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1962. – 315 с. (на арм. яз).

References

1. *Avakyan P. O.* Sokrovischnitsa armyanskoy pravovoy myisli (IX v. do n.e. – XIX v. n.e.). – T. 2. – Erevan: Ef Mnyui –XXI vek», 2002. – 374 s. (na arm. yaz).
2. *Avakyan R. O.* Pamyatniki armyanskogo prava. – Erevan: Ef Mnyui – XXI vek, 2000. – 289 s.
3. *Apresyan G. Z.* Iz istoriy armyanskoy esteticheskoy myisli (V v. do n.e. – XIX v. n.e.) / pod red. S.K. Daroyana. – Erevan: Ayastan. 1973. – 269 s.
4. *Arevshatyan S. K.* Shaapivanskie kanonyi – drevneyshiy pamyatnik armyanskogo prava // Istoriko-filologicheskiy zhurnal. – 1959. – № 2/3. – S. 335–339.
5. *Gabuzyan A. A.* Problemyi prestupnosti v RA v perehodnyiy period. – Erevan: Izd-vo Erevanskogo un-ta, 2007. – 256 s.
6. Istoriya armyanskogo naroda: S drevneyshih vremYon do nashih dney / pod red. M.G. Nersisyana. – Erevan: Izd-vo Erevanskogo un-ta, 1980. – 524 s.
7. *Movses Horenatsi.* Istoriya Armenii / per. s drevnearm. yazyika, prim. G. Sarkisyana; red. S. Arevshatyan. – Erevan: Ayastan, 1990. – 291 s.
8. *Safaryan G. G.* Srednevekovoe armyanskoe pravo i politiko-pravovaya myisl (X–XIII vv.). – Erevan: Art, 2008. – 255 s. (na arm. yaz).
9. *Sukiasyan A. G.* Istoriya Kilikiyskogo armyanskogo gosudarstva i prava (IX–XI vv.). – Erevan: Mitk, 1969. – 184 s.
10. *Tovmasyan A. T.* Drevniy i srednevekovyiy armyanskiy ugolovnyiy zakon. – Erevan. Izd-vo Erevanskogo un-ta, 1962. – 315 s. (na arm. yaz).

Статья поступила в редакцию 26.12.2018 Г.

Литература:
1. Гладких З.И. Процессуальные характеристики музыкально-педагогической культуры учителя // Мир образования – образование в мире. 2010. №4 (40). С. 36–43.
2. Концепция сохранения и развития хоровой культуры в Российской Федерации URL: http://npvho.ru/9-privetstvie (дата обращения: 21.11.2017).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата). URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440301.pdf (дата обращения: 15.11.2017).

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЫКИ АРМЯНСКОГО НАРОДА

И.А. Минасян,
пос. Коренево Курской области.

Науч. рук. – З.И. Гладких,
г. Курск

Следствием многочисленных социальных и военных конфликтов, техногенных и природных катастроф, происходящих в современном мире, стали миграции населения и связанные с ними стратегии межкультурного взаимодействия. Поэтому на первый план в сегодняшней социокультурной ситуации выходят проблемы формирования готовности личности к межкультурному диалогу, вопросы поликультурного воспитания подрастающего поколения. Особое значение разработка данной проблематики имеет для такой многонациональной и многоконфессиональной страны, как Россия.

Идеи приобщения личности к отечественному и мировому культурному наследию были заложены еще в трудах педагогов-классиков (Я.А. Коменский, И.Г. Песталоцци, Ж.-Ж. Руссо, К.Д. Ушинский). Значимость национально-культурного наследия в развитии личности раскрыта Н.А. Бердяевым, Л.Н. Гумилевым, И.А. Ильиным, Н.О. Лосским, В.С. Соловьевым и др.

Предметом частых размышлений русских философов, богословов, педагогов и психологов Русского Зарубежья были не только вопросы сохранения национальной самобытности, но и социализации личности, приобщения подрастающего поколения к общечеловеческим ценностям [Гладких]. Так, в условиях эмиграции С. Гессен писал, что «национальное, оторванное от общечеловеческого, перестает быть национальным» [Гессен, с. 78].

В советской системе образования идеалы патриотизма и интернационализма были неотъемлемой частью воспитания подрастающего поколения. Изучение опыта советской школы по патриотическому и интернациональному воспитанию подрастающего поколения актуально в связи с отмечаемыми в этом году памятными датами: столетием Великой Октябрьской социалистической революции и 95-летием образования СССР.

Достоянием истории стал «Моральный кодекс строителя коммунизма», принятый на XXII съезде КПСС (1961 г.) и утративший силу четверть века спустя, с наступлением перестройки. Из двенадцати принципов «Морального кодекса» значительная часть посвящена воспитанию патриотизма и интернационализма: «преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма»; «гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат»; «дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни»; «братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами» [Материалы XXII съезда, с. 411]. Если отстраниться от коммунистической идеологии, можно со всей очевидностью обнаружить созвучие данных принципов с гуманистическими идеалами, отраженными в памятниках религиозной, этической, педагогической мысли разных времён и народов.

Сегодня все большую актуальность приобретает рассмотрение проблем межэтнического общения, формирования личности и ее адаптации в условиях поликультурной образовательной среды и полиэтнической школы (В.А. Авксентьев, А.Г. Асмолов, Б.З. Вульфов, В.Н. Гуров, С.Ю. Иванова, В.П. Левкович, Г.У. Солдатова, Л.Д. Столяренко, М.Г. Тайчинов и др.). Вопросам поликультурного воспитания и его методического сопровождения посвящены работы Ю.В. Арутюняна, З.П. Васильевой, Г.Н. Волкова, А.Н. Джуринского, Г.Д. Дмитриева, З.А. Мальковой, Н.П. Сенченкова, Н.В. Силистрару, Л.Л. Супруновой и др. В работах Е.В. Бондаревской, В.С. Гершунского, А.Н. Джуринского, З.А. Мальковой поликультурное образование рассматривается и как феномен культуры, и как механизм передачи социального опыта, и как особая сфера педагогических ценностей, как образовательная парадигма XXI века.

В современных условиях поликультурное воспитание предполагает формирование способности уважать, понимать и эффективно сотрудничать с представителями других культур, готовности к межкультурному взаимодействию. В «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» дается следующая трактовка педагогических понятий, связанных с поликультурным воспитанием:

«Многообразие культур и народов – культурное многообразие, существующее в стране и мире в целом. Для России это существование, диалог и взаимообогащение всех культурных потоков или слоев: общенациональной, общероссийской культуры на основе русского языка, этнических культур многонационального народа Российской Федерации и глобальных или мировых культурных явлений и систем.

Межэтнический мир и согласие – единство в многообразии, признание и поддержка культур, традиций и самосознания всех представителей многонационального народа Российской Федерации,

гарантированное равноправие граждан, независимо от национальности, а также политика интеграции, предотвращение напряженности и разрешение конфликтов на этнической или религиозной основе. Межэтнический мир включает политику толерантности, т.е. признания и уважения культурных и других различий среди граждан страны и проживающих в ней граждан других стран» [Данилюк, Кондаков, Тишков, с. 8].

Как показывает практика межкультурной коммуникации, чтобы эффективно поддерживать разнообразные межкультурные контакты и формы общения, партнерам необходимо не только знание соответствующего языка, но и знание норм, правил, традиций, обычаев и т.д. другой культуры.

Педагогическим сообществом все глубже осознаются возможности искусства в процессах инкультурации, социализации, культурной идентификации личности. Среди методологических принципов, определённых в «Концепции художественного образования в Российской Федерации», выделяются: «мультикультурный подход, предполагающий включение в программы по искусству максимально широкого диапазона художественных стилей и национальных традиций с опорой на отечественную культуру» [Концепция, с. 85–86].

Проблема поликультурного воспитания детей и молодежи актуальна и для нашего региона. По официальным данным, полученным в ходе переписи, в национальном составе населения Курской области после русского и украинского народов третье место занимают представители армянской диаспоры. Общероссийская общественная организации «Союз армян России» существует в Курске с апреля 2007 года. К настоящему времени армянская диаспора представляет собой одну из самых больших национально-культурных организаций и насчитывает порядка 15 тысяч армян, живущих и работающих в регионе. Представители армянской

диаспоры вносят существенный вклад в развитие производственной сферы, активно участвуют в общественной жизни области.

Армянская музыка, народная, духовная и композиторская, может стать своеобразным эпиграфом к изучению армянской культуры и сложившихся культурно-исторических связей Армении и России.

Интегративные тенденции в современном образовании, обусловливают необходимость реализации межпредметных связей уроков музыки с другими предметами учебного плана общеобразовательной школы – мировой художественной культурой, историей, географией. И здесь необходимо рассматривать творчество выдающихся представителей художественной культуры Армении (М. Сарьяна, Комитаса, А. Спендиарова, А.И. Хачатуряна и др.) в контексте художественных явлений XIX–XX столетий в их сложных внутренних взаимосвязях и взаимозависимостях, действующих в определенном социокультурном и временном измерениях, в особенности – во взаимосвязях с культурами разных стран.

Ярким примером диалектики национального и общечеловеческого в искусстве является творчество великого сына армянского народа А.И. Хачатуряна. В 2018 году будут отмечаться две памятные даты: 115 лет со дня рождения и 40 лет со дня смерти советского армянского композитора. На наш взгляд, произведения А.И. Хачатуряна имеют особое значение для реализации целей поликультурного воспитания [Гладких, Минасян, с. 14].

Теоретическую базу исследования проблемы подготовки педагогов к поликультурному воспитанию детей в процессе изучения музыкального искусства армянского народа составляют: культурологические концепции (М.М. Бахтин, В.С. Библер, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман); теории межкультурной коммуникации и поликультурного образования (К.И. Беннет, Дж. Бэнкс, Г.Д. Дмитриев, В.Д. Попков, А.П. Садохин и др.);

теории толерантности (А.Г. Асмолов, Г. Олпорт и др.);. концепции формирования личности и деятельности педагога (Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Л.М. Митина, В.А. Сластенин и др.); теории профессиональной культуры учителя (Е.В. Бондаревская, И.Ф. Исаев, Н.И. Лифинцева, В.А. Сластенин); труды в области теории и методики музыкального образования (Э.Б. Абдуллин, Ю.Б. Алиев, Н.А. Асташова, А.Л. Баренбойм, Н.А. Ветлугина, Л.В. Горюнова, Д.Б. Кабалевский, В.Г. Ражников, Б.С. Рачина, Г.С. Ригина, Г.М. Цыпин, В.Н. Шацкая, Л.В. Школяр и др.); исследования, посвященные различным аспектам проблемы профессиональной подготовки будущих учителей музыки (Э.Б. Абдуллин, Л.Г. Арчажникова, Е.В. Николаева и др.), работы в сфере теории и истории искусства (М.Г. Арановский, Б.В. Асафьев, А.Н. Сохор, В.Н. Холопова), исследования, посвященные различным аспектам теории и истории искусства армянского народа (М. Арутюнян, Р. Глезер, Д. Житомирский, Э. Карагюлян, И. Мартынов, Г. Тигранов, Ю. Хохлов, Г. Шнеерсон, Н. Шахназарова и др.).

Г.Д. Дмитриев подчеркивает: «Именно учителя – та мощная сила, которая способна внести существенный вклад в образовательный процесс поколений людей, свободных от социальных предубеждений, расизма, дискриминации, ксенофобии, ненависти» [Дмитриев, с. 4]. Задача учителя – привить учащимся объективное, свободное от предрассудков и терпимое отношение к «чужой» культуре. Учитель должен пробудить в учащихся любопытство познания иной культуры и учитывать возможности взаимодействия, взаимопроникновения и взаимодополнения культур.

С целью совершенствования процесса профессиональной подготовки педагога-музыканта в контексте актуальных задач поликультурного образования нами был разработан содержательный модуль «Музыкальное

искусство армянского народа как средство поликультурного воспитания детей».

Данный модуль предусматривает изучение следующих тем:

1. «Теоретико-методологические основы реализации поликультурного подхода в процессе художественного образования».
2. «Духовные основы искусства армянского народа».
3. «Изучение музыки армянского народа в контексте поликультурного подхода».
4. «Особенности народной музыки Армении».
5. «Взаимосвязь национального и общечеловеческого в творчестве А.И. Хачатуряна».
6. «Музыка армянских композиторов XX–XXI вв.».
7. «Искусство армянского народа в содержании поликультурного образования детей (защита исследовательских проектов)».

Изучение армянской народной и духовной музыки, творчества выдающихся армянских композиторов позволяет погрузится в культуру армянского народа, в особенности национального мировоззрения и характера и посредством этого глубже понять общее и особенное в различных национальных музыкальных культурах.

Педагогические условия применения музыки армянского народа в процессе подготовки будущих учителей музыки к поликультурному воспитанию детей будут рассмотрены нами в процессе производственной практики на базе факультета искусств КГУ.

Итак, в условиях разнообразия и многомерности социальных явлений поликультурность выступает важным условием устойчивого социального развития, обеспечивающим интеграцию каждого человека в мировое культурно-образовательное пространство на основе развития его социально-адаптационных механизмов, в основе которых лежит знание и понимание культур разных народов. Приобщение детей и юношества к

музыкальной культуре разных стран является одним из путей поликультурного воспитания на различных ступенях музыкального образования. Значительным потенциалом в данном контексте обладает искусство армянского народа.

Литература:

1. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
2. Гладких З.И. Проблемы духовно-нравственного воспитания личности в трудах представителей русской эмиграции первой волны // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 2 (42). с. 127–138.
3. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2010. 24 с.
4. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. М.: Народное образование, 1999. 208 с.
5. Концепция художественного образования в Российской Федерации // Искусство в школе. 2002. № 2. С. 84–86.
6. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1962. 464 с.
7. Минасян И.А, Гладких З.И. Культурологические аспекты изучения творчества А.И. Хачатуряна // Музыкальная культура, педагогика и образование: сборник материалов первого Всероссийского с международным участием научного студенческого форума факультета искусств, организованного магистрантами 2-го курса в рамках научно-исследовательской практики в рамках Года культуры в России. Главный редактор – М.Л. Космовская. Курск: Курский государственный университет, 2016. С. 13–17.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ ИСКУССТВА МИРОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР

Е.А. Тагвей,
г. Фатеж Курской области

Науч. рук. – **З.И. Гладких,**
г. Курск

Согласно Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, традиционными источниками нравственности определяются базовые национальные ценности, каждая из

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2018, Т. 160, кн. 3 ISSN 2541-7738 (Print)
С. 735–748 ISSN 2500-2171 (Online)

УДК 94.3

ВОЗДЕЙСТВИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЯНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ЭСХАТОЛОГИИ НА ПСИХОЛОГИЮ МАСС И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ XVI – XVIII вв.

А.М. Айвазян

*Научно-исследовательский институт
древних рукописей Матенадаран им. Месропа Маштоца, г. Ереван, 0009, Армения*

Аннотация

В X – XVIII вв. в армянских письменных источниках фигурирует ряд пророчеств, видений и легенд, которые объединяет тема освобождения Армении от мусульманского владычества с военной помощью великих христианских держав. В армянской историографии эти нарративы получили совокупное название «освободительная легенда».

В статье отмечается, что после уничтожения последнего армянского царства в Киликии (1375 г.) и окончательного упадка крупных армянских княжеств на территории собственно Армении (конец XV в.) влияние освободительной легенды на психологию масс усилилось. Процесс разочарования в собственных силах был прямо пропорционален некритически возраставшей вере в военное вмешательство христианских государств в дело освобождения Армении. Коллективная вера в постулаты легенды, по мнению автора, была своеобразным адаптивным механизмом этнопсихологической самозащиты и выживания армянского народа.

Указывается, что в XVI – XVIII вв. армянское руководство при составлении военно-политических проектов по освобождению страны стремилось учитывать как рациональные – военно-стратегические, так и иррациональные – этнопсихологические – факторы и в первую очередь освободительную легенду. Между тем в 1720-х годах легенда, не выдержав очной ставки с исторической действительностью, навсегда исчезла с политической повестки дня армянского освободительного движения.

Ключевые слова: армянская освободительная легенда, видения, пророчества, коллективная психология, этнопсихологическая самозащита, иностранная военная помощь, христианские державы, геополитическая конъюнктура, военно-политические проекты, стратегический союзник, тайные переговоры

Начиная с X в. в армянских письменных источниках фигурирует ряд пророчеств, видений и легенд, в которых предсказывается освобождение Армении от мусульманского владычества с военной помощью великих христианских держав. Наиболее известные из этих эсхатологических сюжетов на национально-освободительную и социально-политическую тематику приписываются армянским католикосам Нерсесу Великому (353–373) и Сааку Партеву (387–439), видным деятелям церкви Ованесу Козерну (первая половина XI в.) и Агатону

(Агатрон, Агафон) (XIII в.). Особняком стоит так называемая «Союзная грамота», якобы заключённая между царём Великой Армении Трдатом III (287–330) и патриархом Григорием Просветителем (302–326), с одной стороны, и императором Константином I Великим (306–337) и папой Сильвестром I (314–335) – с другой[1]. В армянской историографии эти визионерские нарративы получили совокупное название «освободительная легенда»[2]. Различные её версии дошли до нас во множестве армянских рукописных списков и в некоторых старопечатных изданиях [3, с. 51–56].

Истоки легенды уходят в V – VI вв., когда на политической повестке дня встал вопрос о восстановлении упразднённого в 428 г. царства Великая Армения. «История Армении и армян» Лазаря Парпеци, написанная в конце 490-х годов, содержит в себе пространное видение Саака Партева, включавшее между прочим пассаж о потере независимости и о её восстановлении незадолго до прихода Антихриста (LP, с. 76–79). Примечательно, что в этой, по сути, древнейшей версии легенды ни о каком вспоможении извне не сказано, что следует объяснить царившими в то время в Армении оптимистическими настроениями, возникшими в результате двух в целом успешных национально-освободительных войн против Сасанидского Ирана (449–451 и 482–484 гг.) и заключения в 484 г. Нварсакского договора, предоставляющего Марзпанской Армении[3] полную автономию во внутренних делах. И только в более поздних источниках приписываемое Сааку Партеву видение обросло нарративом об иностранной военной помощи.

Приведём вкратце содержание одной из широко распространённых версий легенды – видение жившего в IV в. католикоса Нерсеса Великого, как оно представлено в его «Житии», скомпилированном в 967 г. дьяконом Месропом Вайоцдзорским из более ранних источников. Католикос Нерсес в предсмертной агонии будто бы предсказал судьбу армянского народа на века вперёд. Согласно его провидческому видению царство Великая Армения погибнет. Исчезнет как царская династия армянских Аршакидов, так и династия католикосов из рода Григория Просветителя. Вслед за этим персы завоюют Иерусалим и захватят Крест Господень, который вскоре вернут «греки» (то есть византийцы). Слабоверные армянские князья ослабнут также в военно-политическом отношении и попадут под власть «греков». Но и это не продлится долго, сила «греков» рухнет под ударами «метателей» или «лучников» (под этим термином в армянской средневековой историографии подразумевались вначале арабы, а затем сельд-

[1] На самом деле этот документ был сфабрикован в Киликийском армянском государстве на рубеже XII – XIII вв. с целью получения военной помощи из Европы.

[2] Историко-литературному исследованию этих нарративов посвящена, в частности, двухтомная монография А.Г. Иоаннисяна [1, 2], первый том которой так и озаглавлен – «Армянская освободительная легенда».

[3] Марзпанская Армения представляла лишь около трёх пятых Аршакидского армянского царства (66–428 гг.), одна пятая которого с 387 г. находилась в составе Восточно-Римской империи на правах прочих союзников-федератов, а ещё одна пятая часть – в составе Сасанидской державы: с 387 по 428 гг. от Великой Армении были административно отрезаны восточные провинции Утик и Пайтакаран, бывшие южные бдешхства (пограничные укрепрайоны-воеводства) Нор-Ширакан, Кордук и Алдзник, северное бдешхство Гугарк, а также южное княжество Цавдек. Территориально Марзпанская Армения представляла собой около 60% Великой Армении. Но самые густонаселённые районы находились именно здесь, в том числе большие города Ервандашат, Арташат, Двин, Вагаршапат, Ван, Зарехаван, Заришат, Нахчаван. Поэтому в Марзпанской Армении проживало не менее 70–75% всего населения Великой Армении (о численности населения Великой Армении см. [4, с. 91–107]).

жуки и монголы вследствие массового применения луков и стрел со стороны последних)[4]. Армения будет разрушена до основания, на долгое время потеряет свою политическую и духовную независимость и сдаст «метателям» свои неприступные крепости. После этих бедствий последует «спасение» христианского мира римским или, как поясняет (вернее, создаёт путаницу) оригинал, «франкским» оружием: неверные будут побеждены и покорятся римской власти, земля преобразится в рай, везде воцарятся мир, благосостояние и справедливость (в одной из версий пророчества утверждается, что этот период продлится 65 лет [1, с. 91]). Выжившие будут каяться за умерших, не удостоившихся этого земного блаженства, которое завершится лишь с приходом Антихриста, о чём уже повествуется в известной эсхатологической традиции христианства [1, с. 19–20; 3, с. 52–53].

Дошедшая до нас самая ранняя письменная копия «Жития» католикоса Нерсеса написана в 1131 г. В начале пророчества отражены времена сасанидского и арабского владычества, когда в Армении надежды на восстановление независимого царства связывали с военной помощью Восточной Римской империи. Упоминание же о «франках», под которыми армянские средневековые источники понимали всех католиков-европейцев, говорит о том, что в данном случае мы имеем дело с поздней вставкой: текст жития был отредактирован в конце XI – начале XII в., когда первый крестовый поход (1096 г.) вызвал эйфорию в среде христианских народов Передней Азии. Ясно, что всё это невозможно было спрогнозировать ни в IV в., ни в 967 г.

В разные исторические эпохи в зависимости от геополитической конъюнктуры в качестве «союзников» армян легенда представляла Византийскую империю («греков»), западноевропейские армии времён крестовых походов («франков»), Грузинское царство XII – XIII вв., Французское королевство Людовика XIV (1643–1715) и, наконец, Российское государство при Петре Великом (1682–1725). В некоторых версиях легенды предводителями союзной христианской армии являлись так называемые «араманы» – полководцы и воинские отряды, имеющие армянское происхождение. «Араманы» (или «вороманы») – это поколения воинов из тех армянских полков, которых якобы, согласно «Союзной грамоте», оставил в Риме Трдат III для служения императору Константину Великому (306–337). В одной из версий приведены и конкретные (хоть и вымышленные) цифры: будто бы царь Трдат III отбыл в Рим с 64-тысячным войском, а по его возвращении там осталось 200 воинов, из коих и произошли (в оригинале «размножились и развились») «араманы» [5, с. 147].

Следует заметить, что ещё в III в. в римской армии действительно имелись армянские воинские части. Так, по сведениям римских историков Геродиана и Элия Лампридия, крупные подразделения армянских лучников в качестве союзников принимали участие в войнах императоров Александра Севера (222–235)

[4] Армянский историк и хронист XII в. Матфей Эдесский (? – 1144 г.), описывая одну из первых битв армян против турок-сельджуков в начале XI в., замечает, что «армянское войско не привыкло противостоять стрелам» (ME, с. 44). Это заявление может считаться верным только в контексте этой конкретной битвы: как следует из первоисточника, один из армянских командиров в ходе баталии призывает командующего выйти из неё, вернуться в свои крепости и дать новое сражение уже в других доспехах, которые будут более эффективны против стрел. Армяне сами были прекрасными лучниками испокон веков, включая данный исторический период (см. [4, с. 125–127]).

и Максимина (235–238) против германцев (HA, p. 175; AL, LXI.8; SHA II, p. 303) [6, с. 84][5]. Требеллий Поллион же сообщает, что «Тита императором избрали армянские лучники, которых Максимин ненавидел и притеснял как сторонников Александра [Севера]» (SHA III, p. 147) [6, с. 85]. Тем не менее легендарное упоминание об «араманах» исходит, скорее всего, из более позднего (V – VI вв.) факта присутствия многочисленных армянских полководцев и войсковых контингентов в составе византийской армии. Как подсчитал известный американский византинист П. Харанис, «Прокопий [Кесарийский] упоминает по имени не менее чем семнадцать армянских командиров, в том числе, конечно, великого Нарсеса» [7, p. 16]. Хотя армянский элемент занимал видное место в армиях императоров Юстиниана и Тиберия II Константина (574–582), «ситуация изменилась в ходе правления Маврикия главным образом в результате аваро-славянских вторжений на Балканский полуостров. Эти вторжения практически ликвидировали Иллирию как источник рекрутов и снизили возможности Фракии. Они отрезали связь с Западом и сделали вербовку там крайне затруднительной. Как следствие, империя была вынуждена набирать рекрутов для своих войск в другом месте. Она обратилась к регионам Кавказа и Армении. В армиях Маврикия мы всё ещё находим немного гуннов, а также немного лангобардов. Булгары там также встречаются. Но [этнический] элемент, который уже доминирует, – армяне» [7, p. 17]. В последующем, вплоть до XII в., численность армянских войск в византийской армии стала ещё более значительной, армянское происхождение имели не только многие из представителей военной элиты и чиновничества, но и целый ряд императоров, в том числе Ираклий I (610–641), а также почти вся Македонская (Армянская) династия, правившая с 867 по 1056 г. Как раз в эпоху воцарения этой династии в империи начали распространяться легенды о происхождении её основателя Василия I (867–886) из армянского царского рода Аршакидов (см. [8, p. 18]). А император Константин VII Багрянородный (945–959), говоря о восшествии на престол своего деда, ссылался даже на армянские пророчества: «Тогда же, – писал он, – исполнилось данное за триста пятьдесят лет до того пророчество и прорицание Исаака (то есть армянского католикоса Саака Партева. – *А.А.*), великого провидца из иереев и монахов, который и сам вёл род от Аршакидов и узнал из видения, что именно через такое время взойдёт на ромейский престол один из потомков Аршака» (ThC, с. 157) (ср. [1, с. 37; 9]).

Таким образом, с одной стороны, у легендарных «араманов» имелись реальные исторические прототипы, а с другой – легенда получала мощную пропагандистскую подпитку из Византии, имевшей для её распространения собственные внутриполитические и внешнеполитические цели, включая экспансионистские виды на Армению.

Об огромной популярности вышеупомянутых пророчеств в последующие столетия можно судить по записям европейских путешественников и реляциям католических миссионеров.

[5] Соответствующее сообщение об участии армянских лучников в походах против германцев в переводе С.П. Кондратьева неточно приписано вооружению римских войск (AL, LXI.8). То же место правильно перевели Д. Мэги (SHA II, p. 303) и Я. Манандян [6, с. 84].

Францисканский монах-миссионер, фламандец Гильом де Рубрук (ок. 1220–1293), в 1254 г. проходя через Армению и Киликию после своей неудачной дипломатической миссии в Каракорум – ставку великого монгольского хана (куда его отправил король-крестоносец Людовик Французский)[6], сообщает о широко распространённом среди армян пророчестве Агатрона. Рубрук цитирует армянского епископа, повстречавшегося ему в городе Нахичеван, в центральной Армении. Вот его рассказ в сокращении: «[Агатрон] при смерти своей пророчествовал о народе стрелков, имеющем прийти с севера, говоря, что они приобретут все земли Востока… и эти стрелки займут земли с севера до юга, проникнут вплоть до Константинополя и займут Константинопольскую гавань. …Франки, которые будут в середине земли, то есть в Иерусалиме, набросятся на татар, которые будут в их пределах, и с помощью нашего народа, то есть армян, будут преследовать их, так что король франков поставит королевский трон в Таврисе, что в Персии; и тогда все восточные и все неверующие народы обратятся в веру Христову и на земле настанет такой полный мир, что живые скажут умершим: "Горе вам, несчастные, что вы не дожили до этих времён". Это пророчество я читал уже в Константинополе, куда его принесли армяне, там пребывающие, но не обратил на него внимания. Но когда я поговорил с упомянутым епископом, то вспомнил о пророчестве и обратил на него больше внимания. По всей Армении они считают это пророчество столь же истинным, как Евангелие. Он (то есть армянский епископ. – *А.А.*) также говорил нам: "Как души в преддверии рая ожидали пришествия Христова, чтобы получить освобождение, так мы ожидаем вашего пришествия, чтобы получить освобождение от того рабства, в котором пребывали так долго"» (GR, с. 172) (ср. [1, с. 85])[7].

Посланный в начале XVII в. в Персию португальский августинец-дипломат Антонио де Гоувеа (1575–1628) сообщает, что армяне не видят другого средства улучшения своей ситуации, кроме как появления в регионе согласно их пророчествам некого христианского монарха, который покорит окружавших их мусульман. Гоувеа подчёркивает, что эта древняя легенда очень распространена в народе, который верит в её скорое исполнение (GA, p. 343, 416) (ср. [1, с. 91]).

Миссионер-театинец Климент Галан (1610–1666), долгие годы проповедовавший в Армении, говоря о местных пророчествах освободительного характера, писал: «Армяне, будучи под тяжёлым игом неверных, имели обыкновение обращаться к нам, итальянцам, с одним вопросом: "Когда же, наконец, придут римляне, чтобы освободить нашу страну и наш народ?"» (CC, p. 56) (ср. [1, с. 496]). О том же армянском пророчестве в 1608 г. сообщал из Ирана миссионер-дипломат из ордена босых кармелитов Павел Симон, прямо ссылаясь на свои источники – «армянского католикоса, архиепископов, епископов и других» (CARM, p. 99, 101).

---

[6] Кстати, тогда же, в 1254 г., в Каракоруме побывал и киликийский армянский царь Хетум I (1226–1270), которому, в отличие от делегации Рубрука, удалось заключить с монголами военный союз. Внук Чингисхана каган Мункэ дал ему ярлык, воспрещавший притеснять Киликийское Армянское царство, и грамоту, даровавшую повсеместную свободу христианским церквам.

[7] В Ереванском Матенадаране имени Месропа Маштоца имеется множество рукописных списков пророчества Агат(р)она, самый ранний из которых датируется 1219 г. (рукопись № 1382, с. 309а–318б) и озаглавлен так: «Рассказ непобедимого философа Агадрона о добрых временах и появлении святых царей, а также о гибели народа стрелков» [3, с. 54–55 (прим. 1), 351].

Версии этих же предвидений облекались и в стихотворные формы, которые, по свидетельству французского историка конца XVII в. Мишеля Февра, армяне ревностно заучивали наизусть и с волнением декламировали [10, p. 407–408] (см. также [3, с. 53]).

Как видим, в народной среде легенда пользовалась большой популярностью. Вместе с тем следует обратить внимание на один важный аспект, который качественно изменил место освободительной легенды в коллективной ментальности армянского народа. Дело в том, что, когда ещё существовали армянские царства и крупные княжества, легенда выполняла двоякую роль – внешнеполитическую и внутриполитическую. Во-первых, легенда служила киликийским армянским царям прагматичным идеологическим инструментом в извечных (безрезультатных) переговорах с Римским папой и западноевропейскими монархиями относительно получения военной помощи для противостояния мусульманским государствам (что, кстати, не препятствовало заключению союза с монголами против арабов и египетских мамлюков во второй половине XIII в.). Во-вторых, она являлась серьёзным морально-психологическим подспорьем для армянских масс в эпоху неравной борьбы против иноземного владычества. Но после уничтожения последнего армянского царства в Киликии (1375 г.) и окончательного упадка крупных армянских полунезависимых княжеств на территории собственно Армении (конец XV в.) – национально-политических катастроф, приведших к долговременному исчезновению с исторической арены армянских вооружённых сил, – влияние освободительной легенды на психологию масс приняло уже тотальный характер.

В социально-психологическом отношении ещё более травматичными, чем нашествия монголов и орд Тамерлана на Армению, были турецко-персидские войны, продлившиеся почти полтора столетия (1505–1515, 1531–1535, 1548–1555, 1578–1590, 1603–1612, 1616–1618, 1630–1639 гг.). В начале XVII в. шах Аббас I (1571–1629) организовал, по терминологии его современников, «великий сургун», или «великую депортацию» армян (1604–1618 гг.), в ходе которой из Армении в глубинные провинции Персии было переселено около 500 тысяч человек, причём половина из них погибла либо по дороге, либо на новых местах проживания [11, p. 30–50]. Армянский народ в военном отношении был абсолютно бессилен перед огромными армиями крупнейших мусульманских держав, воевавших в основном на его территории. Шесть-семь поколений армян непрерывно, одно за другим получали от своих родителей эмоциональный опыт *военно-политической беспомощности*, затем убеждались в этом на собственном примере и передавали информацию о национальной катастрофе следующему поколению. Возрастающее в арифметической прогрессии хроническое переживание собственной беспомощности должно было оставить глубокие следы в коллективной психологии армян, порождая *полное* разочарование в собственных силах (их *определённую недооценку*). Углубляющийся процесс разочарования в своих силах был прямо пропорционален некритически возраставшей вере в военное вмешательство христианских держав в дело освобождения Армении. Коллективная вера в постулаты освободительной легенды, в том числе в то, что

угнетённые будут отомщены[8], была своеобразным адаптивным механизмом этнопсихологической самозащиты и выживания армянского народа.

Итак, *чем более* ослабевала армянская военно-политическая мощь, *тем более* популярной становилась освободительная легенда в народной среде. Впрочем, сама армянская политическая верхушка, как в период существования национальных государств и княжеств, так и в их отсутствие, всегда относилась к рассматриваемым пророчествам крайне прагматично, свободно подстраивая их постулаты под очередного потенциального стратегического союзника и конкретный геополитический момент. Но именно в XVI – XVII вв., когда Армения была разделена между Сефевидской Персией и Османской империей, представители и западного, и восточного армянского тайного освободительного движения в своих сношениях с христианскими державами при составлении конкретных военно-политических проектов по освобождению страны не только непременно ссылались на ту или иную версию освободительной легенды, но и вынуждены были считаться с её сильнейшим воздействием на психологию масс.

В письменных прошениях ряда известных нам тайных армянских делегаций, которые отправлялись в Европу с целью получения военной помощи от христианских держав, неизменно делались ссылки на вышеупомянутые пророчества, якобы указывающие на освобождение Армении при поддержке именно того государства и монарха, к кому обращались в данный момент. Первой из этого ряда тайных дипломатических миссий была делегация под руководством католикоса Степаноса Салмастеци (1545–1567), отправившаяся в Европу по решению состоявшегося в 1547 г. в Св. Эчмиадзине тайного собрания армянских духовных и светских руководителей. Степанос Салмастеци проводил встречи и переговоры с Римским папой и императором Священной Римской империи Карлом V (1519–1556). Никаких ощутимых результатов эти переговоры не дали, да и не могли дать, поскольку в тот момент создание общеевропейского фронта против Османской империи было попросту невозможно. В частности, за 12 лет до этого, в 1535 г., Франция заключила с Высокой Портой союз против Габсбургов. По отдельности же европейские государства большой опасности для турок не представляли. Всё XVI столетие было тем периодом, когда разобщённая Европа прилагала сверхусилия для отражения турецкого натиска на Запад.

Следующее тайное армянское посольство отправилось в Европу в 1562 г. из Себастии (Западная Армения), на этот раз забрав с собой «на переподтверждение» пресловутую «Союзную грамоту» – одну из версий освободительной легенды – с целью, как указано в первоисточнике, «напомнить о первоначальном союзе и первых клятвах» [12, с. 350]. Эта дипломатическая инициатива, как и предыдущие, не имела каких-либо политических последствий.

С подобными предложениями и с обязательным напоминанием о древних пророчествах и «Союзной грамоте» были посланы новые делегации в конце XVI в. и во второй половине XVII в. 12 февраля 1663 г. киликийский армянский

[8] О надежде на месть свидетельствуют и другие армянские письменные источники. Например, Иосиф Эмин (1726–1809), центральное действующее лицо армянского освободительного движения второй половины XVIII в., рассказывал, что его дед, который имел чин тысячника в персидской армии, перед смертью обратился к своему старшему сыну с такими словами: «Это мой возлюбленный сын, ему улыбнётся провидение, его сын, которого нарекут моим именем – Эмин, с Божьей помощью поднимет меч для того, чтобы отомстить за судьбу своей Родины и кровь предков, пролитую во имя истины на священном пути христианства...» (EJ, p. 4).

католикос Хачатур Галатаци в своём письме к Людовику XIV призывал его не забывать о пророчестве Св. Нерсеса, выражая уверенность в том, что именно французский монарх спасёт всех христиан, в том числе и армян [3, с. 280–281, 283–284].

Весьма интересным был большой проект армяно-греческого восстания, который представил Людовику XIV представитель западно-армянского освободительного движения Махтеси Мурад (Шахмурад), прибывший в Париж в 1666 г. Это было время, когда здесь вполне серьёзно разрабатывались планы возможной войны против Османской империи. В конце написанного уже в январе 1672 г. послания Людовику XIV Махтеси Мурад восклицал: «Мы твёрдо верим в пророчество Св. Нерсеса, которое наши предки завещали нам. Мы уверены, что божественное провидение именно Вашему Высочеству уготовило блаженство и славу быть освободителем несчастной армянской нации от того бедственного положения, в котором она находится, Вам – великому королю франков, самому видному монарху всего христианского мира и всей земли» [3, с. 300].

Армяне заверяли, что в союзе с «собственно греками (имеются в виду балканские и западно-малоазийские греки. – *А.А.*), с черноморскими греками (то есть понтийцами. – *А.А.*), с грузинами и айсорами» они поднимут восстание, как только французские войска во главе с Людовиком XIV появятся на Балканах и в Малой Азии [3, с. 299]. Именно данный вопрос являлся ключевым на переговорах. В этой связи знаменательно, что, по свидетельству британского историка Пола Рикота (1629–1700), во второй половине XVII в. среди греков были распространены пророчества об освобождении от османского ига с помощью христианской России [13, p. 93] (см. также [3, с. 134]).

Царившие в Армении в то время настроения подтверждают и посланные в Иран агенты Французской Ост-Индский компании де Лален и де Ла Гуз, сообщавшие из Еревана «королю-солнце» следующее: «Живущие в крепости и в городе многочисленные армяне, все без исключения, так же как и страдающие от османской тирании армяне, которых мы видели в Турции, каждый день ожидают конца своих несчастий от победоносного оружия Вашего Высочества и… верят, что живут в пору осуществления своих пророчеств» [12, с. 365]. Как известно, этим чаяниям не суждено было сбыться.

Наиболее подробные материалы о тайных переговорах армянских делегатов в Европе и России относятся к концу XVII – началу XVIII в., когда во главе армянского освободительного движения стоял Исраел Ори (?–1711). Наделённый талантом к стратегическому мышлению и планированию, Ори представил детальнейшие военные программы освобождения Восточной Армении Пфальцскому курфюрсту Иоганну-Вильгельму (1690–1716) и русскому царю Петру I в 1699–1701 гг. В письме к Петру I от имени армянских князей (29 апреля 1699 г.) завуалированно упоминаются пророчества об освобождении Армении с помощью войск христианских монархов и прямо указывается на русского царя (ARO, док. 66. с. 185). Об этом же прямо говорится в письме самого Исраела Ори Петру I от 11–14 июля 1701 г.: «…Не усумневаемся, что ведомо Вашему Царскому Величеству, что в Арменской земле прежде сего в старину был король и принцыпы християнские, а потом от несогласия их наконец то учинилося, что все то королевство Арменское пришло под игом (sic) неверных. Двести пятьдесят и больше

того лета суть, что все то христианство стонет под неверным игом; и яко сынове Адамовы ожидали надежно пришествие Мессиево, который бы их избавил от вечной смерти, так убогий тот народ всегда жил и ныне живет с надеждою помощи и способа Вашего Царского Величества. Им образом предрекоша пророцы, что в последния времена неверные будут зело свирепыя и будут понуждати христиан во еже приняти прескверный их закон, и тогда прийдет из Августейшаго Московского дому великий некото(рый) принцепс, который будет многим храбрее, нежели Александр Великий, который королевство Арменское возмет и христиан избавити будет. Сие пророчество даже до нынешния времена поверено было, и еще и ныне верится…» (EZOV, док. 35. с. 73–74; ARO, док. 78–79. с. 200–203).

Руководство армянского освободительного движения во главе с Исраелем Ори в своём военно-стратегическом планировании важное место отводило прикладной этнопсихологии.

Исраел Ори детально представляет численность армянских войск, которые должны были быть собраны во всех провинциях Восточной (персидской) Армении, как только немецкие или русские войска вошли бы в Армению. В первой, «пфальцской» программе он говорит о 220 тысячах мужчин, которые будут срочно отмобилизованы и сформированы в новосозданную армянскую армию. При этом он просит Пфальцского курфюрста отправить вспомогательный контингент немецких войск, состоящий лишь из 4150 солдат (1000 кавалеристов, 1000 драгунов, 2000 венгерских гусаров, 100 гренадёров, 25 канониров (пушкарей) и 25 бомбардиров) (EZOV, док. 9, § 5, 7, с. 29). Во второй, «московской» программе Ори планирует собрать 116 тысяч армянских мужчин[9], прося у Петра I 25-тысячное вспомогательное войско – 15 тысяч конницы и 10 тысяч пехоты (ARO, док. 85, с. 210–216).

Возникают законные вопросы: если только в восточной части Армении можно было собрать такие огромные воинские силы, то зачем же для её освобождения от персидского ига вообще нужны были 4150 немецко-венгерских или же 25 тысяч русских войск? Нельзя ли было организовать всеобщее восстание самостоятельно, опираясь на собственные силы? Ответы на эти вопросы лежат в реалистичных политико-стратегических расчётах армянского подпольного руководства, учитывавшего как рациональные – военно-стратегические, так и иррациональные – этнопсихологические – факторы для достижения успеха в деле освобождения Армении[10]. Что касается стратегии, то иностранные союзники в лице дисциплинированных и имеющих новейшее европейское вооружение регулярных войск под предводительством опытных военачальников взяли бы на себя трудную миссию военного командования и обучения местных рекрутов. Они же

[9] В «московской» программе по сравнению с «пфальцской» намечалось почти вдвое сократить численность армянских мужчин, подлежащих мобилизации (116 тысяч человек против 220 тысяч), исходя из методологически более прагматичного подхода к её сложностям в ходе молниеносного проведения начального этапа военной кампании.

[10] В случае провала восстания против Сефевидского Ирана или же Османской империи армян неизбежно ждала массовая резня, депортация и насильственная исламизация. В этом ни у кого из деятелей армянского освободительного движения сомнений не было. Неслучайно, что позже, в 1720-х годах, когда новосозданные армянские войска неожиданно оказали вторгшимся в Закавказье турецким армиям яростное и эффективное сопротивление, в Высокой Порте всерьёз начали обсуждать вопрос о тотальном истреблении всего армянского народа (см. [14]).

принесли бы с собой значительное количество оружия и боеприпасов (в частности, артиллерии), чего так не хватало армянскому подполью [15, с. 176–200] (в программе говорится также о раздаче армянским полкам 100 боевых знамён)[11], а также обеспечили бы дипломатическое закрепление успешной военной кампании по освобождению (восточной) Армении и воссозданию Армянского царства под патронажем европейских держав или России[12].

Но не менее важно было и другое: вдохнуть уверенность в армянский народ, который слишком долго – три-четыре столетия – не видел крупных национальных государственных образований на территории своей родины. И в этом деле освободительная легенда в лице всех вышеуказанных пророчеств и «Союзной грамоты» была эффективным средством подвигнуть народ на вооружённое восстание. «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [16, с. 422], – это меткое выражение К. Маркса как нельзя верно характеризует ту ситуацию со слепой, отчаянной верой армянских масс в военную помощь христианских держав.

В 1722 г. Пётр I предпринял свой известный Персидский поход, в ходе которого русские войска захватили ряд прикаспийских провинций (до Решта на юге включительно), но дальше не пошли. Вспыхнувшее параллельно с Персидским походом армяно-грузинское восстание не получило обещанной помощи со стороны русской армии. Хотя новообразованное армянское войско сумело организовать эффективную самооборону против персидских и позже турецких сил в горных провинциях Карабах (Арцах) и Капан (Сюник), оно оказалось не в силах решить изначально поставленную перед собой задачу «освобождения всей Армении» [17] в немалой степени из-за неверно выбранной пассивной, выжидательной стратегии. Истребление сотен тысяч армян в 1720-х годах со стороны вторгшихся в Закавказье турецких войск и заключение российско-турецкого мирного соглашения в июне 1724 г., в котором вся территория Армении закреплялась за Османской империей, вызвали сильнейшее разочарование в освободительной легенде и её положениях. В письменных источниках, в том числе дошедших до нас армянских национально-освободительных программах второй половины XVIII в., ссылки на вышеуказанные пророчества практически исчезают.

В 1761 г. в одной из армянских рукописей рассказ дьякона Месропа о видении Св. Нерсеса назван уже «лживым и поддельным» [2, с. 630]. Такую беспрецедентную критику можно считать свидетельством историко-политической

[11] Если немцам Ори предлагал изобразить на этих знамёнах-хоругвях, с одной стороны, распятие Господне, а с другой – портрет Григория Просветителя с соответствующей армянской надписью (EZOV, док. 9, § 5, с. 29), то русским он делал уступку, отмечая, что на одной стороне можно представить «распятие Господне, а на другой стране – его царского величества герб» (ARO, док. 85, с. 211).

[12] Вскользь заметим, что признанный лидер армянского тайного освободительного движения Исраел Ори был ещё и первоклассным военным специалистом. С целью ознакомления с европейской военной тактикой и новейшим вооружением в 1681–1696 гг. Ори служил в итальянской, французской и немецкой (пфальцской) армиях в качестве как интенданта, так и боевого офицера. Он отличился своей компетентностью и бесстрашием сразу в нескольких военных кампаниях. Пфальцский курфюрст Иоганн-Вильгельм писал армянским *меликам* (князьям) о нём: «Возвысьте г-на Исраела Ори: здесь он видел и принимал участие в военных действиях против противников. Мы воистину были свидетелями и знаем о его подвигах в нашей армии. Доверяйте ему, так как он уже десять лет как стал искушён в [искусстве] нашей войны» (ARO, док. 66. с. 184]). Вовсе не случайно, что в начале 1704 г. царь Пётр I согласился удовлетворить просьбу Ори и сразу возвёл его в чин полковника карабинеров.

(но не социально-психологической) кончины тысячелетней армянской освободительной легенды.

Источники

LP – *Лазарь Парпеци*. История Армении [и армян]. Письмо Ваану Мамиконяну / Критич. текст на древнеарм. яз. подг. Г. Тер-Мкртчян, С. Малхасянц; парал. пер. на совр. арм. яз. Б. Улубабяна. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1982. – 540 с. (на арм. яз.).

ME – *Матфей Эдесский*. Хроника. – Вагаршапат, 1898. – 452 с. (на арм. яз.).

HA – *Herodian of Antioch.* History of the Roman Empire from the Death of Marcus Aurelius to the Accession of Gordian III / Trans. by E.C. Echols. – Berkeley; Los Angeles: Univ. California Press, 1961. – 220 p.

AL – *Элий Лампридий*. Александр Север // Властелины Рима / Пер. С.П. Кондратьева, под ред. А.И. Доватура, коммент. О.Д. Никитинского. – М.: Наука, 1992. – 384 с.

SHA II – Scriptores Historiae Augustae. V. 2 / Trans. by D. Magie. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1998. – 485 p.

SHA III – Scriptores Historiae Augustae. V. 3 / Trans. by D. Magie. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1998. – 529 p.

ThC – *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я.Н. Любарский. – СПб.: Алетейя, 2009. – 400 с.

GR – *Вильгельм Рубрук де*. Путешествие в восточные страны // Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Введ., пер. и прим. А.И. Малеина. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1911. – С. 79–194.

GA – *Gouvea Anthoine de.* Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roy de Perse Cha Abbas contre les empereurs de Turquie Mahomet et Achmet son fils… Traduit de l'original portugais. – Rouen, 1646. – 546 p.

CC – *Clemens Galanus.* Conciliationis ecclesiae Armeniae cum Romana ex ipsis armenorum patrum et doctorum testimoniis, in duas partes. – Romae, 1658. – T. 1. – 611 p.

CARM – A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal Mission of the XVIIth and XVIIIth Centuries: in 2 v. – London: Eyre & Spottiswoode, 1939. – V. I. – 720 p.

EJ – [*Emin Joseph.*] The Life and Adventures of Joseph Emin, an Armenian, written in English by himself. – Calcutta: Baptist mission press, 1918. – 532 p.

ARO – Армяно-русские отношения: Сб. документов: в 4 т. / Под ред. А. Иоаннисяна. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1964. – Т. 2, ч. 1. – 397 с.

EZOV – *Эзов Г.А.* Сношения Петра Великого с армянским народом. Документы, извлеч. из Моск. глав. и С.-Петерб. архивов М-ва ин. дел, Австрийск. придворн. и Гос. архива, Королевско-Баварск. тайн. гос. архива и др. учреждений. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1898. – 512 с.

Литература

1. *Иоаннисян А.Г.* Очерки истории армянской освободительной мысли: в 2 т. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1957. – Т. I. – 526 с. (на арм. яз.).
2. *Иоаннисян А.Г.* Очерки истории армянской освободительной мысли: в 2 т. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1959. – Т. II. – 696 с. (на арм.яз.).
3. *Анасян А.С.* Освободительные движения в Западной Армении в XVII веке (историческое исследование). – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1961. – 442 с. (на арм. яз.).

4. *Айвазян А.М.* Армяно-персидская война 449–451 гг. Кампании и сражения. – СПб.: Алетейя, 2017. – 516 с.
5. *Анасян А.С.* Армянская библиография V – XVIII вв.: в 3 т. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1959. – Т. I. – 1229 с. (на арм. яз.).
6. *Манандян Я.* Труды: в 7 т. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1978. – Т. II. – 646 с. (на арм. яз.).
7. *Charanis P.* The Armenians in the Byzantine Empire. – Lisboa: Livraria Bertrand, 1963. – 63 p.
8. *Adontz N.* Basil I. The Armenian (Emperor of Byzantium 867–886) // Armenian Rev. – 1956. – V. 9, No 1–33. – P. 3–21.
9. *Adontz N.* L'age et l'origine de l'empereur Basile I (867–886) (suite) // Byzantion. – 1934. – V. 9, No 1. – P. 223–260.
10. *Febvre M.* L'état présent de la Turquie. – Paris: Edme Couterot, 1675. – 450 p.
11. *Ghougassian V.S.* The Emergence of the Armenian Diocese of New Julfa in the Seventeenth Century. – Atlanta, GA: Scholars Press, 1998. – 326 p.
12. *Зулалян М.К.* Западная Армения в XVI – XVIII вв. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1980. – 425 с. (на арм. яз.).
13. *Ricaut P.* Histoire de l'état présent de l'Église grecque et de l'Église armenienne. – Amsterdam, 1710. – 444 p.
14. *Aivazian A.M.* The Armenian Rebellion of the 1720s and the Threat of Genocidal Reprisal. – Yerevan: Center for Policy Analysis, American Univ. Armenia, 1997. – 87 p.
15. *Айвазян А.М.* Ручное огнестрельное оружие армянской армии в 1720-х гг. (количество, виды, производство и добыча) // Метаморфозы истории. – 2016. – Вып. 8. – С. 176–200.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 50 т. – М.: Изд-во полит. лит., 1955. – Т. I. – 699 с.
17. *Ayvazyan A.M.* The Secret Meeting of Armenians on Lim Island in 1722 (Concerning The Possible Involvement of Western Armenians in an All-Armenian Liberation Movement) // Issues and Resources for the Study of Medieval Central and Eastern Europe / Ed. by J.M. Bak, P. Banyó. – Budapest; Cambridge, MA: Department of Medieval Studies, Central European University and the Committee on Centers and Regional Associations of the Medieval Academy of America, 2001. – P. 59–68.

Поступила в редакцию
22.04.18

Айвазян Армен Мартинович, доктор политических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Научно-исследовательский институт древних рукописей Матенадаран им. Месропа Маштоца
пр-т Маштоца, д. 53, г. Ереван, 0009, Армения
E-mail: *armenayvazyan@gmail.com*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 3, pp. 735–748

The Impact of Medieval Armenian National-Liberation Eschatology on the Psychology of the Masses and Military-Political Projects of the 16th and 18th Centuries

A.M. Ayvazyan

Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts, *Yerevan*, *0009 Armenia*
E-mail: *armenayvazyan@gmail.com*

Received April 22, 2018

Abstract

In the 10th – 18th centuries, a number of popular prophecies, visions, and legends in Armenian written sources were united by the theme of the liberation of Armenia from Muslim rule with the military help of the great Christian powers. In Armenian historiography, these narratives received the cumulative name of the "liberation legend".

After the destruction of the last Armenian kingdom in Cilicia (1375) and the final decline of the major Armenian principalities in the territory of Armenia (during the late 15th century), the liberation legend's impact on the psychology of the masses increased. The process of frustration in their own forces was directly proportional to the uncritically growing faith in the Christian powers' imminent military intervention for the liberation of Armenia. It seems that the national belief in the tenets of the legend was a kind of adaptive mechanism for the ethno-psychological self-defense and survival of the Armenian people.

The military-political projects for the liberation of Armenia drafted in the 16th – 18th centuries, were invariably taking into account both rational (military-strategic) and irrational (ethno-psychological) factors, including the widespread expectations from the liberation legend's narrative motifs. In the 1720s, however, the legend completely failed to hold out against the historical reality and disappeared forever from the political agenda of the Armenian leadership.

Keywords: Armenian liberation legend, visions, prophecies, collective psychology, ethno-psychological self-defense, foreign military aid, Christian powers, geopolitical conjuncture, military-political projects, strategic ally, secret negotiations

References

1. Hovhannisyan A.G. *Ocherki istorii armyanskoi osvoboditel'noi mysli* [Essays on the History of the Armenian Liberation Thought]. Vol. I. Yerevan, Izd. Akad. Nauk Arm. SSR. 1957, 526 p. (In Armenian)
2. Hovhannisyan A.G. *Ocherki istorii armyanskoi osvoboditel'noi mysli* [Essays on the History of the Armenian Liberation Thought]. Vol. II. Yerevan, Izd. Akad. Nauk Arm. SSR, 1959. 696 p. (In Armenian)
3. Anasyan H.S. *Osvoboditel'nye dvizheniya v Zapadnoi Armenii v XVII veke (istoricheskoe issledovanie)* [The Liberation Movements of Western Armenia in the 17th Century (Historical Study)]. Yerevan, Izd. Akad. Nauk Arm. SSR, 1961, 442 p. (In Armenian)
4. Ayvazyan A.M. *Armyano-persidskaya voina 449–451 gg. Kampanii i srazheniya* [The Armenian-Persian War of 449-451. Campaigns and Battles]. St. Petersburg, Aleteya, 2017. 516 p. (In Russian)
5. Anasyan H.S. *Armyanskaya bibliografiya V – XVIII vv.* [The Armenian Bibliography of the 5th – 18th Centuries]. Vol. I. Yerevan, Izd. Akad. Nauk Arm. SSR, 1959. 1229 p. (In Armenian)
6. Manandyan H. *Trudy* [The Works]. Vol. II. Yerevan, Izd. Akad. Nauk Arm. SSR, 1978, 646 p. (In Armenian)
7. Charanis P. *The Armenians in the Byzantine Empire*. Lisboa, Livraria Bertrand, 1963. 63 p.

8. Adontz N. Basil I. The Armenian (Emperor of Byzantium 867–886). *Armenian Review*, 1956, vol. 9, nos. 1–33, pp. 3–21.
9. Adontz N. L'age et l'origine de l'empereur Basile I (867–886) (suite). *Byzantion*, 1934, vol. 9, no 1, pp. 223–260. (In French)
10. Febvre M. *L'état présent de la Turquie*. Paris, Edme Couterot. 1675. 450 p. (In French)
11. Ghougassian V.S. *The Emergence of the Armenian Diocese of New Julfa in the Seventeenth Century*. Atlanta, GA, Scholars Press, 1998. 326 p.
12. Zulalyan M.K. *Zapadnaya Armeniya v XVI – XVIII vv.* [Western Armenia in the 16th – 18th Centuries]. Yerevan, Izd. Akad. Nauk Arm. SSR, 1980. 425 p. (In Armenian)
13. Ricaut P. *Histoire de l'état présent de l'Église grecque et de l'Église armenienne*. Amsterdam, 1710. 444 p. (In French)
14. Aivazian A.M. *The Armenian Rebellion of the 1720s and the Threat of Genocidal Reprisal*. Yerevan, Center for Policy Analysis, American Univ. Armenia, 1997. 87 p.
15. Ayvazyan A.M. Hand firearms of the Armenian Army in 1720s (amounts, types, production, and production). *Matamorfozy Istorii*, 2016, vol. 8, pp. 176–200. (In Russian)
16. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Essays]. Vol. I. Moscow, Izd. Polit. Lit., 1955. 699 p. (In Russian)
17. Ayvazyan A.M. The secret meeting of Armenians on Lim Island in 1722 (concerning the possible involvement of Western Armenians in an all-Armenian liberation movement). In: *Issues and Resources for the Study of Medieval Central and Eastern Europe*. Bak J.M., Banyó P. (Eds.). Budapest, Cambridge, MA, Department of Medieval Studies, Central European University and the Committee on Centers and Regional Associations of the Medieval Academy of America, 2001, pp. 59–68.

Для цитирования: *Айвазян А.М.* Воздействие средневековой армянской национально-освободительной эсхатологии на психологию масс и военно-политические проекты XVI – XVIII вв. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 3. – С. 735–748.

For citation: Ayvazyan A.M. The impact of medieval Armenian national-liberation eschatology on the psychology of the masses and military-political projects of the 16th and 18th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 3, pp. 735–748. (In Russian)

Г.Г. Погосян (Хахбакян)
Спелеологический центр Армении,
Научно-аналитический журнал «Регион и Мир», Ереван, Армения

ПЕЩЕРНЫЙ КОМПЛЕКС «ДЕРЕ-ВАНК»

G.H. Poghosyan /Chaghbakyan/

THE "DERE-VANK" CAVE COMPLEX

The ancient Armenian "Dere-Vank" monastery complex or St. Sergius monastery was situated in old Caesarea in Cappadocia. Nowadays the "Dere-Vank" monastery complex is located in Kayseri province (Turkey), in 1 km to the East of Derevank village. Only several artificial caves have been saved nowadays. The artificial complex consists of a church and narthex. It is remarkable for its very interesting structure.

Предисловие

Подземная архитектура Армянского нагорья, наблюдающаяся с древнейших времен, получила значительное распространение со времён зарождения, а затем и принятия христианства в Великой Армении и её сателлитных царств. Особенно это относится к таким территориям, как Малая Армения, Четвёртая Армения, Осроена, Софена, Коммагена и Каппадокия (или, как её именовали римляне, Первая Армения). В подземных сооружениях этого периода естественно отмечается религиозно-культовая составляющая.

В силу исторических обстоятельств подавляющее большинство территорий автохтонного проживания оказалось вне пределов исследовательской досягаемости, а исходя из нетерпимого отношения ко всем памятникам армянского наследия на территориях с возникшими турецкими государственными образованиями, до наших дней мало что сохранилось.

Местоположение

Описываемое место находится на территории исторической Каппадокии[1] близ её древней столицы Мажак[2], известной также под названием Кесарии Каппадокийской[3]. Ныне локализуется на территории сегодняшней Турецкой Республики в провинции Кайсери[4] в районе Талас[5] близ г. Кайсери[6] в 1 км на восток от развалин с. Дере-Ванк[7], находящегося в 7 км к востоку от Кайсери в ущелье на север от г. Талас (рис. 1).

Расположено на левобережье очень узкого ущелья, по которому течёт одна из многочисленных высыхающих левобережных притоков р. Карасу, в свою очередь являющейся левобережным притоком р. Кызыл-Ирмак[8]. Истоки упомянутых многочисленных ручейков питаются родниками и таянием снегов с гор Эрджияс[9].

Любопытно, что описываемое место, находящееся на абс. высоте 1388 м (38°41'26.58"с.ш. / 35°34'52.74"в.д.), на топографических картах Ген. штаба ВС СССР (рис. 1/2) не отмечено [Топографическая.., 1993].

Исследования

В силу того, что рассматриваемый объект находится в исследовательской недосягаемости, упоминания о нём в основном относятся к новому времени, т.е. к периоду XVIII–XX вв.

Наиболее ранним письменным упоминанием рассматриваемой обители, сохранившимся до наших дней, можно считать колофон 1729 г. «Книги проповедей Татеваци», где упоминается обитель святых войнов св. Георгия и св. Сергия, под сенью которой была переписана книга. Обитель та находилась в не-

---

1 *Каппадокия* (греч. Καππαδοκία, лат. Cappadocia, арм. Գամիրք [Gamirk'], тур. Kapadokya) – историческое название местности на востоке Малой Азии на территории современной Турции (часть илов Невшехир, Кайсери, Аксарай и Нигде), употребляющееся со времён античности вплоть до наших дней. Согласно средневековым армянским источникам, земли Каппадокии назывались *Гамирк*. Происхождение подобного названия восходит к племенам обосновавшихся здесь в древности киммерийцев и соответствующему ему библейскому *Гомеру*.

2 *Мажак* (арм. Մաժաք) – древнее название резиденции правителей Каппадокии. Упоминался в работах Страбона как Мазака. Согласно традиции, засвидетельствованной армянским летописцем V в. Мовсесом Хоренаци, армянский царь Арам назначил в Каппадокию наместника по имени Мшак, который основал город и дал ему своё имя. Со временем название города исказилось, превратившись в Мажак [Мовсес Хоренаци, 1990].

3 *Кесария Каппадокийская* (арм. Կեսարիա Կապադովկիոյ, лат. Caesarea in Cappadocia) – после присоединения Каппадокии к Римской империи в первой четверти I в. н.э. и превращения её в одноимённую провинцию, столица Мажак была переименована Тиберием в Цезарею или Кесарию Каппадокийскую.

4 *Кайсери* (тур. Kayseri ili) – ил (провинция) в центральной части Турции. Территория ила включает 16 районов.

5 *Талас* (тур. Talas) – ильчесы (район) с одноимённым административным центром в иле Кайсери, один из пяти столичных районов Кайсери.

6 *Кайсери* (тур. Kayseri) – после захвата Каппадокии в XI в. турками-сельджуками город Кесария стал именоваться искажённо на турецкий лад – Кайсери.

7 *Дере-Ванк* (тур. Derevenk) – армянское село в районе Талас. Некогда являлось важным монастырским центром. Ныне сохраняются трудноразличимые развалины.

8 *Кызыл-Ирмак* (тур. Kızılırmak) – самая длинная река в Турции. Длина 1151 км, площадь бассейна 77100 км². Впадает в Чёрное море. Античное название – Галис (др.-греч. Ἅλυς).

9 *Горы Эрджияс* (тур. Erciyes) – часть Антитавра в северо-западной Каппадокии, в 25 км к югу от г. Кайсери. Наивысшая точка 3940 м – гора Кызыятагы, это большой стратовулкан, который считается самой высокой горой центральной части Малой Азии. В армянских и греческих источниках гора называлась Аргеос (арм. Արգէոս, др.-греч. Ἀργαῖον).

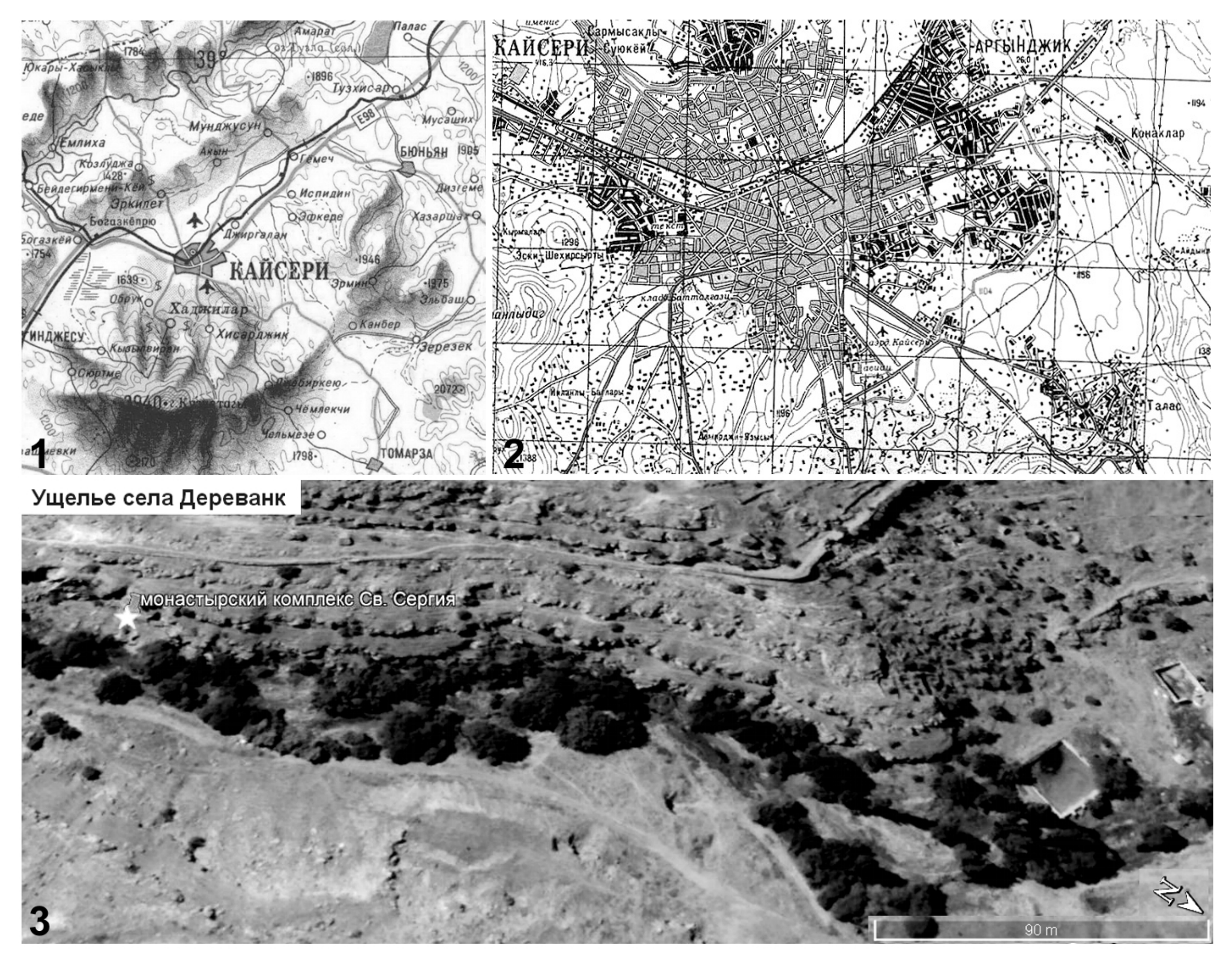


Рис. 1. 1 – Фрагмент топог. карты листа 10-36 Анкара (J-36); 2 – Склейка фрагментов топог. карт листов Кайсери (J-36-047) и Бюньян (J-36-048); 3 – Космоснимок ущелья с местонахождением пещерного комплекса св. Сергия. В правой части находятся развалины с. Дере-Ванк, где отчетливо виден бассейн

коем селе Хори (арм. Հոռի), что созвучно Дзори (арм. Ձորի) близ города Мажак [Алпояджян, 1937: 754].

Во второй половине XVIII в. Симеон Ереванци[10] в главе пятой при перечислении нвиракских областей «*В Западной стране, под владычеством турок*», упоминает название села, но не более того [Ереванци, 1958: 115].

В самом начале XIX в. Гукас Инчичян[11], кроме упоминания рассматриваемого монастырского комплекса, сделал небольшое исследование. Так, в главе «*Малая Армения*», во второй из пяти провинций – «*провинция Гайсериэ, а в древности Кападовкия*», в части «*Гайсериэ, а в древности Мажак, а затем Кэсариа*», в числе прочих селений, автор повествует о селении Тэрэванк как об одном из близлежащих к городу. Автор предполагает, что название села *Тэрэванк,* возможно, произошло от более раннего Дзораванк. Следует заметить, что предположение весьма убедительно, если учесть два фактора. Во-первых, в армянском языке слово *ванк* означает *монастырь*, а *дзор – ущелье*; а по-турецки ущелье звучит как «*дэрэ*». Во-вторых, село на самом деле находится в ущелье. При кратком описании села, автор упоминает, что в 1806 г. здесь проживало 60 домов армян и 10 домов турок. Около села имеется монастырь, братия которого состояла всего из 3–4 монахов. Вокруг села в скалах много пещер, в одной из них некогда был отшельником святой Сергий, ему и посвящён монастырь. Основная церковь монастыря вырублена в скале. Проход к ней сложен и опасен, а перед ней находится часовня, тоже вырубленная в скале [Инчичян, 1806: 314].

[10] *Симеон I Ереванци* (арм. Սիմեոն Ա Երեւանցի) (1710, Ереван – 26.07.1780, Вагаршапат) – церковно-политический деятель, педагог, историк и книгоиздатель. Католикос всех армян (с 1763 г.). В 1773 г. официально учредил Российскую епархию Армянской Апостольской Церкви. Автор многочисленных трудов религиозного, философского и исторического характера.

[11] *Инчичян Гукас Погосович* (арм. Ղուկաս Պողոսի Ինճիճեան) (21.03.1758, Константинополь – 2.07.1833, Венеция) – армянский историк, географ и археолог, член конгрегации мхитаристов. Местоблюститель аббата конгрегации (с 1828 г.). Автор трудов с ценными сведениями о природных и климатических условиях Армении, о населении, нравах, государственном строе и т.д. Наиболее примечательны работы в области исторической географии Армении.

Шарль Тексье[12] в своей книге, изданной по результатам экспедиции в 1849 г., высказал мнение, что антропогенные пещеры в ущелье Дереванка очень древние, восходят к временам начала христианства, служили местом молебнов [Texier, 1849].

Виталь Куинет[13] в конце XIX в. в первом томе своего четырёхтомного труда высказал предположение, что пещеры в ущелье Дереванка в лучшем случае служили местом для отшельников [Cuinet, 1890: 318].

Из всех имеющихся описаний села Дере-Ванк и рассматриваемого монастырского комплекса наиболее обширное и детальное со всеми относящимися к нему культовыми и гражданскими памятниками, сведениями о населении, его традициях и праздниках сделал Аршак Алпояджян[14] в начале XX в. Пользуясь сведениями двух своих информаторов в третьей части первого тома, во второй главе, именуемой «*армянонаселенные места в Кесарийской епархии*», в пункте «*II Тэре Ванк или Теревенк*» в первой половине текста автор привёл весьма красноречивое и подробное описание, составленное неким Егиазаряном, а во второй половине, приводя весьма подробные сведения, присланные выходцем из села Григорием Ншаняном, делает свои заключения.

В первой части он вкратце указывает местонахождение села, подробно описывает его расположение и окрестности. При описании села упоминает о том, что фасады всех без исключения домов построены святотесанным камнем, а тыльной частью примыкают к скалам и имеют вырубленные пещерные помещения, используемые в качестве хранилищ и даже холодильных помещений (рис. 3/4). Говоря о наличии церкви, тоже вырубленной в скалах, а по сему тёмной внутри, отмечает особо бережное отношение к ней жителей деревни, превосходящее отношение кесарийцев к своей кафедральной церкви. Рядом с пещерной церковью находится скромное здание школы, построенное добровольным трудом жителей деревни. Затем Алпояджян повествует о двух родниках в селе, один из которых безымянный, а второй, по причине рядом растущих двух древних тутовых деревьев, называют *Тут Алт* (арм. Թութ Ալթ). В деревне очень много плодовых деревьев: яблонь, груш, абрикосов, но есть также высокорослые декоративные деревья: ивы, осины и тополя. Выше деревни узкое ущелье расширяется. Тут же внизу находится древний каменный мост, а над ним на самом верху видны пещеры, которые служили кельями монахам монастыря св. Сергия. Скалы здесь с двух сторон служат естественной оградой для древних монастырских оснований, а с южной стороны сохранились остатки старой крепостной стены, в которой имеются невысокие ворота. В центре образовавшейся площадки находится бассейн, заполняемый холодной водой из еще одного родника, бьющего на территории монастыря, а из бассейна вода течёт далее по ущелью в сторону села. Здесь растут древние орешники, благодаря которым этот сквер сельчане называют *Чэвиз Алт* (арм. Ճէվիզ Ալթ). Отсюда, шагах в пятидесяти, под западным склоном бьёт еще один родник, известный своей прохладной водой, именуемый *Гзлар пунар* (арм. Գըզլար փունար). Так он называется потому, что в шаге от него имеется естественное углубление в виде корыта, служащее бассейном для паломников и деревенских мальчишек. Вода из всех родников стекалась в речку Сурмусаг (арм. Սուրմուսաք), которая образуется весной на юге во время таяния снегов. От этого родника ведет широкая тропа прямо к входу в монастырь. Там наверху, помимо вырытой в скале церкви, есть пятнадцать каменных комнат и маленькая, но красивая колокольня.

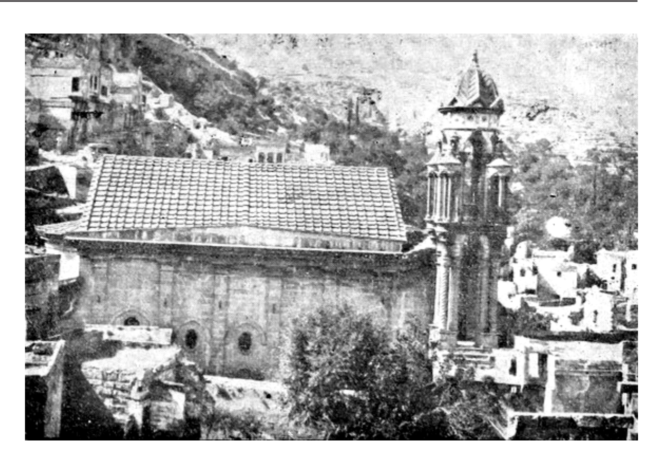


Рис. 2. Церковь св. Тороса в Верхнем квартале с. Дере-Ванк [Алпояджян, 1937: 735]

Вторую часть Алпояджян начинает с указания величины сельского населения, еле доходящего до 70 домов, но обладающего особым очарованием. Здесь же он утверждает, что, хоть село и было изначально армянским, было время, когда село переживало греческий период, от которого в центре села посреди двух околотков, северного и южного, сохранилась церковь

[12] *Тексье, Шарль Феликс Мари* (фр. Charles Félix Marie Texier) (29.02.1802, Версаль – 1.07.1871, Париж) – французский археолог, архитектор и путешественник. Профессор археологии в Колледже Франции (с 1840 г.), инспектор общественных зданий в Алжире (с 1843 г.), академик (1855 г.). В 1839 г. отправился в археологическую экспедицию в Армению, Месопотамию и Персию, результаты которой были опубликованы между 1843 и 1845 гг.

[13] *Куинет Виталь* (фр. Vital-Casimir Cuinet) (19.12.1833, Лонгвиль – 6.09.1896, Константинополь) – французский географ, востоковед. Член Географического общества в Париже. Назначен генеральным секретарем управления государственным долгом Османской империи, в связи с чем много путешествовал по областям Османской империи. Известен своей работой «Азиатская Турция: административная география: статистика, описание и рассуждение каждой провинции Малой Азии», где описывает социально-экономическое положение Османской империи.

[14] *Алпояджян Аршак Аствацатурович* (арм. Արշակ Աստվածատուրի Ալպոյաճեան) (17.06.1879, Константинополь – 25.06.1962, Каир) – западноармянский историк, филолог, общественный деятель диаспоры. Образование получил в училищах Перперян и Кедронакан в Константинополе. С 1922 г. жил и работал в Египте, после переехал в Бейрут. Автор многочисленных трудов по истории армянского народа и армянской литературы. Заметное место среди них занимают исследования, посвящённые истории армянских общин в ряде стран (Румелия, Египет), областей и городов Турции (Кесария, Евдокия, Малатия и др.).

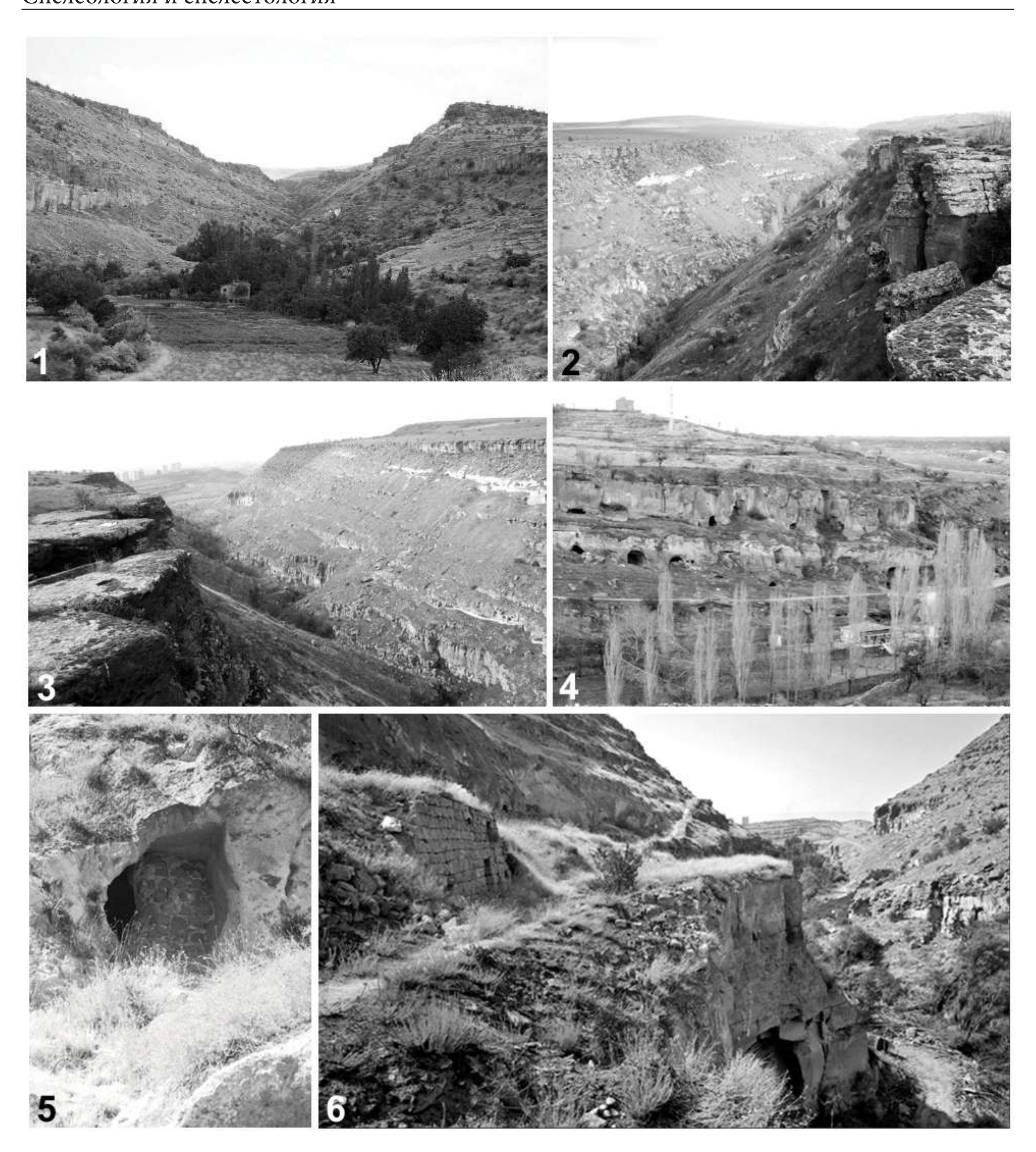


Рис. 3. 1 – Площадка перед входом в ущелье; 2 – Вид ущелья в северо-восточном направлении; 3 – Вид ущелья в юго-западном направлении, вдали видны здания г. Талас; 4 – Множество пещер, некогда находящихся с тыльной стороны жилых домов; 5 – Одна из многих пещер в районе монастыря; 6 – Дорога, ведущая к монастырю

Св. Богоматери. Эта церковь была разрушена во время землетрясения 1825 г. Старцы из Нижнего квартала не всегда успевали доходить до церкви св. Тороса (рис. 2), которая находилась в Верхнем квартале, и свои молитвы вынужденно возносили на руинах церкви Св. Богоматери. В 1870 г. она была раскопана местными жителями, но ничего примечательного найдено не было. В Верхнем квартале во дворе церкви св. Тороса имелось двухэтажное здание школы, самое красивое и заметное здание в селе было названо в честь св. Переводчиков. В 1872 г. в школе обучалось 38 мальчиков и 16 девочек, а в 1901 г. – соответственно 35 и 15 учеников.

В годы после землетрясения 1825 г. многие жители поселились в одном из армянских кварталов Константинополя в Скютаре, а на кладбище был даже

квартал дереванкцев. Вплоть до 1890-х гг. монастырь св. Сергия и церковь св. Тороса использовали традиционный призыв к богослужению благодаря своим колоколам, похищенным в годы Абдул-Гамидовского разбоя. Хотя само село в те годы не пострадало (благодаря организованной самообороне), в 1909 г., в год избиения армян Аданы, селу пришел конец.

Буквально за год до уничтожения населения Дере-Ванка в 1908 г., кроме упомянутых церквей, на склоне хребта к северу от села были найдены развалины древнейших церквей, принадлежащих раннехристианскому периоду, когда отшельники Каппадокийской церкви искали убежище в горах и пещерах [Алпояджян, 1937: 748–758].

Под конец XX в. Степан Мелик-Бахшян[15] в своём энциклопедическом труде относительно культовых памятников села Дере-Ванк упомянул лишь церковь св. Тороса, находящуюся в Верхнем квартале, которая простояла до начала XX в. Церковь имела великолепный сад, где проходили традиционные празднества. Во дворе церкви имелась двухэтажная школа св. Переводчиков, количество учеников в которой доходило до 100. Однако, как и церковь, просуществовала она до Геноцида армян в 1915 г. [Мелик-Бахшян, 2009: 160].

В конце XX в. два доктора исторических наук Раймонд Кеворкян[16] и Поль Пабуджян издали объёмный труд по Геноциду армян в Османской империи. В части «4 – SANDJAK DE CESAREE» в разделе «Le caza de Césarée» после описания местонахождения села Дере-Ванк, указывается количество армян, живших там до геноцида (310 чел.). Далее говорится, что в самом селе армяне имели церковь св. Тороса и школу Святых Переводчиков, в которой в 1901 г. обучалось 50 учеников. Кроме того, акцентируется внимание на том, что среди армянских сёл Кесарии это поселение, хоть и было малочисленным, было самым известным, благодаря монастырю св. Сергия, находящемуся в четверти часа от деревни. Церковь и часовня монастыря вытесаны в вулканической скале и достигают в длину 28 м. Там же находится обширная трапезная и многочисленные пещерные помещения. Не ссылаясь на какой-либо источник, авторы утвердительно заявляют, что монастырь был построен в первой половине XVII в. [Kevorkian, Paboudjian, 1992].

На рубеже XX и XXI вв. магистрант Гюнер Сагир[17] в рамках дипломной работы под названием «Армянские церкви Сурп Крикор Лусаворич и Сурп Асвадзадзин в провинции Кайсери» коснулся интересующей нас темы. В дальнейшем, обогатив материал новыми данными и развив тему, молодой исследователь в 5-м выпуске журнала «Турецкая археология и этнография» за 2005 г. опубликовал статью «*Группа армянских церквей, построенная в османский период в провинции Кайсери*», в которой одна из четырёх частей была посвящена церкви в селе Дере-Ванк и называлась «*Surp Toros Kilisesi*». Исследователь в своей статье ошибочно представил культовый центр монастыря св. Сергия как церковь св. Тороса. Однако молодой искусствовед постарался дать детальное описание внутрискального помещения, чего нет у остальных исследователей [Sağır, 2005].

В начале XXI в. в марте 2008 г. программой армянских исследований Калифорнийского государственного университета во Фресно была представлена выставка цветных фотографий Р.А. Элбрехта и Э.Э. Эльбрехт, под названием «Церкви исторической Армении: мировое наследие» (Churches of Historic Armenia: A Legacy to the World). Из большого количества фотографического материала, собранного супругами во время путешествий по Турции на протяжении 20 лет (с 1987 по 2007 гг.), было представлено лишь 157 работ, распределённых на 20 групп, но не по времени, а по регионам. Под № 15 и 16 фигурировали Кесария и сёла вокруг г. Аргос (15. Caesarea (Kayseri); 16. Villages surrounding Mt. Erciyes). Супруги, посетившие пещерный монастырь Дереванк 11 августа 2006 г., из очевидного множества фотографий представили зрителю всего 4 фотографии со следующими подписями:

1. West bank of the valley between the towns of Talas and Efkere where the Armenian Monastery and town of Derevank were situated, looking south. (August 11, 2006 – A1:7.) (рис. 3/6).
2. An entrance to the initerior chambers and rock-cut chapel of the Armenian Monastery of Derevank, looking east (August 11, 2006 – A4:5.) (рис. 4/3).
3. Painting of an Armenian residence on the rock wall of an entrance to the interior rock-cut chambers of the Armenian Monastery of Derevank, looking south. (August 11, 2006 – A4:2.) (рис. 4/5).
4. Apse of the rock-cut chapel of the Armenian Monastery, of Derevank, looking east. (August 11, 2006 – A3:1.) (рис. 4/7) [An Exhibition, 2008].

Описание памятника

Монастырский комплекс состоит из помещений, вырубленных в скальной породе, внешних строений, близлежащих пещер и монастырского кладбища.

Культовые постройки монастыря св. Сергия находятся на высоте примерно 30–35 м от дороги, идущей по дну ущелья, от которой вверх ведет извилистая тропа (рис. 3/6). По подходу видны развалины монастырских сооружений, трудно поддающихся идентификации, но, предположительно, хозяйственного назначения (рис. 4/1). Основными культовыми сооружениями в комплексе были ***церковь***, вырублен-

[15] *Мелик-Бахшян Степан Тигранович* (арм. Ստեփան Տիգրանի Մելիք-Բախշյան) (15.04.1924, Казанчи, Нахичевань – 28.03.1998, Ереван) – советский и армянский историк и преподаватель, доктор исторических наук (с 1965 г.), профессор (1969 г.).

[16] *Кеворкян Раймонд Арутюн* (арм. Ռեյմոն Հարություն Գևորգյան, фр. Raymond Haroutiun Kevorkian) (22.02.1953, Франция) – доктор исторических наук, профессор, иностранный член НАН РА. Руководитель программ Французского института геополитологии университета Сен-Дени Париж-8. Директор библиотеки Нубара Паши.

[17] *Гюнер Сагир* (тур. Güner Sağır) – музейный научный сотрудник (искусствовед) в Главном управлении культурного наследия и музеев в Анкаре.



Рис. 4. 1 – Развалины монастырских сооружений, трудно поддающихся идентификации (предположительно, хозяйственного назначения); 2 – Развалины притвора; 3 – Развалины часовни; 4 – Остатки свода часовни; 5, 6 – Изуродованные фрески часовни; 7 – Интерьер пещерной церкви монастыря св. Сергия; 8 – Пристенная полуколонна

ная в скальной породе, и ***притвор***, находящийся перед скалами. Следы ***колокольни***, упоминаемой Алпояджяном, не определяются, хотя очевидно, что она была рядом с притвором.

От ***притвора*** сохранились лишь стены, примыкающие к скале. Между стенами, расположенными перпендикулярно скале, примерно 16 м (рис. 4/2). В левой части притвора находятся развалины промежуточного помещения, которое некоторые авторы принимали за ***часовню***, что вполне вероятно (рис. 4/3). На эту мысль наталкивает несколько деталей. Во-первых, сохранившиеся ниши как в скалоприлегающей части, так и в перпендикулярных частях. Во-вторых, сводчатое покрытие, опирающееся на поперечные стены (рис. 4/3). И, наконец, в-третьих, вся верхняя часть описанного помещения покрыта фресками (рис. 4/5). Фреска, находящаяся непосредственно над проходом из притвора в церковь, по всей вероятности, изображала упомянутую в работах Алпояджяна и Мелик-Бахшяна двухэтажную школу св. Переводчиков. Исходя из этого, можно заключить, что фрески современны постройке здания школы в селе Дере-Ванк, т.е. относятся к XIX в. и никак не ранее XVIII в. На фотографиях видно, что за последнее десятилетие повреждения на фресках увеличиваются (в правой нижней части отломан значительный кусок) (рис. 4/6).

Из предполагаемой часовни вход во внутрискальную часть комплекса, а именно в ***церковь***, осуществляется через низкий проход, находящийся в западном склоне скалы. Основная культовая составляющая комплекса вырублена в скальной породе и состоит из одного, но большого помещения – церкви типа однонефной залы (рис. 4/7). Зал церкви структурно состоит из апсиды на востоке и продолговатого наоса с тремя пещерообразными приделами (рис. 5). Прямоугольное в плане помещение наоса нарушается ближе к апсиде резким расширением по одному метру в обе стороны. Вся длина наоса достигает 28 м, а ширина в узком месте, т.е. на западе – 10,5 м. Западная часть подчёркнута тем, что свод нефа опирается на подпружную полуарку, опирающуюся, в свою очередь, на пристенные полуколонны в северной и южной стенах. Сами стены в помещении оставляют впечатление грубо тёсанных, но покрытых толстым слоем штукатурки. Как в северной, так и в южной стенах, в метре от полуколонн к востоку имеются проходы в несоразмерные помещения-приделы. Южный придел осуществлен более канонически, т.е. проход ведёт в малое помещение, ориентированное параллельно основному. Северное помещение своей бесструктурностью напоминает естественную пещеру, которую постарались приноровить к основе. В ней имеется проход, ведущий, по всей вероятности, на второй этаж, однако он завален. Восточнее прохода в северное помещение в той же стене на высоте 0,5 м имеются две аккуратные и симметричные ниши. В 0,5 м от последней и происходит расширение основного помещения. В 0,5 м от углов уже расширившегося наоса в обеих стенах имеются совершенно симметричные по длине углубления, но по глубине они различны. Так, если в южной стене углубление в 0,5 м, то в северной стене оно достигает 1 м и в восточной части имеет продолжающееся бесструктурное углубление, ориентированное на восток. Восточнее описанных углублений в обеих стенах на равном расстоянии находятся малые симметричные ниши, подобные нишам в северной стене наоса до расширения. Все ниши вырублены обычным образом – сужающиеся к верху, размерами 0,4×0,4 м с такой же глубиной.

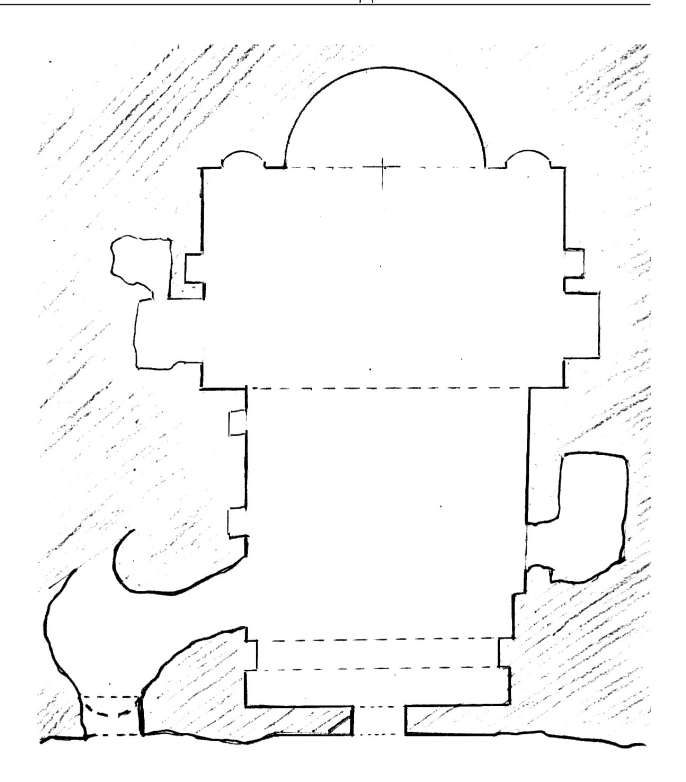


Рис. 5. Полевой план пещерной церкви монастыря св. Сергия

Алтарная апсида, как и полагается в армянской церкви, направлена на восток. Контур апсиды являет собой правильное полукружье. По обе стороны от апсиды имеется по одной неглубокой нише с малыми апсидами, имитирующими приалтарные приделы. Сам алтарь сильно повреждён. Определить высоту алтарной вимы не представляется возможным. Традиционный световой проём для встречи лучей восходящего солнца отсутствует по причине того, что восточное направление – это направление внутрь горы. Единственный световой проём находится в западной стене непосредственно над входным проёмом, через 0,4 м сделан классический, присущий культовым строениям Армении световой проём, сужающийся к выходу и расширяющийся во внутрь.

История

Как уже сказано выше, рассматриваемый монастырский комплекс находится близ с. Дере-Ванк, которое располагается рядом с древней Кесарией Каппадокийской, где проповедовали апостолы Пётр

и Павел. С Кесарией связаны имена многих святых, особенно периода гонений на христиан II–III вв., когда им приходилось скрываться в пустынных скальных и подземных жилищах Каппадокии. Например, в Кесарии Каппадокийской в 301 г. скончался за веру во Христа после мук от меча Сергий Кесарийский (уместно напомнить, что рассматриваемый выше монастырь был посвящён св. Сергию).

Кроме того, Кесария занимает важное место в истории Армянской Апостольской Церкви. В этом городе вырос Сурен сын Анаков, получивший при крещении имя Григорий, ставший в дальнейшем Просветителем Армении. Григорий был рукоположен в епископы в Кесарии, так как там была епископская кафедра. С тех пор установился порядок, по которому каждый новоизбранный предстоятель Армянской Церкви получал рукоположение от Кесарийского архиепископа.

Тот факт, что село, получившее своё название от присутствующего рядом монастыря, не молодое, подтверждается многократным упоминанием села в османских податных книгах, относящихся к Кейсери в 1500 г. (906 Хиджры) [İnbaşı, 1992; İnbaşı, 2009].

Село Дере-Ванк хоть и маленькое (60–70 домов на протяжении всего XIX в., согласно Инчичяну и Алпояджяну), но знаменитое не только своим монастырём, но известными личностями.: например, известный в Османской империи род Палянов – династия придворных архитекторов, украшавших своими архитектурными шедеврами Константинополь на протяжении XVIII–XIX вв. Но, увы, даже столь именитый род не смог спасти село от угрозы, нависшей над армянами по всей Османской империи.

Накануне Первой мировой войны в провинции Кайсери насчитывалось 40 церквей, 7 монастырей и 56 школ с 7119 учениками. Согласно османской переписи 1914 г., более 50 000 армян проживали в провинции Кайсери (центр города и близлежащие деревни). Большинство армянского населения было депортировано в 1915 г. Естественно, та же участь постигла Дере-Ванк.

Литература

Алпояджян А. История армянской Кесарии: Описательное, историческое и этнографическое исследование. – Том I. XXXIV+1–1295 с.; Том II. 1295–2479 с. – Каир, 1937. (на арм. яз.).

Инчичян Г. География четырех сторон света: Азии, Европы, Африки и Америки. – Часть Первая. – Азия. – Том I. – Венеция: Св. Лазаря, 1806. (на арм. яз.).

Мелик-Бахшян С. Армянские культовые места. – III. – Ер.: Изд. ЕрГУ, 2009. – 432 с. (на арм. яз.)

Хоренаци М. История Армении / Пер. с древнеарм. языка, примечания Г. Саркисяна; ред. С. Аревшатян. – Ер.: «Айастан», 1990. – 291 с.

Ереванци С. Джамбр. Памятная книга, зерцало и сборник всех обстоятельств Святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей / Пер. С.С. Малхасянца. – М.: Изд. восточной литературы. 1958.

Топографическая карта, лист 10–36 Анкара (J-36). Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР. Масштаб 1:1.000.000. Издание 1974 г.

Топографическая карта, лист – Бюньян (J-36-048). Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР. Масштаб 1:100000. Издание 1993 г.

Топографическая карта, лист – Кайсери (J-36-047). Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР. Масштаб 1:100000. Издание 1993 г.

An Exhibition of Color Photographs by Richard and Anne Elbrecht. 2008. Presented by the Armenian Studies Program California State University, Fresno. – URL: https://www.fresnostate.edu/artshum/armenianstudies/resources/churches/index.shtml

Cuinet V. La Turquie d'Asie: géographie administrative, statistique, descripttive et raisonée de chaque province de l'Asie-Mineure. – 4 Vols. – Paris, 1890–95.

Kevorkian R.H, Paboudjian P.B. Les Arméniens dans l'Empire ottoman à la veille du genocide. – Paris, Arhis, 1992. – 603 p.

Texier Ch.F.M. Description de l'Asie Mineure: faite par ordre du gouvernement français en 1833–1837; beaux-arts, monuments historiques, plans et topographie des cités antiques (Band 2). – Paris, 1849.

Güner S. Kayseri'de Osmanlı Dönemi'nde İnşa Edilmiş Bir Grup Ermeni Kilisesi İl // "Türk Arkeoloji ve Etnografya" Dergisi, Sayı:5, Yıl 2005, T.C.Kültür ve Turizm Bakanlığı Kültür Varlıkları ve Müzeler Genel Müdürlüğü.

İnbaşı M. 16.yüzyıl Başlarında Kayseri. – Kayseri, 1992.

İnbaşı M. 1500 (HİCRÎ 906) Tarihli Kayseri Tapu-Tahrir Defteri. – Kayseri, 2009.



УДК 327(479.25)

К. П. Айрапетян

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО УСТРОЙСТВУ ЗАПАДНО-АРМЯНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ПЕРВЫЙ ГОД СУЩЕСТВОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ[1]

В статье рассматривается государственная политика по устройству западно-армянских беженцев с мая 1918 г. по май 1919 г. в первой Республике Армения (РА) (1918–1920 гг.). Данная проблема возникла перед национальными властями республики с первых дней ее образования. В деле ее разрешения республиканские власти должны были учитывать как ее социально-экономические, так и национально-политические, фрагментарные аспекты. Армянское руководство должно было, с одной стороны, решать проблемы устройства беженцев, с другой стороны – вовлечь их в общественно-политическую жизнь страны, в дело создания независимого национального государства. Поэтому в начале августа 1918 г. вновь сформированное правительство РА провозгласило, а в сентябре-октябре законодательно закрепило, государственную беженскую политику, составной частью которой являлась политика по устройству западно-армянских беженцев на свободных или брошенных землях РА. После победы в ноябре 1918 г. стран Антанты в Первой мировой войне во внешнеполитическую повестку дня первой РА в качестве одной из первоочередных был включен вопрос возвращения и последующего обустройства беженцев в родных селениях в Западной Армении. Для достижения этой цели в первой половине 1919 г. властями республики были предприняты ряд внешне и внутриполитических шагов, которые не привели к разрешению поставленной задачи.

Ключевые слова: первая Республика Армения, беженцы, западные армяне, государственная беженская политика, политика по устройству западно-армянских беженцев, вопрос возвращения западно-армянских беженцев.

K. P. Hayrapetyan

THE STATE POLICY ON ACCOMMODATION OF WESTERN ARMENIAN REFUGEES IN THE FIRST YEAR OF STATEHOOD OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

The article examines the state policy on accommodation of Western Armenian refugees from May 1918 to May 1919 in the first Republic of Armenia (RA) (1918–1920). The problem of Western Armenian refugees confronted the national authorities of the republic from the first days of its formation. In solving this problem, the republican authorities had to take into account both its socio-economic and national-political, fragmental aspects. On the one hand, the RA authorities had to accomodate the refugees and tackle socio-economic and internal political issues. On the other hand, they intended to involve Western Armenian refugees into the socio-political life of the country, in the process of independent national state construction. Therefore, the refugee policy was proclaimed in August 1918 and legislatively fixed in September-October 1918, the main part of which was the Western Armenian refugees accommodation policy on free or abandoned lands. In November 1918 after the victory of the Entente countries in the First World War the question of the return and subsequent resettlement of Western Armenian refugees in their native villages in Western Armenia was inevitably added on the foreign policy agenda of the first RA as one of the priorities. To achieve this goal, the authorities of the republic in the first half of 1919 took a number of external and internal political steps that did not lead to the implementation of the task.

Key words: First Republic of Armenia, refugees, Western Armenians, state refugee policy, policy on accommodation of Western Armenian refugees, Western Armenian refugees return issue.

Перед национальными властями первой Республики Армения (1918–1920 гг.) с первых дней возникла проблема западно-армянских беженцев. В деле ее разрешения должны были учитываться как проблемы устройства беженцев, так их включения общественно-политическую жизнь молодой республики. Имея целью преодолеть разобщенность прибывающего армянского населения, властям необходимо было вместе с решением беженских вопросов предпринять соответствующие шаги по преодолению в сознании прибывающих беженцев того недоверия и отчужденности в их отношении к властям и населению вновь образованной на небольшой части Ереванской губернии Республики Армения.

Независимое армянское государство строилось в сложнейших военно-политических и социально-экономических условиях. Наличие в респу-

[1] См. начало статьи: Айрапетян К. П. Проблема западно-армянских беженцев во вновь образованной первой Республике Армения // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №2. С. 8–15.



блике многочисленных беженцев являлось одним из основных социально-политических факторов, усугубляющих положение дел в стране и ведущих к разрастанию анархии.

«Небольшая наша территория, принявшая еще задолго до последних событий[1] массу беженцев из Турецкой Армении, в настоящее время дала приют также всему армянскому населению тех частей Эриванской губернии, которые по договору[2] отошли к Турции; можно смело сказать, что территория наша в настоящее время наводнена и загрязнена беженцами до крайних пределов; пришлое население это, бросившее на произвол судьбы насиженные свои места и все свое достояние – озлобленное и доведенное до отчаяния двигалось и продолжает двигаться стихийно, портя и разрушая на своем пути решительно все, не исключая даже и культурных ценностей, ни чем и ни кем не сдерживаемое, вследствие царящей разрухи и отсутствия в стране твердой власти. Население это живет в настоящее время на местах чрезвычайно скученно, при самых антисанитарных условиях и терпит всякого рода лишения, а главное – вследствие невероятной дороговизны и невозможности достать предметы первой необходимости в массе своей недоедает, а местами и вовсе голодает, всякого рода заболевания, в том числе и заразные, широко распространены между ними», – так в конце июня 1918 года метко и в докладной записке описывал сложившуюся во вновь образованной республике ситуацию Ереванский губернский врач [4, л. 7об].

Государственно-политическое руководство республики представляло всю сложность и тяжесть разрешения вопросов связанных как с беженцами, в целом, так и с западно-армянскими беженцами, в частности. Причем вопросы, связанные с «сотнями тысяч голодных и бездомных беженцев» [9, с. 10] требовали безотлагательного разрешения. Этим было обусловлено то обстоятельство, что республиканские власти сформулировали беженскую политику в первые же дни своей деятельности. Такому оперативному оформлению беженской политики способствовал также накопленный государственно-политическими деятелями опыт работы с западно-армянскими беженцами в период предшествующий образованию Республики Армения. Юридическим основанием государственной беженской политики, стали принятые еще на Первом съезде западно-армянских беженцев (2–11 мая 1917 года) решения. Так, в резолюции о предшествующей деятельности национальных беженских органов были отмечены ряд недостатков в их работе: во-первых, несмотря на идентичность целей, эти органы помощи беженцам не действовали единообразно, не аккумулировали средства для достижения одних и тех же целей, во-вторых, вместо предоставления беженцам соответствующей работы они выдавали им различного рода пособия, рассматривая свою помощь беженцам всего лишь как гуманитарную деятельность, в-третьих, организация помощи беженцам осуществлялась ими без участия представителей самих западных армян, что вызывало недовольство последних [2, с. 30–31].

Ограниченные возможности и скудные средства правительства РА не давали возможностей для создания хотя бы минимальных условий для жизнедеятельности многочисленных беженцев. Республиканские власти не обеспечивали полного содержания западно-армянского населения, но старались дать возможность заработать и таким образом выжить. Только те, кто не мог работать получали пособие. Одновременно, работающие на земле беженцы включались бы в социально-экономическую и внутриполитическую жизнь республики, становились бы непосредственными участниками восстановления разоренной экономики маленькой страны. Для этого и необходимо было устроить беженцев: или путем возвращения их к родным очагам в прежних их поселениях, или, обустраивая их в новых местах, которые ранее были брошены их прежними жителями. Государственная беженская политика, 3-го августа 1918 года была представлена премьер-министром О. Каджазнуни в программном заявлении первого правительства парламенту республики – Совету Армении. «Устроить беженцев – частью путем возвращения на прежние места, частью путем планомерного расселения по новым местам», – так в пятом пункте отдела внутренней политики данного заявления была сформулирована беженская политика [5, л. 5]. После одобрения заявления парламентом беженская политика фактически получила статус государственной.

Решение вопроса «возвращения на прежние места» беженцев зависело от властей Османской Турции, войска которой в феврале – мае 1918 г захватили всю Западную и значительную часть Восточной Армении. Поэтому во внешнем отделе вышеупомянутого программного заявления правительства закреплялось положение о необходимости добиться вывода турецких войск из пределов страны[3] и возвращения к родным очагам беженцев. Здесь необходимо отметить, что по настоянию армянской делегации на переговорах в Батуме право возвращения восточно-армянских беженцев уже было закреплено в письме Вегиб паши[4] от 5-го июня 1918 года [1, с. 416], которое в качестве приложения к Батумскому договору приобретало статус международно-правового документа. На достижение этих целей были направлены основные внешнеполитические и дипломатические усилия вновь образованной республики Армении [12, с. 46].

Власти Османской Турции, однако, не считали возможным возвращение западно-армянских беженцев к своим родным очагам в Западной Армении. Поэтому предусматривалось, что за-

[1] Имеется в виду роспуск Закавказского сейма и образование Республики Армения 28 мая 1918 года.

[2] Речь о Батумском договоре, подписанном 4 июня 1918 года.

[3] Здесь подразумевались границы, определенные Брест-Литовским договором.

[4] Командующий турецкими войсками в Закавказье, один из двух сопредседателей турецкой делегации на Батумских переговорах.



падно-армянские беженцы будут размещаться в покинутых местными жителями селениях, на свободных или брошенных землях на территории республики, а восточно-армянские беженцы должны были возвратиться к своим родным очагам в районах, находящихся под оккупацией турецких войск. Однако, вплоть до подписания Османской Турцией 30 октября 1918 г. Мудросского договора о перемирии, согласно которой турецкие войска должны были оставить территорию Восточной Армении, переговоры с представителями турецких военных властей в Закавказье по вопросу возвращения восточно-армянских беженцев так и не дали результатов.

Государственная беженская политика законодательно была оформлена Советом Армении в сентябре-октябре 1918 года, когда были приняты четыре беженских закона. Основные принципы этой политики были закреплены в принятой 28 сентября 1918 г. первом законе «О попечении нуждающихся беженцев» [3, с. 6]. Закон оформлял основопалагающий принцип: предоставление помощи нуждающимся беженцам посредством труда. Провозглашалось, что находящиеся в границах Армении государственные свободные, а также брошенные и бесхозные земли передаются беженцам для возделывания. Согласно, третьей статьи закона каждой беженской семье земля должна предоставляться в соответствии с количеством трудовых рук в семье. Следующая статья определяла, что по соответствующим спискам беженцу будет отпускаться сельскохозяйственный инвентарь, за порчу которого он может привлекаться к ответственности. Пятая статья закона провозглашала, что если беженец в течение месяца не явится в назначенное место, то последний лишается права пользования предоставленной ему землей.

Законодательное закрепление политики по устройству беженцев в первую очередь предоставляло правительству возможность на законных основаниях предпринимать меры по размещению западно-армянских беженцев на свободных или брошенных землях. Вместе с тем этот закон был призван узаконить те самостоятельные действия западно-армянских беженцев по расселению в Восточной Армении, которые были предприняты ими еще до образования республики. Возвратившиеся летом-осенью 1917 г в Западную Армению беженцы в феврале – марте 1918 г. в очередной раз оказались перед угрозой полного истребления перешедшими в наступление турецкими войсками. Им вновь пришлось покинуть родную землю. «Турецкое нашествие 1918 года привело к окончательному выселению почти 150 000 турецких (западных – *К.П.*) армян, которые с такими трудностями были размещены в Турецкой Армении», – писал западно-армянский национально-политический деятель Каро Сасуни [11, с. 167]. Согласно его пониманию, вынужденная эмиграция западных армян в 1918 г. была более организованной и основательной, чем раньше: на этот раз армяне покидали свои отчие дома со своим скарбом и домашним скотом, в сопровождении собственных военных отрядов.

В несколько раз более многочисленные западно-армянские «новые» беженцы не надеялись получить в Восточной Армении всю необходимую помощь ни от государственных властей Закавказья, ни от местных национальных органов или организаций помощи беженцам. Так по данным канцелярии ереванского районного органа Западно-армянского Совета «старые» беженцы в первой половине 1918 г. не получали как государственных пособий, так и жизненно необходимых других продуктов [7, л. 142]. Чтобы сохранить физическое существование своих семей и обеспечить их средствами к существованию, они пытались самостоятельно, опираясь на свою организованность и собственные вооруженные отряды, решить задачу дальнейшего своего существования. «Движущаяся в Араратскую Армению турецко-армянская вооруженная масса имела одну простую логику, – писал К. Сасуни, – они были убеждены, что если турки их насильственно изгнали из их древней родины, то после перехода через Арарат они не должны превратиться в безземельную, неприкаянную людскую массу, напротив, они имеют священное право силой оружия захватить татарские земли и расселиться на них как в своей Новой Родине» [11, с. 172].

В борьбе за свое существование вооруженные беженцы руководствовались программой М. Тер-Минасяна (Рубена) [10, с. 102], который являлся одним из видных национально-политических лидеров западных армян. Согласно этой они должны были закрепиться в восточно-армянских горных массивах от Арагацотна до Сюника и Арцаха (Карабаха), рассматривая их как естественные укрепления против регулярных турецких войсковых соединений и нерегулярных татарских и курдских отрядов. Не доверяя навязанному турками «Араратской республике» Батумскому договору, западно-армянские беженцы были уверены, что после захвата Баку турецкие войска будут стремиться взять в железное кольцо остатки западного армянства, намереваясь окончательно уничтожить их. Имея ввиду такую перспективу, «турецкое армянство надеялось, что высоты Н[ового – *К.А.*]. Баязета, Зангезура и Карабаха могут стать прочными укреплениями против крупных турецких армейских соединений, что обеспечит хотя бы на некоторое время физическое существование армянства» [11, с. 172].

5-го мая 1918 г. в результате стремительного ночного похода западно-армянский отряд, состоящий из жителей Сасуна (горный район в Западной Армении), захватил находящийся в руках мусульман крепость Талин, расположенный на склонах Арагаца. Талинская крепость считалась неприступной и имела важное стратегическое значение в деле обороны Еревана. Затем вооруженные отряды таронцев (область в западной Армении) заняли районы Арагаца и Аштарака Арагацотнской области, разместив несколько тысяч западно-армянских беженцев и их семей



в освобожденных селениях. Таким образом, еще до образования первой Республики Армения западно-армянские беженцы самостоятельно, опираясь на свои вооруженные отряды, предпринимали шаги по обеспечению своего выживания.

Трудное экономическое положение лишало возможности вновь образованную армянскую республику осуществить такую помощь западно-армянским беженцам, которая хоть в какой-то мере была бы соизмерима с тем, что была им оказана до 1918 г. «Турецко-армянские беженцы, численность которых в границах Республики Армения насчитывалась 70–80,000, в настоящее время находятся в крайне бедственном и плачевном положении», – отмечалось 11-го августа 1918 года канцелярией ереванского районного органа Западно-армянского Совета в письме, направленному министру внутренних дел Республики Армения [7, л. 142]. В этих условиях единственно реальным содействием беженцам являлось их размещение и обустройство в оставленных прежними жителями селениях. Для этого, с одной стороны, республиканские власти узаконивали осуществленные прежде самостоятельные действия западно-армянских беженцев по размещению своих семей в брошенных или освобожденных селениях. С другой стороны, власти Республики Армения сами осуществляли конкретные планомерные шаги по дальнейшему размещению и обустройству оставшихся без крова и средств существования западно-армянских беженцев на еще свободных и незанятых землях и селениях.

Количество свободных земель унаследованных от прежних властей в виде государственных поместий было незначительно. Большинство брошенных и бесхозных земель на территории республики появились в 1918 г. в результате межнациональных столкновений во время правления закавказских властей. Одновременно, в сложившихся в республике тяжелейших социально-экономических условиях тысячи местных жителей: без различия национальности и вероисповедания - армян, русских, греков и мусульман стремились покинуть страну, эмигрировать из республики. Так в вышеупомянутом обращении к властям Ереванского районного органа Западно-армянского Совета основным вопросом была просьба в содействии выезду части западно-армянских беженцев за пределы республики, что, как предполагалось авторами письма, являлось бы одним из средств в деле разрешения беженского вопроса. «А для спасения из когтей голода остальных беженцев» предлагалось представить им «всякое государственное вспомоществование и помощь, в том числе в виде земли, помещений для жилья, семян и т.д. и т.п.» [7, л. 142 об.]. Согласно сообщению канцелярии министерства иностранных дел «с 7-го августа по 28-е из Еревана добровольно на Османские земли перешли 1484 мусульманских мигрантских семей, всего 6641 человек» [17]. Количество мусульманских мигрантов определенно было намного больше, так как не включала численность эмигрировавших в предыдущие два месяца. Таким образом, освободившиеся и покинутые земли образовались и в первые месяцы существования первой РА.

Решением задач, связанных с размещением западно-армянских беженцев в оставленных прежними жителями селениях на брошенных и бесхозных землях, занималось отделение устройства беженцев беженского отдела министерства внутренних дел первой РА. Республиканские власти не только провозгласили политику по обустройству западных армян, но стали назначать на соответствующие должности новых, как правило, из их же числа. Так 5-го сентября 1918 г. управляющим отделения по устройству беженцев беженского отдела министерства внутренних дел был назначен западо-армянский национально-политический деятель, член революционной партии дашнакцутюн Ваагн Крмоян [19]. В тех районах республики, где были большие скопления западно-армянских беженцев, управляющими по делам беженцев министерство назначало из числа находящихся в этих районах и имеющих соответствующую квалификацию западно-армянских деятелей. С февраля 1919 г. министерство внутренних дел первой РА мероприятия по устройству и размещению беженцев начало осуществлять уже силами поставленного в его распоряжение главного управления сельского хозяйства и государственных имений Армении. Согласно принятому Советом Армении 7-го февраля 1919 года закону «О преобразовании Ереванского управления земледелия и государственных имений в главное управление сельского хозяйства и государственных имений Армении» вновь преобразованному главному управлению было предоставлено право по управлению «делами по изменению места жительства и беженского обустройства» и принятию мер «по регулированию распределения земель среди сменившего местожительства и устроившегося беженского населения» [3, л. 43].

В результате победы стран Антанты в Первой мировой войне турецкие войска начали выводиться с территории Восточной Армении. В Париже начала работу (январь 1919 г.) мирная конференция, а возглавляемая Погосом Нубар пашой Национальная делегация провозгласила своей целью создание независимой и объединённой Армении и заявила о создании правительства Западной Армении. В создавшихся новых геополитических условиях, как у значительной части руководящих деятелей республики, так и у национально-политического руководства западно-армянских беженцев появились надежды на расширение границ и возвращение беженцев к родным очагам.

Надеяться на изменения позволяла убежденность в том, что победившие в ноябре 1918 г. в Первой мировой войне страны Антанты являются «союзническими» армянскому народу государствами. Основанием для этого служило участие армянских добровольческих соединений в военных действиях против турецких войск и огромные потери армянского народа в годы Первой мировой войны, в том числе и осуществленный турецкими властями в годы войны геноцид армянского



народа. Они считали, что победа в Первой мировой войне принадлежит также всему армянскому народу: с ее западно-армянскими и восточно-армянскими частями. «Мировая война закончилась, наши союзники победили, мы победили, – так начинался Призыв к беженцам Западной Армении, опубликованный 1-го января 1919 г. [6, л. 31]. Таким образом, как власти первой РА, так и руководящие круги западно-армянских беженцев были в огромной степени воодушевлены победой стран Антанты, ожидаемым в ближайшем будущем расширением границ Республики Армения и неотвратимым возвращением к своим родным очагам не только восточно-армянских, но и западно-армянских беженцев.

С большой уверенностью ожидалось получение от стран победителей, необходимой продовольственной помощи, без которой невозможно было спасение местного населения и беженцев от надвигающегося голода и эпидемий. Так, еще 4-го ноября 1918 года премьер-министр РА О. Каджазнуни выступил с заявлением в парламенте «о том, что сегодня Османское телеграфное агентство официально заявило, что переговоры между турками и союзниками закончены, заключено перемирие, в Константинополе рядом с турецкими флагами развеваются флаги союзных государств. Ожидается через Дарданеллы большое количество товаров из Америки, из этих товаров, вероятно, мы тоже будем иметь свою часть: ожидается большое количество зерна», после чего «парламент и общественность устроили овацию присутствовавшему на заседании представителю Американской организации по призрению сирот и беженцев» [9, с. 84].

Прозвучавшее в парламенте 4-го ноября 1918 г заявление премьер-министра О. Каджазнуни о начавшемся с 24 октября 1918 г. освобождении турецкими войсками территории Армении, которое должно было завершиться в течение шести недель, пробудило среди беженцев надежды на скорое возвращение. 5-го ноября 1918 г. в Совете Армении в повестку дня был включен вопрос «задача возвращения беженцев». Принявший участие в обсуждении вопроса депутат С. Врацян заявил, что «беженский вопрос не нов и всем знаком, однако он никогда так остро не стоял перед нами как сейчас, когда 150 тысяч беженцев накопились в приграничных районах, ожидая с минуты на минуту ухода турецких войск» [9, с. 85]. В результате парламент принял постановление, согласно которому, во-первых, «поручалось правительству представить энергичный протест турецкому правительству: с целью ускорения возвращения беженцев», во-вторых, «информировать об этом протесте также представителей великих держав», в-третьих, для каждого из освобождаемых турками уезда образовать управление, которое будет содействовать возвращению беженцев и обеспечит их вход в страну (Западную Армению – *К.А.*) [9, с. 87].

Скорейшее решение задачи безотлагательного возвращения беженцев в родные места и селения было обусловлено тяжелейшим положением, сложившимся в республике суровой зимой 1918–1919 гг. Десятки и сотни беженцев умирали в результате сплошного голода и эпидемии сыпного тифа. Предпринимаемые властями республики меры были недостаточны для вывода сотен тысяч беженцев из этого ужасного положения. Ситуация не изменилась и в начале весны 1919 г. Реальным спасением от голода и эпидемических болезней для беженцев могло бы стать их возвращение и обустройство в родных селениях. После победы стран Антанты в Первой мировой войне вопрос возвращения как западно-армянских, так и восточно-армянских беженцев к родным очагам стал для властей первой РА важнейшей и требующей незамедлительных решений задачей. «Положение беженцев прямо-таки отчаянное, – отмечалось в циркулярном письме дипломатическим представителям министерсрва иностранных дел от 7-го декабря 1918 г., – часть из них не может возвратиться в страну, потому что турки пока там и их страх велик, эти беженцы турецкие армяне, население ушедшее из некоторых частей Карса и Эчмиадзина, Сурмалу, Шарура, Нахиджевана и Ахалкалака» [8, л. 16].

Задача возвращения западно-армянских беженцев стала одним из основных вопросов во внешнеполитической повестке дня первой РА. С ноября 1918 г. поочередно занимавший посты министра призрения, затем министра внутренних дел и исполняющего обязанности премьер-министра А. Хатисян, писал, что с представителями стран Согласия (Антанты) переговоры велись главным образом по вопросу освобождения Армении от турецких захватчиков и «спешного создания возможности для возвращения западно-армянских беженцев в турецкую Армению» [13, л. 140–141]. В результате состоявшихся в марте – мае 1919 г. в Закавказье серии переговоров между правительством РА и командованием британских войск по вопросу возвращения беженцев на родину было получено согласие на осуществление правительством РА репатриации, но с условиями: под собственную ответственность, без участия британских вооруженных сил. Для международно-правового обоснования процесса репатриации и создания внутриполитического консенсуса между западными армянами и руководством республики 28 мая 1919 г. в здании парламента правительством РА торжественно был оглашен «Акт о провозглашении независимой и объединенной Армении». Однако, не имея соответствующего военного и экономического потенциала, правительство РА, не смогло осуществить возвращение на родину западноармянских беженцев. Вопрос так и не был разрешен ни в 1919, ни в 1920 гг. – впредь до конца существования первой Республики Армения.

Источники и литература

1. А-До (О. Тер-Мартиросян). Родовые муки армянства. Ереван, 2014. (На армянском языке).
2. Врацян С. Республика Армения, Ереван: Печатный дом «Акоп Мегапарт», 1993. 704 с. (На армянском языке).
3. Законы парламента Республики Армения (1918–1920 гг.). Ереван, 1998. (На армянском языке).
4. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 201. Сп. 1. Д. 211. Ч.1.
5. НАА. Ф. 199. Сп. 1. Д. 10.
6. НАА. Ф. 199. Сп. 1. Д. 23. Ч. 1.
7. НАА. Ф. 199. Сп. 1. Д. 500.
8. НАА. Ф. 199. Сп. 1. Д. 145.
9. Протоколы заседаний парламента республики Армения. Ереван: Национальный Архив Армении, 2010. (На армянском языке).
10. Рубен. Воспоминания одного армянского революционера. Т.7. Ереван: Адана, 1990. (На армянском языке).
11. Сасуни К. Турецкая Армения под русским господством, (1914-1918). Бостон, 1927. (На армянском языке).
12. Туманян М. Дипломатическая история республики Армения 1918-1920 гг. Ереван, 2012.
13. Хатисян А. Рождение и развитие Республики Армения. Бейрут, 1968. (На армянском языке).

References

1. A-Do (O. Ter-Martirosyan). Rodovye muki armyanstva *(The labor pains of the Armenians).* Erevan, 2014. (In Armenian).
2. Vracyan S. Respublika Armeniya *(The Republic of Armenia).* Erevan: Akop Megapart's publ, 1993. 704 p. (In Armenian).
3. Zakony parlamenta Respubliki Armeniya (1918–1920 gg.) *(Laws of Armenian Parliament (1918–1920)*. Erevan, 1998. (In Armenian).
4. National archive of Armenia (NAA). F. 201. List 1. D. 211. Part 1.
5. NAA. F. 199. List 1. D. 10.
6. NAA. F. 199. List 1. D. 23. Part 1.
7. NAA. F. 199. List 1. D. 500.
8. NAA. F. 199. List 1. D. 145.
9. Protokoly zasedanij parlamenta respubliki Armeniya *(Records of meetings of the Parliament of the Republic of Armenia).* Erevan 4. National archive of Armenia publ., 2010. (In Armenian).
10. Ruben. Vospominaniya odnogo armyanskogo revolyucionera *(Memoirs of an Armenian Revolutionary)*. Vol.7. Erevan: Adana, 1990. (In Armenian).
11. Sasuni K. Tureckaya Armeniya pod russkim gospodstvom, (1914–1918) *(Turkish Armenia under Russian Domination).* Boston, 1927. (In Armenian).
12. Tumanyan M. Diplomaticheskaya istoriya respubliki Armeniya 1918–1920 gg. *(Diplomatic History of Armenian Republic in 1918–1920)*. Erevan, 2012. (In Russian).
13. Hatisyan A. Rozhdenie i razvitie Respubliki Armeniya *(The Birth and the Development of the Republic of Armenia).* Bejrut, 1968. (In Russian).

Сведения об авторе

Айрапетян Карен Павлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник института истории Национальной академии наук Республики Армения (Ереван) / k.hayr58@rambler.ru

Information about the author

Hayrapetyan Karen – PhD in History, Research Associate, Instirute of History National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Erevan) / k.hayr58@rambler.ru

Парусова Н.В.[©]
Бакалавр Востоковедения и африканистики по профилю История Кавказа (Армения),
Санкт-Петербургский государственный университет

АРМЯНСКИЕ ДЕЯТЕЛИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ТИФЛИСА В XVIII – XIX ВВ.

Аннотация
В современном мире особый интерес среди исследователей представляет изучение вопросов функционирования армянской диаспоры. Одним из центров ее развития был Тифлис, в котором в XVIII-XIX вв. армяне составляли значительную долю от общего этнического состава. Сформировав многочисленную городскую общину, они оказались вовлечены во все сферы общественной жизни. В данной статье исследуются основные аспекты жизнедеятельности тифлисских армян в соответствующий период, и рассматривается деятельность ключевых фигур, среди которых были политические деятели и писатели, просветители и меценаты. На основании исторического анализа в ней происходит определение степени армянского влияния на общественную жизнь города.

Ключевые слова: армянское население, Тифлис, история, культура.
Keywords: the Armenian people, Tiflis, history, culture.

Среди грузинских городов Тифлис является одним из тех, что обладает длинной и богатой историей. В XVIII в. он как столица Картлийского (вторая половина XV в. – 1762 г.) и Картли-Кахетинского царства (объединение Картли и Кахетии в 1762 г.) оставался влиятельным центром и сосредоточием культурной жизни Кавказа. После вхождения Картли-Кахетинского царства в состав Российской империи в 1801 г. Тифлис не утратил и продолжал сохранять свое прежнее значение. Благодаря миграционным процессам, которые были вызваны частыми войнами на кавказских территориях, численность армян в городе в XVIII-XIX в. постепенно увеличивалась. Подобные изменения в составе городского населения привели к тому, что армяне стали принимать участие в развитии социально-экономической, политической и культурной сферах жизни общества.

Армянское население Тифлиса было разнородным, состоящим как из зажиточных, так и из небогатых семейств. Армяне первой группы были приближены к грузинскому царскому двору и имели отношение к политическим делам города. Среди них можно выделить род Бебутовых [1, 56]. Представители этого семейства находились в услужении грузинских правителей, и в течение XVIII в. многие из них являлись Тифлисскими «мамасахлиси» (груз. «მამასახლისი», пер. – городской староста) [2, 169-170]. С XIX в., когда эта должность была упразднена, они продолжали заниматься государственными делами, исполняли работу секретарей или состояли на военной службе. В качестве свидетельства для последнего утверждения можно привести В. О. Бебутова. Он служил в составе армии Российской Империи в первой половине XIX в., и в 1856 г. за военные заслуги ему было присвоено звание генерала пехотных войск [3, 437]. Семейством подобного типа был род Ходжаминасовых [1, 77]. Его история в Тифлисе начинается с переселения армян из Джульфы и ведет к тому, что в конце XVIII в. он, как и род Бебутовых, находился в приближенном к царскому двору положении. В XIX в. его представители также поступили на службу в армию Российской империи.

В отличие от знатных армян, деятельность мелких ремесленников и торговцев, формировавших небогатые городские слои, была направлена на оживление экономики и

материальное обеспечение собственной жизни. Тем не менее, некоторым выходцам из этой среды также удалось оказать значительное влияние на развитие Тифлиса как культурной столицы. Свидетельством этому служит судьба армянского поэта Саят-Новы (первая половина XVIII в. – 1795 г.) [4, 163-165]. Он родился в Тифлисе в небогатой семье ремесленника и обучался ткацкому ремеслу, которое со временем бросил с целью стать поэтом-певцом. Используя в качестве новаторских приемов сохранение форм персидского стихосложения и применение к ним других языков, Саят-Нова был приглашен к царскому двору, при котором ранее стихотворения слагались исключительно на персидском языке. В произведениях автор касался связанных с человеческими достоинствами и недостаткам тем, подвергал осуждению социальное неравенство. Таким образом он положительно воздействовал на литературное общество всего кавказского региона, завершал период развития средневековой армянской литературы, которая в его работах достигла наивысшего расцвета, и создавал предпосылки для основания новоармянской литературы.

В XIX в. просветительским центром жизни армянского общества в Тифлисе становится семинария, созданная армянским католикосом Н. Аштаракерци, под руководство которого перешло управление армянской епархией на грузинских территориях. Учебный процесс в данном заведении способствовал воспитанию и формированию нового молодого поколения армян, чьи новаторские идеи стали определяющими в дальнейшем развитии не только армянской, но и городской культуры. К числу выдающихся и наиболее влиятельных выпускников семинарии относится писатель Х. Абовян [5]. Как свидетель существующей и постоянно увеличивающейся разницы между письменным и разговорным армянским языком он понимал необходимость в упрощения литературного языка. Эту идею он воплотил в романе «Раны Армении» (1841 г.), который написал на новоармянском языке – ашхарабаре. Более того, особенностью данного романа является также то, что автор отошел от исторических сюжетов прошлого и обратился к более современному периоду: сюжет произведения раскрывает события русско-иранской войны (1826 – 1828 гг.). Эти два обстоятельства обусловили направление, которое поддержали и усовершенствовали спустя некоторое время другие деятели, – реализм. Заданный Абовяном вектор нашел закономерное продолжение в работах М. Патканяна, М. Тер-Григоряна, Г. Сундукяна и др. Подобное положение в идейной среде нашло отражение в театральной деятельности, которая только зарождалась в данный период. По причине того, что литературные тенденции были тесно связаны с театральным репертуаром, они продвигали его по пути реалистического направления. В связи с этим руководители театральных трупп стали уделять меньше внимания произведениям периода романтизма, чаще обращались в постановках спектаклей к бытовым пьесам, основополагающее назначение которых состояло в описании действительности.

В стенах семинарии происходило также издательство армянской периодической литературы. Типография была образована на основе материальной поддержки Г. Арцруни [6, 62]. В самом начале он, опираясь на собственный практический опыт, оказывал помощь в ее управлении, а затем отошел от этих дел. В середине XIX в. при типографии начала издаваться газета «Пчела Армении» (арм. «Մեղու Հայաստանի», 1858 – 1862 гг.). Ее выпуск в 1860-х гг. продолжился благодаря деятельности братьев Энфиаджян [6, 62], которые открыли книжный магазин, создали при нем типографию и стали выпускать собственный журнал под названием «Журавль армянского мира» (арм. «Հայկական աշխարհի կռունկ»). Оба периодических издания придерживались традиционных устоев общества, в них печатались статьи об истории и значении религии. Их содержание было прямо противоположным содержанию газеты «Рабочий» (арм. «Մշակ»), созданной в 1872 г. самим Г. Арцруни [7, 212]. Его газета была многогранна: она охватывала широкий тематический спектр, в состав которого входили и либеральные идеи, и вопросы внешней

политики, и критика традиционных взглядов [8]. Таким образом, армянские газеты во второй половине XIX в. постепенно превращались в механизм не только отражения повседневной жизни, но и выражения общественных настроений по отношению к тем или иным событиям Тифлиса и мира.

Образовательно-культурная сфера жизни города непрерывно поддерживалась внешним финансированием. Оно осуществлялось на средства, выделенные представителями армянских зажиточных семейств, среди которых были меценаты и филантропы. Например, большой вклад в существование Нерсесяновской семинарии внес А. Манташев [9]. Он всегда оказывал материальную поддержку ее ученикам. Более того, будучи почетным попечителем семинарии, он в начале XX в. выделил средства на строительство нового здания. К числу подобных людей принадлежал Г. Тамамшев. Его состояние строилось на доходах от мельницы для перемола муки, сбытом которой он занимался [10, 154]. В 1851 г. на его средства был построен театр [7, 105-106], в помещении которого неоднократно выступали итальянская труппа, знакомившая зрителей с оперой, грузинские и русские театральные коллективы. Во второй половине XIX в. на его сцене также происходила постановка армянских спектаклей. Как и Г. Тамамшев, армянский меценат К. Алиханов оказал значительное влияние на культурную жизнь города. Он занимался банковским делом и вел торговлю в медицинской сфере, в результате чего ему удалось заметно приумножить собственный капитал и стать одним из состоятельнейших людей Тифлиса того периода [10, 151]. Как большой поклонник музыки он направил материальные ресурсы на устройство и открытие в 1870-х гг. музыкального училища. Примеры подобной благотворительности являются следствием улучшения экономического положения, которое происходило в результате появления в городе наряду с мелкими ремесленными точками крупных предприятий. Готовность финансировать культурную сферу со стороны представителей обеспеченных семейств объясняется их заинтересованностью в повышении культурного уровня жизни населения.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что в XVIII-XIX вв. наблюдается неравномерное вовлечение армянских деятелей в сферы общественной жизни города. С одной стороны, является очевидным тот факт, что армяне наиболее сильно воздействовали на культурную среду Тифлиса. Концентрация на развитии данной среды объясняется необходимостью переселившихся армян сохранять собственные традиции. В результате она превзошла поставленную первоначально цель: армянское учебное заведение не только сохраняло армянскую культуру, но и с помощью таких механизмов, как театр и типография, распространяло ее среди местного населения, в контакте с которым происходил ее синтез. Схожее воздействие наблюдается в экономической сфере, где армяне были представлены как среди мелких ремесленников, так и среди зажиточных купцов. С другой стороны, влияние армянского элемента на политическую среду города оставалось не самым значительным, поскольку армяне, хотя и занимали административные должности, должны были действовать с согласия более высокопоставленных лиц.

Литература:

1. Любимов С.В. Титулованные роды Российской Империи. Том I., СПБ.:1910. – С. 305
2. Մելիքսեթ-Բեկ Լ. Մ. Վրաց աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին: Հ.3/ կազմ. Հ. Բայրամյան, Երևան:1955 – Է. 343
3. Военная энциклопедия. Том 4, СПБ.:1911. – С. 399
4. Հայկական սովետական հանրագիտարան: հատոր 10, Երևան:1982. – Է. 720.
5. Саринян С.Н. Армянская литература [первой половины XIX в.]: http://feb-web.ru/feb/ivl/vl6/vl6-4532.htm?cmd=p

6. Մուրադյան Ա. Հայ տպագրության 500-ամյակը / Ա. Մուրադյան // Պատմա-բանասիրական հանդես, 2012, №1. – Է. 53-66

7. Հովհաննիսյան Հ. Հայ թատրոնի պատմություն XIX դար / Հ. Հովհաննիսյան, Երևան:2010. – Է. 760.

8. Сариньян С.Н. Армянская литература [второй половины XIX в.]: http://feb-web.ru/feb/ivl/vl7/vl7-2082.htm?cmd=p

9. Нерсесяновская семинария – альма-матер армянской интеллигенции Тифлиса: https://sputnik-georgia.ru/columnists/20170215/234890427/Nersesjanovskaja-seminarijaalma-mater-armjanskoj-intelligencii-Tiflisa.html

10. Саргсян Р. Армяне–благотворители Тифлиса (вторая половина XIX в.) / Р. Саргсян // Историко-филологический журнал, 2011, № 2. – С. 149-161.

Акобян А.А.,
магистр 2 курса,
научный руководитель: Пантюхина Т.В., к.и.н., доцент
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

АДАПТАЦИЯ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ В США В XX В.

Аннотация: в статье анализируется процесс адаптации армянского населения к жизни в США. Рассматривается процесс ассимиляции армянского населения и параллельный процесс сохранения национальной идентичности.

Annotation: the article analyzes the process of adaptation of the Armenian population to life in the USA. The process of assimilation of the Armenian population and the parallel process of preserving the national identity are considered.

Ключевые слова: диаспора, США, интеграция, ассимиляция, армяне.

Keywords: Diaspora, USA, integration, assimilation, Armenians.

На протяжении всего XX в. армянская диаспора в США пережила несколько волн переселения, которые были неразрывно связаны с событиями, которые происходили с армянским народом (геноцид, войны и т.д.). Поэтому перед исследователями встает проблема наблюдения за процессами трансформации этнического самосознания американских армян в XX в., что и является темой данной статьи.

Начальный этап интеграции армянского населения в американское общество происходил в 1960-х – 1990-х гг. Он был связан с социокультурным приспособлением и постепенным процессом вхождения армян в американское общество [1]. На данном этапе американские армяне повысили свой образовательный уровень, достигли экономических успехов и стали активными участниками политической жизни Соединенных Штатов Америки. Эта волна армян-иммигрантов была значительно лучше подготовлена к жизни в американском обществе. Помимо этого, после неудачной попытки репатриации в советскую Армению в середине XX в. желание вернуться на родину у американских армян уменьшилось, а к концу XX в. полностью потеряло свою привлекательность и актуальность.

В период второй волны армянской иммиграции в США наблюдалось полное переосмысление армянской идентичности. Среди армян-переселенцев нахождение в диаспоре рассматривалось как постоянное состояние. США стали восприниматься ими как место постоянного пребывания. Армянское население пыталось как можно быстрее стать «хорошими» гражданами США, а также адаптироваться в экономической, социокуль-

турной и политической сферах жизни американского общества. При этом армянские этнические диаспоральные институты (такие как, церковь, общественные организации, политические партии) оказывали армянскому населению всяческую поддержку в данном процессе [2].

Однако, несмотря на стремление к скорой интеграции, значительная часть армян стремилась воспринять американскую культуру, при этом сохраняя свою национальную. В результате шел процесс переплетения двух культур, т.е. процесс бикультурации армян в Соединенных Штатах. К тому же общественные настроения в США, которые не отличались благосклонностью к этническим иммигрантским меньшинствам, усиливали процесс синтезирования в сознании и поведении армянских переселенцев двух культур.

Еще одним важным фактором, который влиял на адаптацию, ассимиляцию и аккультурацию армянских иммигрантов и их потомков было отношение к ним со стороны правящих кругов, общественного мнения и различных слоев населения страны-реципиента. Все это также благоприятствовало «армянскому варианту» адаптации. К тому же либерализация политической жизни в США способствовала утверждению толерантности к малым этническим группам.

Подъем демократических настроений в США, совпавший со следующей волной армянской иммиграции в 1960-1970-х гг., сообщил молодому поколению армян импульс восстать против прежних установок. Ключевым для детей нового поколения стало обстоятельство того, что армянская этническая идентичность становилась для них позитивной, приемлемой, совместимой с американизацией [2].

Новое, молодое поколение американских армян обвиняло своих отцов в полной культурной ассимиляции, с которой те полностью примирились. В большой степени особенности развития ассимиляционного процесса американских армян на всех его этапах зависели от характера расселения представителей армянской диаспоры США. Наиболее привычная для армянских переселенцев анклавная форма расселения неосознанно была направлена против ассимиляционных сил. Наряду с этим, следующие поколения армян (второй половины XX в.) были более свободны в выборе места жительства. Данный факт указывает на большую степень их американизированности, и выступал фактором углубления ассимиляционных процессов.

Традиционная социальная структура армянского общества, образовательные и экономические устремления армян, религиозный фактор, институциональная мобильность – все эти обстоятельства в разной степени влияли на характер и темпы интеграции и адаптации армян в американском обществе. В целом же, либерализация многих социокультурных установок в рамках традиционных армянских национальных институтов, сдвиги в сторону американских ценностей служили определяющим вектором развития ассимиляционного процесса среди американских армян на протяжении всей второй половины XX века.

Стоит отметить, что новые волны иммиграции на некоторое время задерживали процессы ассимиляции, а также способствовали обновлению армянского этнического самосознания.

Таким образом, этническое само-

сознание представителей армянской диаспоры США в 1960-х – 1990-х гг. менялось в зависимости от степени их аккультурации и ассимиляции в американском обществе. У разных групп армяно-американского сообщества процессы аккультурации и ассимиляции имели свои особенности. Для каждого нового поколения трансформация этнического самосознания имела свою динамику. Можно сказать, что у армян действует модель быстрой аккультурации, но медленной ассимиляции. Аккультурация выражается в быстрой адаптации, армяне легко усвоили английский язык, с интересом воспринимали американскую культуру, приспособились к экономическим и политическим условиям в стране. В то же время большинство американских армян стремились сохранить этническую общность, создавая этнокультурные организации, по преимуществу заключая внутринациональные браки. Однако отмеченная неоднородность армянской диаспоры, порождая разногласия внутри армянских организаций, приводила к отходу армян от общинных устоев и ускоряла процессы ассимиляции. Каждое новое поколение американских армян, каждая новая волна иммиграции приносили с собой «инвентаризацию» этнического самосознания армян США.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадалян А. Армянская колония США и ее связи с Советской Арменией в 1945-1985 гг. // Вестник архивов Армении. 2003. №2. С. 88-125.*

2. *Ганаланян Т. Армяне в США (на примере Центра армянских исследований Фресно). URL: http://noravank.am/arm/issues/detail.php?ELEMENT_ID=2334 (дата обращения: 24.02.2018).*

МХИТАРИАНЦЫ И ИХ ВКЛАД В СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АРМЯНСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Р.А. Мирумян
Российский-Армянский университет
rimma.mirumyan@gmail.com

Прошедший год (октябрь 2017–октябрь 2018 гг.) в Армении был объявлен годом Армянского католического монашеского Ордена – Ордена Мхитарианцев. Это было обусловлено двумя юбилейными датами: 300-летием основания Ордена Мхитарианцев на острове Св. Лазаря в Венеции и 175-летием основания патриарха армянской периодической печати – «Базмавепа».

В ряду проведенных в течение этого периода юбилейных мероприятий особого внимания заслуживают две международные научные конференции, в работе которых я имела удовольствие принять участие. В проведенной 23–25 октября 2017г. конференции «Мхитарианскому ордену в Венеции–300» я выступила с докладом «Программа духовного возрождения нации как опыт восстановления армянской цивилизационной парадигмы (к вопросу о политической концепции культуры)». На прошедшей 19–20 октября 2018г. конференции «Базмавеп: 175-летие патриарха армянской периодической печати» я представила доклад на тему «Через просвещение армянской нации к укреплению армянского национального самосознания как историческая миссия «Базмавепа». В этой связи считаю необходимым отметить, что мною написана и подготовлена к печати научная монография «Габриэл Айвазян (Айвазовский)», представляющий собой очередной том серии «Армянские философы». Упоминание об этой первой в арменистике монографии, посвященной осмыслению философско-исторического мировоззрения Г. Айвазяна целесообразно хотя бы потому, что он является одним из ярчайших представителей целого созвездия творивших в рамках XIXв. Мхитарианцев, основателем и первым редактором журнала «Базмавеп» (1843–1848 гг.). Один параграф этой монографии («Соотношение «нация–религия» в философско-исторической концепции Габриэля Айвазовского») опубликован в настоящем номере «Вестника РАУ».

Сказанное является лишь небольшой данью современной армянской духовно-интеллектуальной элиты, в том числе и моей (я занимаюсь исследованием творческого наследия основателя Ордена Мхитара Себастаци и первой плеяды Мхитарианцев, начиная с середины 90-х годов прошлого века) великому духовному подвигу Себастаци и вот уже более 300 лет реализовывавшим Программу духовного Возрождения армянской нации своего Первоучителя представителями Ордена. При исследовании творческого наследия Мхитара и Мхитарианцев в качестве исходной посылки я использовала (и продолжаю использовать) стержневой принцип разработанный мною для исследования армянской философской мысли

[1] Исследование опубликовано в рамках деятельности научной группы «Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства) при поддержке предоставленного МОН РФ финансирования научно-исследовательской деятельности РАУ.

философско-исторической методологической концепции: история и культура взаимосвязаны. В соответствии с этим культура существует постольку, поскольку в ней присутствует феномен истории и наоборот, история существует в той мере, в какой она вписана в разнообразные формы национальной культуры, оплодотворяя ее (культуры) бытие [1].

В соответствии с этой методологической посылкой можно утверждать следующее. В течение всей своей жизни Мхитар Себастаци реализовывал свою Программу духовного возрождения нации, сверхзадачей которой нужно полагать «восстановление» армянской цивилизационной парадигмы, что, в свою очередь, способствовало бы «восстановлению» матрицы армянской национальной идентичности, важнейшими составляющими которой, по замыслу Мхитара Себастаци, являются национальный язык, национальная история и история Национальной церкви.

Сутью своей Программы и смыслом деятельности основанного им Братства Себастаци определял как служение армянскому народу во Славу Бога: «Восславление Бога через армянскую культуру». В этом проявилось глубокое понимание Мхитаром Себастаци того, что народ, духовно-нравственный облик которого обусловлен его существованием как народа христианского, литературно-художественное, научно-философское, архитектурное творчество «заряжено» искрами зажженного Св. Григорием Лусаворичем (Просветителем) факела, чья жизненная стойкость и вечное Право на существование, муки и страдания исходят из того же источника — христианской веры, и обусловленной ею национально-религиозной идеологии, мог создать лишь такую культуру, которая явилась чистым отражением его национально-религиозного кредо. В истории Церкви Мхитар Себастаци оказался единственным её служителем, которая явилась чистым отражением его национально-религиозного мировоззрения [2].

Мхитар и его последователи были убеждены в том, что лишь таким путем можно пробудить и развить национальное самосознание лишенного национальной государственности и рассеянного по всему миру армянского народа. Программную установку Мхитара Себастаци наилучшим образом охарактеризовал Габриэл Айвазян: «… с помощью науки расширить кругозор и представления нации, чтобы она поняла, что представляет собой ее история, каков ее язык, что ее вера истинна, церковь православна, одним словом, чтобы называться нацией, ей не нужно отказываться от своей национальной принадлежности и для того, чтобы быть православной, ей не нужно выступать против своих “предводителей”» [3]. Программа духовного возрождения армянской нации МхитараСебастаци коррелирует с Программой национального просвещения Первоучителя нации Месропа Маштоца. В то же время она весьма актуальна для армянской нации и сегодня – в условиях нивелирующих национальное своеобразие объявленной и необъявленной глобализации с одной стороны, а с другой – тенденции «конструирования» национальной идентичности новообразовывавшихся наций. Цивилизации и культуры однажды рождаются и развиваются, чтобы обеспечить рождение и развитие нации, и наоборот: однажды рождаются и развиваются нации, чтобы порождать и развивать свою цивилизацию

и культуру. Это означает, что выживаемость нации и обеспечение ею своего места в пространстве Истории возможны лишь при сохранении ею в «жизненном состоянии» матрицы своей цивилизации и культуры.

Армянский монашеский католический Орден сохранил в «жизненном состоянии» матрицу армянской цивилизации и армянской национальной идентичности. Подобное устремление я определила через понятие «оправдание нации» (ազգարդարացում), являющееся центральным в моей методологической концепции. Такое устремление актуально для любой высокоразвитой в культурно-цивилизационном смысле нации. Для армянской нации подобное стремление было актуально на протяжении всей истории ее существования как нации христианской. Актуально оно и для ее современного бытия. При этом, если для новоформирующихся наций (недавно приобретших политическую независимость народов) данная проблема (самоидентификация) упирается в необходимость формулировки объединяющих эти народы культурных концептов, то для имеющих долгую культурную (и некогда ещё и политическую) историю наций эта проблема сводится к потребности переосмысления оснований собственной культуры [4].

Справедливость данного тезиса подтверждается идеей Мхитара Себастаци о создании Армянского монашеского Ордена и очерченным им же вектором деятельности Мхитарианцев. Глубокое понимание Себастаци духовно-интеллектуальных запросов нации, обусловленных её вековыми национально-религиозными ценностями, стало стимулом основания Армянского монашеского Ордена для духовно-интеллектуального просвещения нации. Последнее мыслилось Себастаци как главнейшее условие сохранения «Армянского Духа» – «Армянскости» («Հայկականության»).

В истории армянского народа, да и не только армянского, это неповторимое явление – основанный Мхитаром Себастаци Армянский монашеский католический Орден, стал маяком духовной культуры древнейшей нации, «обладающей неисчерпаемыми возможностями империей ценностей, к которому с каждым днём растущая армянская диаспора должна относиться серьёзно и с большим пониманием, поскольку он создан не для удовлетворения духовных и интеллектуальных потребностей нескольких десятков монахов, а в соответствии с завещанием великого Себастаци – «Как и я, этот Орден изначально был предназначен для культурного служения армянскому народу и во славу Бога» [5].

Данная формулировка может служить ответом как оставшимся в прошлом критикам Мхитарианцев за их «чрезмерный национализм», так и их новоявленным оппонентам, предлагающим «современные» модели сохранения армянской национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мирумян Р.А.* Философско-исторические концепции в армянской философской мысли XIX века: Методологический анализ, Ер.: «Ноян тапан», 2003. С. 58, на арм. яз.

2. *Мирумян Р.А.* Духовное возрождение нации как фактор сохранения армянской национальной идентичности в политической доктрине Мхитара Себастаци (к вопросу о политической концепции культуры) // Вестник РАУ (гуманитарные и общественные науки), Ер.: Изд-во РАУ, 2017, № 1. СС. 87–91.

3. *Архимандрит Габриэл Айвазян*. Очерк духа и бытия венецианского мхитарианского ордена, Константинополь, 1875. СС. 17–18, на арм. яз.

4. *Мирумян Р.А.* Национальный язык как первооснова культурной идентичности наций (политико-философский аспект) // Вестник РАУ (гуманитарные, общественные науки), 2016, № 2. С. 47.

5. *Архимандрит Арутюн Пзтикян.* Вклад Мхитара Себастаци и Мхитарианцев в армянскую культуру, Ер., 2003. СС. 78–79.